

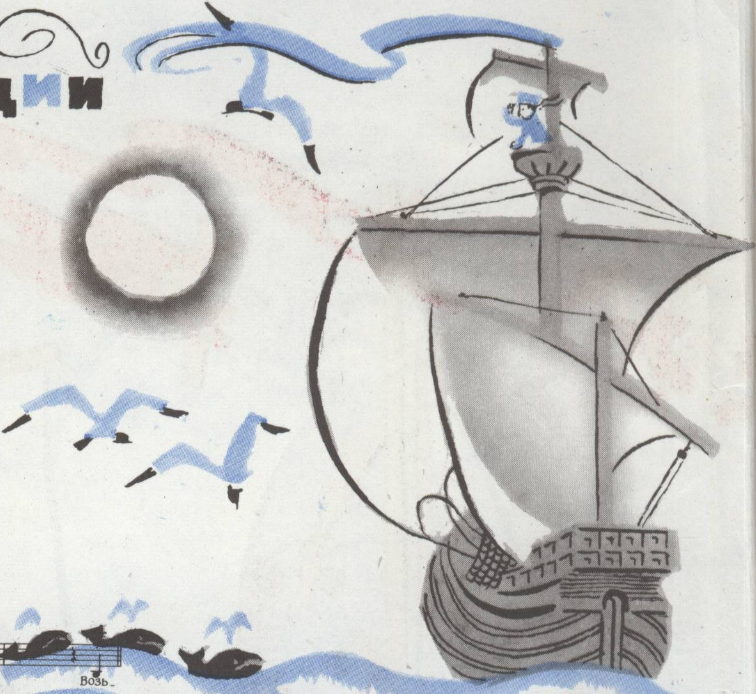
ПИОНЕР

МАРТ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1968 г.

Впередсмотрящий

Возьмите меня с собою,
Возьмите, ну что вам стоит!
На этот большой корабль
Возьмите меня с собою.
Я буду впередсмотрящий,
Вперед далеко смотрящий!
Я риф на пути увижу,
Из пены седой торчащий...
Увижу акул, наверно,
Медуз, на цветы похожих...
Китов разгляжу я первый,
Китов я увижу тоже!
Кальмаров живых, скользящих
Тунцов полосатых стаю
И рыб, над водой летящих!..
И, может, одну поймаю...
И ночью не спать я буду.
На вахте стоять я буду!
Вы ночью спокойно спите.
Возьмите меня, возьмите...
Возьмите меня с собою,
Возьмите, ну что вам стоит!
На белый большой корабль
Возьмите меня с собою.





Музыка Игоря ЕГИКОВА.
Слова Э. МОШКОВСКОЙ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ПИОНЕР

МАРТ 3

Издательство «Правда»
1968 г.

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ты уже заметил, читатель, «Пионер», твой приятель, сильно изменился. Впрочем, он по-прежнему твой журнал, твой товарищ и попутчик. Просто теперь журнал печатают на другой, на многокрасочной машине. Итак, прощай, «Пионер», и здравствуй, «Пионер»! Здравствуй, третий номер. ЧТО В НЕМ КРОЕТСЯ?



Начинается повесть А. КАРДАШЕВОЙ, она называется «Мальчик с разбитой коленкой», а речь в ней пойдет о любви и нелюбви к химии и еще о многих важных и сложных вещах.



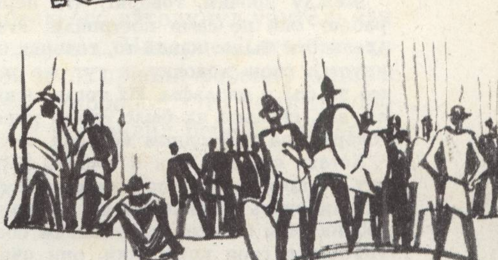
Знаешь ли ты, читатель, что АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ родился ровно сто лет назад? Сегодня «Пионер» расскажет тебе о Горьком и покажет... Но об этом Ключик умолчит, сам увидишь.

Турнир в небесах! Читайте балладу ЮРИЯ СМИРНОВА о Маркизе Филимоне. Внимание! В номере полная самых невероятных приключений детективная повесть болгарского писателя П. СТЫПОВА «Гости с Миона».

Продолжаем раскрывать «Секреты пяти линеек». Разговор пойдет о музыке веселой.

Мультипликационная история УОЛТА ДИСНЕЯ. Разглядывая, улыбнется даже тот, у кого болят зубы, а у кого не болят — и подавно.

Внимание! Воздушный десант в горах. Из облаков — и прямо в бой! Прочтите этот очерк!



«Стрелок» — новый рассказ писателя Ю. ХАЗАНОВА.

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ, его стихи. Познакомьтесь.

Ну, читатель, пора браться за номер, за дважды новый «Пионер». Дважды потому, что это третий номер, и потому, что он непохож на прежние.

ПЕРЕВЕРНИ СТРАНИЦУ!





СКАЗКА

Об этом почти никто не знает, но вам я расскажу.

В лесу под корнями деревьев, особенно в больших пнях с дуплами, обитают славные существа: эльфы, цвольфы и пуфы. Правда, последние водятся на юге, у нас их нет, они очень теплолюбивые. Ну, а зимой, когда наши леса завалены снегом, погружены в тишину и пусты, вот тут и являются на белый свет и эльфы и цвольфы.

Примечательно, что рождаются они не детьми, а уже взрослыми, хоть и невелики ростом. И у каждого уже дело в руках — профессия да и все нужные инструменты с собой. А в норках-то темно, да еще снег сверху, иногда просто огромные сугробы! Значит, огонь надо жечь, а на это дров надо много, и дымоходы чистить приходится.

Зато много снегу зимой — весной будет много воды. Вода же им очень нужна: и эльфам, и цвольфам, и даже пуфам, хотя эти на юге живут и у нас их нету. Холодновато у нас для них, вот и не прижились.

Работают эльфы и цвольфы, лодки строят и корабли, примерно такие же, какие мастерят для ручьев мальчишки: из коры, из щепочек, даже бумага идет в ход. Впрочем, бывают даже значительные суда и, конечно, все только парусные. Тут дело в том, что все эльфы и цвольфы—от рождения замечательные моряки и прекрасно управляются с парусами и с другими снастями.

А весной, когда снег превращается в воду и ручьи, роя себе дороги под корнями и пнями, бросаются куда-нибудь вперед и обязательно под уклон, вот тогда-то и выплывает на простор удивительный флот.

Между прочим, говорят, что первый кораблик они не сами построили. Это еще в древности было: какой-то, говорят, мальчик упустил свою лодочку, и тут же завладели ею эльфы и цвольфы. Их тогда меньше было, все, сколько их было, тогда уместились, говорят, на том одном корабле и уплыли.

Кстати сказать, они и теперь, когда плывут, то по сторонам посматривают: не упустил ли опять кто-нибудь из мальчишек кораблик? И я бы всем мальчишкам советовал: упускайте свои кораблики, они очень пригодятся весной, поплывут они из ручьев в речки, а там и океан недалеко...

Флот держит курс на островок, о котором никто не знает, и на картах его нету: слишком он для этого мал,— но он есть, и там очень хорошо жить. Так хорошо, что оттуда они уже никогда не возвращаются в наши места, где родились.

Я мог бы и еще кое-что рассказать, потому что много чего знаю про этих маленьких людей, но — обидно мне — никто не верит. И надо еще сказать: почти никто не видел их и их флота. Но не видят его те, кто не верит, и, пока не поверит, не увидит. Однако же и эльфы, и цвольфы, и пуфы есть, это совершенно верно, я ручаюсь. Даже вот вам факт: если бы их не было, то как же мы смогли бы их нарисовать? А они, вот они, перед вами, на своих кораблях, у нас на обложке. Значит, они есть!

Ваш АНТОН ЗАГОГУЛИН,
бывший почтальон и трамвайный кондуктор.

Мальчишка с

1

Лицо на экране

Сегодня у меня темно и тихо. Сижу у телевизора, жду начала передачи. Пока что смотрю в окно. Внизу — город домов, на дне улицы движутся люди, пробираются машины. Здесь, наверху,— город крыш. Он раскинулся далеко, неровный: вершина, провал, вершина, провал... И на всех крышах — тонкая поросль антенн. Они вытянулись из домов и связывают их с пространством, которое кажется пустым, а на самом деле чего-чего только в нем нет!

Невидимые волны входят в дома, и в комнатах наливаются бледным светом экраны телевизоров. Темные фигуры людей садятся перед ними и смотрят. Смотрите, смотрите, вам, наверное, будет интересно. И мне интересно, что вы познакомитесь с моим братом. Не познакомитесь, конечно. Это невозможно сделать за одну-две минуты. Просто увидите лицо человека, который для вас кое-что сделал. Я знаю, другие, может быть, сделали больше, но о них я не могу рассказать так, как о своем брате.

Идет передача. Гигантские чаны, оплетенные трубами, приборы, приборы... А вот на экране зароились, заплясали шарики-молекулы. Сперва они безответственно резвились, потом начали сцепляться друг с другом и пошли, пошли хороводом!

А. КАРДАШОВА

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА



ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

разбитой коленкой

Наконец — самое главное — лебедка со стальным тросом. Он ровно срезан на конце. Срез величиной с пятак. Автомобиль «Волга», обвязанный таким же тросом. Один конец его так же срезан. Крупно: руки совмещают смазанные клеем срезы. Склеенный трос натягивается, натягивается, автомобиль отрывается от земли, качаясь, повисает в воздухе. Пассажиры «Волги» улыбаются. Цирк? Чудо? Нет, химия, которая породила клей огромной силы.

Теперь на экране трое ученых. Они тоже улыбаются. Мой брат — вот этот, справа. Странно видеть его на экране. Он даже и не очень похож. Морщины какие-то вдоль щек, я их не помню. А улыбка его, мальчишеская, с закрытым ртом. Рад. Сделали! Получилось.

Телевизор погас. И снова тихо и темно. Только белеет пятнышко на фотографии, которую я держу в руках. Это пятнышко — повязка на коленке моего брата. У окна светлее, я смотрю на знакомую фотографию. Дети сидят на заборе. Девочка, загорелая, в белом платье, в белой панамке, вцепилась темными пальцами в столбик. Неужели это я? Рядом — мальчик постарше, в полосатой фуфайке, коротких штанишках. Круглое, курносое лицо... Совсем не похожее на длинное, суховатое, которое я только что видела на экране. А улыбка та же, с закрытым ртом.

Почему завязана коленка? Взрослые футболисты не принимали брата в игру: мал. А он добился своего — заменил игрока на поле. Играл отчаянно, бешено, себя не щадил, и вот ему в свалке разбили коленную чашечку, белый шрам остался навсегда.

А что думает о химии мальчишка с разбитой коленкой?

Ничего. Он химии не любит, не понимает, не учит. На химию его натолкнул учитель Николай Александрович. Наверное, это был хороший учитель, и он привил ребенку интерес к важной науке? Наоборот. Это не был хороший учитель. Он не привил ребенку интереса к важной науке.

Шли первые годы после Октября.

2

Старикашка Николай Александрович

Начинался старикашка с масляной лысины, окруженной седоватыми волосиками. Лицо его было постоянно раздвинуто широчайшей улыбкой. Редкие зубы всегда на виду. А за ними черно, и кажется, что у старикашки полон рот яду.

— По учебнику, — говорил он тихенько, — выучите «от сих до сих», а не выучите, «неуд» поставлю, а с «неудом» в следующий класс не перейдете, уж я позабочусь...

Вместо глаз у Николая Александровича были черные дырки с ядом, прикрытые сморщенными мешочками.

Нос мы пропускаем, он существенного значения не имел.

На покатых плечах старикашки всегда висело что-нибудь засаленное — блуза вроде балахона или пальто вроде балахона.

Учитель химии Николай Александрович химию не любил и не знал. Уроки он заполнял чем попало.

Когда он рассказывал о жизни лягушек, брату казалось, что головастики так и прыгают из его рта на учительский стол. Рассказывал старикашка о египетских пирамидах, о сфинксах, об африканских попугаях, обо всем том, что ему удалось нахватать за свою длинную жизнь. А иногда вдруг надевал очки и начинал хлопотливо скрипеть мелом по доске, заглядывая в учебник химии.

Мой брат идет по улице и неодобрительно смотрит на большие почки молодых тополей, словно облитые густым, желтым жиром. Свернутые листочки изо всех сил стараются выдраться на волю.

— Старайтесь, старайтесь! — хмуро говорит им мальчишка. — Я вам выдерусь! Я вам развернусь!

Это он так говорит, чтобы отвести душу. Что тут можно поделать? Весна все равно идет, зачеты все равно надвигаются. Он не любит весну. А как ее любить, если нельзя бродить по улицам, оглушенному весенним ветром, с пятнами весеннего солнца в глазах, нельзя гонять мяч по влажному еще двору до потери сил? Весна со всеми своими соблазнами идет мимо тебя, а тебе приходится, устроив себе шоры из ладоней, торчать над учебниками.

Значит, так, русский должен пройти. Классиков он читал. Сочинение надо написать как можно короче — чем меньше слов, тем меньше ошибок. А как с запятыми? Никак, ставить одни точки. «Онегин был ученый малый». Точка. «Он был педант». Точка. Если захотеть, все можно написать с одними точками.

История, можно считать, у него в кармане. Историк, хотя и остался от прошлого времени, — молодец. Знает, что учебники трудно достать, и на уроках рассказывает медленно, так что все можно за ним записать.

Обществоведение — это Колька Тимохин. С ним просто. Иногда он и сам чего-нибудь не знает, но не стесняется.

— Это, — говорит, — я подчитаю, братцы, вместе разберемся.

К нему домой можно прийти, в общежитие, во всех его книгах покопаться, а потом ему же в классе такое выдать, что шерсть на его коровьей куртке дыбом встанет. Тимохин своей рыжей с белыми пятнами куртки никогда не снимает, и коровий хребет топорщится у него на спине, и пахнет от него кисленьким, деревенским, и похож он на пастуха.

Колька учится на рабфаке, и то, что там узнает, по свежему следу рассказывает ученикам, и сам удивляется, и хохочет, и все у него хорошо запоминаешь.

«Филин» — физик, Филипп Филиппович, — хороший старик и очень похож на доброго филина: глаза большие, и сам весь зарос какой-то мягкой шерсткой. И говорит мягко: «Вота оплатает текучестью».

У него можно совсем не учить — все равно ответишь. Сам подскажет. А что у него делается на уроках! И жалко его, и даже крикнешь: «Тише!» Но кругом так весело и шумно, что поневоле начинаешь или крышкой парты хлопать или петь что-нибудь...

Надо бы как-нибудь выучить физику, порадовать старика, да все руки не доходят.

А вот что делать с проклятой химией? Николай Александрович велит выучить «от сих до сих» по учебнику. А где взять учебник? Можно, конечно, втридорога купить на рынке. У брата даже кое-какие сбережения водятся: трамвайные деньги — ходил пешком, от завтраков деньги — ел один хлеб. Он копит на альбом для марок, и тратиться на такую дрянь, как учебник по химии, для такого червивого шлюпика, как Николай Александрович, вовсе не собирается.

Вон по той стороне бежит Витька Подсосков. В пиджачке. Этому ни на что не надо копить. Все есть. Книга по химии есть. Альбом для марок есть. Белая булка с маслом в кармане есть.

Можно бы, конечно, попросить химию вечера на два, только рожа у Витьки уж очень поганая. Он даже идет как-то противно — на каждой ноге приседает и выбрасывает ноги в стороны, как клоун, — вот и я!

Так и дошли до школы по разным сторонам улицы, Витька Подсосков и брат.

Последний урок был химия. Николай Александрович явился разряженный, в светлом балахоне и с бантом, как у артистов. Он очень спешил.

— Следующий урок — зачет, — сказал он. — Внимательно прочтите весь курс по учебнику. Опыты тоже буду спрашивать.

— А как же? — закричали с мест. — Мы не делали!

Николай Александрович радостно растянул рот до ушей.

— У нас в советской школе аппаратуры нет, и опыты делать мы не имеем возможности... — Он похихикал. — Так что опыты будете рисовать на доске.

Когда старикашка ушел, не все побежали домой. Остались те, у кого не было учебников.

Толстая Маня Нейман сидела за партой, обхватив голову руками, и раскачивалась, и ныла:

— Ой, что я буду делать, ой, папа меня выдерет!

— Ну, несправедливо! — говорил Юра Орлов. — Он же нас не учит. А спрашивает. Зачем нам тогда учитель?

— И ведь радуется! — крикнул брат. —

Радуется, что нам трудно! «У нас в советской школе аппаратуры нет!». Пирамида гнилозубая! А знаете что! Устроим забастовку!

Маня со страхом поглядела на брата.

— Зачем забастовку?

— Ну, чтобы добиваться! Вот как рабочие при капиталистах!

— А чего добиваться? — спросил Юра.

— Чтоб старикашку убрали! Он саботажник, он не хочет при Советской власти работать! В школе мы хозяева! Он нам не нужен! Мы не будем на зачете отвечать химию, будем рассказывать про египетские пирамиды! Он нам про пирамиды, и мы ему про пирамиды! — кричал брат, стуча кулаком по парте.



— А знаете что? Устроим забастовку!

— А я про лягушек расскажу! — Маня развеселилась.

— Не так надо сделать! — сказал разумный Володя Крахмальников. — Надо собрать ученический комитет, вынести решение и с ним пойти к директору.

— Ну и получится, что мы жалуемся. А мы устроим на зачете хорошенькое представление, и всем станет ясно, какой работничек старикашка. Ну как?

Все, кроме Володи, сказали: согласны. Но как-то тихо, неуверенно. Сгоряча брат не обратил на это внимания, показалось, что все идет хорошо.

По дороге домой он остыл и стал думать, как это получится:

«Юрка Орлов. Да разве он на зачете, при директоре, при чужих учителях станет рассказывать о сфинксах и попугаях?

Он встанет, курточку одернет, сглотнет и пробубнит, что у него нет книги.

А Манька? Схватится за голову и завопит: «Ой, я не виновата, ой, у меня нет книги!» Какие там лягушки! И другие ребята не посмеют. Представление может состояться при участии только одного актера — его самого. Что же будет дальше? Вот что: вызовут к директору. Все встанут жалкой кучкой у дверей кабинета. А директор (он муж бывшей начальницы бывшей гимназии) как начнет хлопать своим большим ртом под серыми усами, голос, как из бочки, и выяснится, что зачеты нам отложат, а книжки освободятся, и мы их получим. Значит, все кончится хорошо? Нет, нехорошо, потому что гнилозубый старикашка и на следующий год будет нам вкручивать насчет пирамид и лягушек».

Брат шел по переулку, солнце било его по глазам, мешало все обдумать. Но вот гулко хлопнула дверь — он в полутьме и каменной прохладе подъезда. Он постоял немного. Старикашка — это старый мир. Надо бороться против старикашки. Но какая же это борьба — заявить, что ты ничего не знаешь? Это слишком просто. Это не для него. Что ж, он встанет, как баран, и проблеет: «У меня нет книжки, я ничего не знаю»? А достоинство? Он должен быть выше старикашки, и уж во всяком случае на равных. Так вот: он во что бы то ни стало достанет «Химию». Прочтет ее от корки до корки. Начнет разводить турусы на колесах насчет пирамид и вдруг… ввернет что-нибудь такое, чего и старикашка не знает! Вот так. Это будет шикарно!

Брат взбежал на второй этаж, веселый и уверенный.

Когда он на другой день пришел в класс, там сидел один Витька Подсосков. У Витьки было много хороших вещей, и он весело ими пользовался. То достанет хорошенькую ручку, то ножик и вертит на глазах у всех и поглядывает: что, нравится? А в руки никому не дает. Если и даст ножик очинить карандаш, то возьмет за это марку или скрепку.

Свои роскошные многослойные бутерброды он разъедал медленно, со смаком, поглядывал по сторонам. И все отворачивались. Сейчас Витька копался в своей сумке. На крышке парты лежала «Химия».

Брат с ходу, не подумав, сказал:

— Дашь на два вечера?

Витька поднял голову и быстро положил свою лапу на книжку. Он даже засопел от счастья. Такой малый, который ни перед кем не унижается, попросил у него книжку. Те-

перь он у Витьки в лапе. В той самой, которая лежит на книжке. Что бы с него взять? Нет, его унизить надо! Если что-нибудь с него спросить, он швырнет, возьмет книгу и опять будет выше Витьки. Витька даже задвигался на парте, так ему захотелось выдумать поскорее какое-нибудь унижение.

— Ну дашь? — Брат чувствовал, что добра тут не будет.

— Погляжу еще! — сказал Витька немного испуганно и радостно. Он еще ничего не придумал, но уж очень его веселило такое положение! Хотелось потянуть.

— А... я ее Гуньке обещал!

Брат скрипнул зубами — Гуньке! Этому разине, второгоднику, который никогда ничего не учит. Да и учил бы — все равно башка не принимает, дело к выключке идет.

— Врешь, не обещал!

— Ну ладно! — Витька махнул свободной рукой и добродушно засмеялся. — Гунька обойдется!

Брат протянул руку.

— Ну?

Витька вдруг спрятал книгу в парту, достал тетрадку, вырвал листок и, деловито нахмурившись, стал писать голубенькой ручкой. Потом протянул брату листок.

— Подпишешь — получишь книгу.

Протянул и тут же понял: пережал, недодумал, сплоховал Витька.

«Я, нижеподписавшийся, — прочел брат, — обязуюсь до конца года ходить всегда и всюду с Виктором Подсосковым и выполнять все его приказания...»

Брат с силой скомкал бумажку.

Витька испуганно отодвинулся — ведь до конца года недалеко.

Брат швырнул в Витьку скомканную бумажку и еще по морде ему добавил: раз, два!

— Ах, ты с... пекулянтов сын!

— Что это у вас? — спросил, входя, Володя Крахмальников.



— Погляжу еще! — сказал Витька.

— Ничего особенного! — весело и зло ответил брат. — Полирование спекулянтской рожи простейшим способом.

— Полезно! — усмехнулся Володя.

Ну хорошо, отполировал. А книгу где достать? Потихоньку во время урока оглядел класс. У девочек есть книга — передают ее друг другу, не допросишься. Дальше сидят неимущие вроде него. У двух-трех человек есть книги, но как-то не хочется просить. Ладно, в крайнем случае пустим в ход сбережения. И брат успокоился. Но, поглядев случайно в окно, он увидел над крайней партой светлый, блестящий на солнце ежик волос Шурки Дымского. Шурку брат как-то никогда не замечал. У него на лице не было ничего интересного. Ни бровей, ни ресниц, нос незаметный, глазки бесцветные. Не лицо, а яйцо. И по форме похоже. Шурка был тихий, но хват. Сам никого не трогал, но, если заденут, сдачи давал быстро и полноценно. Здоровый, хотя и низенький. И задачи по математике решал на доске лихо, со стуком!

У Шурки отец — профессор химии. У них все книги есть. Может, попросить?

— Книгу я тебе дам, — сказал Шурка. — Если совсем не занимался, в два вечера не прочтешь. Сегодня суббота... — Шурка поднял руку с короткими пальцами и стал их загибать. — Ладно, бери до среды. Только не запачкай, не порви, будешь делать опыты — не прожги!

«Опыты! — думал брат. — Еще чего!»

— Книгу верни точно в срок.

Брат все выслушал, поблагодарил... Зануда он, конечно, а что делать? Взял книгу и пошел домой читать химию.

Он сел, положил локти на столик, тот заколебался на своих тонких ножках, потом успокоился, и чтение началось. Нет, не чтение. Сперва ленивое листание.

Рисунок. Спиртовая горелка, стеклянная... Где это он видел такую? Хороша горелка. Толстенькая, прозрачная — фитиль видно, колпачок такой складный, уютный.

«Сняв колпачок, зажгите фитиль, наблюдайте горение, затем накройте пламя колпачком, чтобы погасить его», — прочел он. И так почему-то захотелось подержать горелку в руках, прохладную, тяжеленькую, зажечь деловитое маленькое пламя и «наблюдать горение»!

А что можно сделать на такой спиртовке? Начал читать снова. «Все вещества невозможно перечислить... С каждым днем химики создают новые вещества».

Поднял голову. Интересно было бы самому создать вещество, которого нигде нет. Никогда не было! А я вдруг возьму и создам! Дуну, плюну, на спиртовке подогрею — и создам!

Он просидел над книжкой целый вечер. И крики футболистов во дворе не тревожили его нисколько.

На другое утро, в воскресенье, он проснул-

ся с чувством полученного подарка. Огромного, невиданного. И в груди от этого было широко, и в глазах ясно. Он поглядел в окно на выступающий кирпичный угол дома. Поглядел на потолок, где, как черная молния, трещина ударяла в простенок над окном, на лампочку в белом колпаке, уныло висевшую на неровном проводе...

«Вы все те же, — подумал он, — а жизнь другая. Ух, какая жизнь!»

Эта новая жизнь, как джин из бутылки, поднялась фонтаном из нарисованной в учебнике стеклянной горелки.

А ведь как ему не хотелось садиться за книгу! Как он зевал и выламывался, прежде чем сесть!

Вот стоит столик на тонких, дрожащих ножках. На столике наколота зеленая, вся выгоревшая, исчерченная бумага. На бумаге — книга. Она досталась не просто. Она была призвана служить идее: «Знаю, но не отвечаю. Могу, но не хочу».

Все изменилось. Идея теперь казалась чахлой. Дело было в другом.

«Из физики вы знаете, что вещества состоят из молекул».

«Из физики мы, конечно, знаем, но никогда не придавали значения тому, про что шепелявит Филипп Филиппович. Ну, из молекул, так из молекул! Но вот что интересно. Сижу я (весь из молекул, конечно), передо мной стена. Тоже из молекул. А между мной и стеной что? Ничего? Нет, позвольте, это раньше считалось, что ничего! Между мной и стеной тоже молекулы, да еще какие шустрые! Стенные молекулы, те плотно сидят, неподвижно. Мои молекулы — ну-ка, что они там? Да ничего особенного. Плавают, наверное, взад-вперед, пробираются... А вот это самое «ничего», воздух... Ведь его как бы и нет, а в нем такое происходит! Его молекулы что хотят, то и делают! Летают, кувыркаются, отталкиваются друг от друга — да ну тебя, ты мне надоела! Легкомысленный народ!»

Он сделал движение рукой, как будто поймал их в горсть.

«Сколько их тут у меня в руке? И все хотят на волю. Ладно, летите».

Разжал руку — ничего! Вот тебе и «ничего»! Проходу нет от молекул!

Он читал страницу за страницей, читал «Химию», как «Всадника без головы»! Жадно разглядывал приборы. «Кольцо штатива», «горло фильтра»... Ему так захотелось самому повозиться с приборами. Их ведь нужно составить, собрать! И вдруг он вспомнил слова Николая Александровича: «Опыты будете рисовать на доске».

— Сфинкс безносый, пирамида трухлявая! Делать надо опыты, а не рисовать! До чего же интересно делать опыты! Мало того, что своими руками производишь чудеса, можно ошпариться, отравиться, сгореть, взорваться, и никто тебе не скажет: не делай, это опасно. Нет, делай, только осторожно.

«Вота оплатает текучестью», — говорит Филин. Ну да, льется из крана, холодная, ленивая, неинтересная. А из чего она состоит? Из двух «ничего», из двух газов. И оба они такие, что только и жди от них всяких вспышек и взрывов!

«Для безопасности завернем бутылку полотенцем, введем в нее один объем кислорода и два объема водорода. Поднесем к пламени. Сильный взрыв гасит пламя».

И ведь это, если заниматься по-настоящему, мы бы сами делали в школе! А кислород! В нем все так ярко горит! А магний! Он и в воздухе горит ослепительно, а в кислороде?

И вдруг ему отчаянно, бешено захотелось сейчас же, сию минуту сжечь магний в кислороде. Магний достать можно. А вот кислород? В аптеке кислородную подушку? Не дадут, если никто не болен. Ага, вот тут способы получения кислорода. Марганцовка найдется. А пробирка? А колба? А горелка? «Я хочу сам делать опыты. Это мне нужно позарез! Должна же быть в школе лаборатория? Не может быть, чтобы ни колбы, ни пробирки!»

Он дочитал книгу и выбежал на улицу.

Капал дождь. Шумели в темноте листья. Горели редкие фонари. Блестели лужи. Спешили темные фигуры прохожих. Пахло листьями тополя и мокрой землей. А жизнь была другая. Не та, что вчера. Раньше между деревьями, и домами, и прохожими было пусто, а теперь все заполнено. Рукой не пошевелишь, чтобы целый град молекул не застучал тебе в руку!

Все невидимо двигалось вокруг него, перемещалось, волшебно превращалось одно в другое, и все время неизвестно откуда возникало новое.

Он посмотрел на небо: звезда чуть блеснула сквозь облака. Там, вверху, наверно, свои какие-нибудь молекулы реют, и переливаются, и блещут.

И всего этого в мире так много!

И такое огромное свалилось на маленького еще человека, что ему стало страшно. И радостно и страшно. Еле добрел он до дому и свалился в постель.

Вселенная, с ее морями, океанами, водяными и воздушными, с толпами ее частиц, с ее звездами, туманностями и свечением, дрожала над ним в своей вечной работе.

А зачет? И вспоминать не хочется.

За столом на зачете сидели, кроме Николая Александровича, два учителя из другого класса и Колька Тимохин. Но уже не в коровьей куртке, а в черной косоворотке, и голова его казалась удивительно белой.

Брат поглядывал на все это со стороны, как чужой.

Вызвали Маню Нейман. Маня, вся малиновая, хваталась за голову и повторяла: «Ой, сейчас!» Потом начала лепетать что-то о получении кислорода и даже нарисовала на доске кривулю вместо прибора.

А потом вызвали Юру Орлова и еще двух, которые уговаривались не отвечать.

«Так я и думал! Как в воду глядел. Слякоть несчастная! Трусы! Ладно. Я-то лучше вас всех знаю, а все равно отвечать не буду! Один скажу про старикашку все, что нужно».

Но его что-то долго не вызывали, а потом спросили Шурку Дымского. Брату было очень интересно слушать. Дымский рассказывал о кристаллизации и даже то, чего не было в книжке. Он нарисовал на доске много разных красивой формы кристаллов.

А потом вызвали брата, и ему захотелось вот так же спокойно, обстоятельно рассказать то, что он хорошо знал. Отказываться или болтать о пирамидах ему не хотелось вовсе. Но тут он увидел крепкий затылок Юрки Орлова. Что, я такая же слякоть, как он?

Брат встал и тихо, глядя вниз, пробормотал: «У меня нет книги, я не учил».

Дымский с удивлением посмотрел на него, но промолчал.

— Ну как же так? — широко улыбаясь, сказал Николай Александрович. — У многих книги нет. Я знаю, вот у Нейман, у Орлова... Они же попросили у товарищей, выучили.

— Я ему предлагал книгу, он не взял! — выскочил вдруг Подсосков.

— Ты! Предлагал! — крикнул брат. — Схлопотал по морде и еще схлопочешь!

— Тише, тише... — Николай Александрович помахал пухлой рукой. — Сидите, Подсосков, мы и без вас все выясним.

Но брат уже сорвался.

— Вы ничего не рассказывали нам по химии! — зло и отчетливо проговорил он, глядя прямо в желтые глазки старикашки. — Мы наслушались от вас про египетские пирамиды, про сфинксов, про лягушек, про это я и сейчас мог рассказать... Я и по химии могу! — выкрикнул он высоким голосом. — Я химию не хуже вас знаю!

Он кричал, а затылок у него стыл от страха, и неправдоподобными казались удивленные лица учителей. А у старикашки со всего лица сошла улыбка, только рот остался до ушей.

— Я потому отказался, — задохнувшись прохрипел брат, — чтобы все знали: так нельзя заниматься. — Он снова вскипел. — Вы ни одного опыта с нами не сделали, мы пробирки в руках не держали, вы... вы... враг химической мысли! — выпалил брат.

Наступила тишина. И вдруг молодой учитель из другого класса чуть-чуть фыркнул. Засмеялся другой. За ним — Колька Тимохин. И вот уже хохотал весь класс.

Брат растерянно оглянулся, махнул рукой и выбежал за дверь.

А старикашку все-таки выгнали — Тимохин постарался. Вместе с братом они ходили смотреть школьную лабораторию. Это была одна печаль — пыльные осколки. Но Тимохин обещал нового химика из своих рабфаковцев, сказал, что «этот лабораторию наладит, вырвет для школы оборудование».

Брат сдал химию директору, который вопросов почти не задавал, а больше кивал с ученым видом своей большой бородатой головой и быстро поставил «зачет».

До конца занятий осталось немного. Брат теперь ходил на переменах с Шуркой Дымским. Приходя в школу, он первым делом высматривал невысокую фигурку с большой яйцевидной головой. Шурку в классе считали скучным малым, но для брата он был полон интереса.

— А опыты как ты делаешь? — спрашивал брат.

— У меня дома лаборатория.

— Лаборатория? Дома?

Иметь дома лабораторию! Самому, без всякого учителя, делать опыты! Составлять приборы! Зажигать спиртовую горелку, разогревать, подмешивать, окислять, взрывать! Дома! Самому! И новая мечта, ослепительная, как пламя магния в кислороде, загорелась перед братом.

— А где ты взял оборудование? — спросил брат на всякий случай, он понимал: папа Дымский — профессор химии, у них есть все.

— Кое-что отец мне дал, — ответил Шурка, — а многие вещи я купил у вдовы одного стеклодува. Он папе делал химическую посуду по заказу. Частник. А теперь он умер, и его вдова все распродает. Дешево, знаешь...

— А ты еще не все у нее купил?

— Да нет, у нее на десять таких лабораторий, как моя.

Теперь все! Никаких альбомов! Копить только на лабораторию!

3

Раба старшего брата, или случай с вдовой

Девочка толкнула дверь в комнату брата, маленькую, серую комнатку, с тонконогим столиком, железной кроватью и старым комодом... Нет, не только во сне знакомая дверь открывается вдруг в незнакомый мир! Свет и блеск ударили девочку по глазам; множество тонких, разной формы бутылочек и трубочек вспыхивали на солнце.

Девочка в сером платье, с красными лентами в черных косицах, с куклой без ноги в одной руке и с ногой от куклы — в другой стояла на пороге новой, удивительной жизни своего брата.

Кукла полетела на сундук в коридор, и девочка медленно вошла в самую середину стеклянного, сверкающего мира.

Брата она заметила не сразу — брат стоял у комода и бережно вытирал полотенцем что-то тонкое, стеклянное. Он был очень счастлив тем, что так поразил сестру, но тут же крикнул:

— Ничего не трогай, разобьешь!

Потом поставил на комод стеклянную штучку, и они вместе начали рассматривать «лабораторию». Сестра не удивилась, что все это богатство называется «лаборатория». Слово длинное, непонятное, вполне подходящее.

Весь тонконогий столик был уставлен бутылками и банками странной формы: большими и маленькими, пузатыми и прямыми, а также со скошенными стенками. Деревянная подставка с трубками, а в них налито что-то яркое — голубое, желтое, лиловое...

— Подержала? Ну давай! Сейчас мы ее зажжем.

Он снял стеклянный колпачок, и девочка увидела фитиль. Он торчал черной щеточкой, а сквозь толстое стекло было видно, как другой его конец, белый, свернувшись, лежал в спирту на дне горелки.

Х-р-х! — зажглась спичка, огонь со спички перелетел на черную щеточку, фитиль хорошо поймал огонь, и теперь, с огнем, горелка стала еще лучше.

— Наблюдай горение! — сказал брат.

И сестра наблюдала. Пламя было такое



— Я химию не хуже вас знаю! — выкрикнул брат высоким голосом.

Маленькие весы. Серебряные. До чего хорошенькие! Рыжие резиновые трубки. Они свернулись, как змеи. А это что? Девочка робко тронула что-то похожее на курительную трубку, только в форме яйца.

— Не трогай! — заревел брат.

Девочка спрятала руку под мышку.

— Это называется «реторта». — Брату вовсе ни к чему было ссориться с сестрой. Не мог же он сам, один, вынести всю роскошь и красоту новой жизни? Кроме того, он собирался поразить сестру если не совсем, то почти насмерть. Он подготовил ряд номеров. Но сперва... сперва он хотел познакомить ее со своей спиртовой горелкой.

— Можешь подержать! — сказал он добрым голосом. — Только держи обеими руками! — И он вложил ей в руки прохладную, круглую вещичку, всю из толстого зеленоватого стекла.

— Какая хорошая! — прошептала девочка.

легкое, девочка дышала совсем тихо, а оно все-таки чуть-чуть отклонялось. Около фитиля оно было прозрачное, выше — коричневатое, а еще выше — оранжевое, такой мягкой лопаткой. Огонь. Он ни на что не похож!

— А сейчас мы его погасим! — сказал брат. Взял колпачок, надел его прямо на огонь, и все — огня нет! Только белый дымок завозился внутри колпачка. Сестра засмеялась — ей было жалко огня, но уж очень ловко брат его прихлопнул.

Теперь брат, поглядывая на сестру грозно и зловеще, взял со стола бутылку, налил из нее что-то прозрачное, как вода, в трубочку...

— Держи пробирку!

Сестра взяла ее осторожно, как свечку. В другую пробирку брат налил что-то вроде жидкого чая и, отставив руку с пробиркой, пристально посмотрел на сестру. Начинались смертельные номера.

— Что бы ты ни увидела, — сказал брат

замогильным голосом,— держи пробирку крепко и не роняй!

Как в сказке: «Что бы ты ни увидела, что бы ни услышала, иди вперед, не оглядывайся». Девочка замерла с пробиркой в руке. Брат медленно налил своего желтого «чая» в ее прозрачную «воду», и вдруг она заклубилась и стала густого красного цвета.

— Кровь! — прохрипел брат голосом убийцы.

Такого жуткого блаженства девочка еще не испытывала никогда.

Номера продолжались. Брат расчистил себе место на столе и, засучив рукава, высоко вскидывая руки, что-то наливал и подсыпал в разные склянки. Потом опять зажег спиртовку.

— Отойди! — скомандовал он.

Девочка отступила к двери.

Он поднес совершенно пустую бутылку к огню, быстро вынул пробку — пах! — что-то блеснуло, и огонь погас.

Номера шли один за другим. Сероватая бумажка, опущенная «в воду», становилась то синей, то красной, мыльные пузыри летели вверх, как пули, и шлепались в потолок, обдавая их брызгами. Шершавая змея с шипением выползала из фарфоровой чашки.

А девочка стояла тихая, покорная, смотрела на брата и старалась понять, когда это и как он из простого брата превратился в такого волшебника! «Он все может! — думала она. — И куклу может починить». Но кукла потом, тут творились вещи поважнее куклы.

Брат стал другой. Комната стала другая. Это уже не комната, а лаборатория — сверкающий мир таинственных сил. И сестра стала другая. Великий маг — старший брат — покорил ее, она стала рабой старшего брата.

Это была я.

Мы уселись на пол, у ящика с не разобранной еще посудой, начались будни нашей новой жизни. Они тоже были полны интереса и наслаждения. Брат принес теплой воды в миске, и мы вместе купали и вытирали колбы, реторты... Брат видел, как осторожно я все делаю, и теперь доверял мне. Он научил меня вытирать пробирки — надо накрутить мягкую тряпочку на карандаш, засунуть в пробирку и осторожно повертеть. Пробирки отлично вытирались. После купания колбы, реторты, пробирки отдыхали на моем кукольном одеяле, а в их чистых боках отражалось маленькое, кривое окошко или моя вытянутая, а иногда сплющенная физиономия.

Заглянула мама и удивилась:

— Как вы хорошо вместе играете!

Нет, это была не игра...

Брату нравилось мною командовать. Правила были такие: к тому времени, как ему прийти из школы, на кровати должна лежать домашняя рубашка. Но не просто валяться как попало, она должна раскинуть рукава и повернуться воротом к стене. Брат быстрыми шагами входил в комнату, становился лицом к рубашке — раз! — он скидывал с себя куртку, которую я должна была сзади поймать — два! — он нырял в рубашку — три! — застегивал пояс. Готов! Но стоило мне уронить куртку: «Безрукова!» — кричал брат. Он любил выругать какой-нибудь тут же придуманной фамилией. Не дай бог, если рубашка лежала не по правилам. «Ка-а-к лежит рубашка?» — наступал он на меня с кулаками. Брат был моим тираном, но называл меня «дорогая». Это обращение он вычитал из книжки, и оно звучало не всегда ласково. «Дорогая!» — кричал он грозно, и я со всех ног бросалась выполнять его поручения.

Но мне нравилось служить в «нашей лаборатории» даже у такого строгого начальника.

Брат держал в руках громадную реторту нежно, как цыпленка, он подышал на нее, протер и стал рассматривать на свет.

— Хорошие у нас с тобой вещички. Не из последних, а? Но чего нам не хватает — так это аппарата Киппа. Как мы с тобой получаем водород? Как? — допрашивал он меня.

— В пробирках,— отвечала я робко.

— Правильно. Так ведь в пробирке реакцию не прервешь, а нам надо, чтобы мы могли прервать реакцию, когда захотим.

Слова «опыт», «реакция», «аппарат Киппа» были для меня, как сладкие ягоды с новым, необыкновенным вкусом.

— И потом, какая же лаборатория без аппарата Киппа? Аппарат Киппа — это «венец всей жизни, прелесть грез!»

Насчет «венца всей жизни» мы вычитали в книжке немецкого писателя Буша. Там про



В переулке, недалеко от нас, была торговля «с рук».

двух озорников — Макса и Морица. Они просто так, чтобы напроказить, делали разные гадости. Например, они дали проглотить курам одной женщины корки хлеба, привязанные к длинным ниткам. Куры проглотили корки, взлетели на дерево и повисли на нитках. А Больтова вдова всплеснула руками и сказала:

О, лейтесь, лейтесь токи слез
И превратите сад в реку —
Венец всей жизни, прелесть грез,
Здесь все повисло на суку!

— Где же нам достать аппарат Киппа?

— Достать-то есть где, а вот на что купить? — грустно сказал брат. — И нету, и взять негде. Правда, она дешево продает...

— Кто?

— Вдова.

— Какая вдова, Больтова?

Брат засмеялся.

— Да, Больтова. Я ведь у нее всю свою лабораторию купил. Муж у нее был стеклодув, частник. Он сам выдувал всю посуду. У него отец Дымского покупал и другие химики. Он-то знал цену своей посуде. А вдова ничего не понимает, почти что даром отдает. Даром, да не совсем. А денег взять негде.

В переулке, недалеко от нас, была торговля «с рук». Мама не позволяла мне там болтаться, боялась, что я какую-нибудь заразу схвачу. А я всегда старалась именно этим переулком пройти в булочную. Там было много интересных вещей. И я ведь ходила туда не просто так. Я присматривала себе что-нибудь купить. У меня дома на полке стоял глиняный баран. Если его потрясти, там гремели монеты. Это был подарок бабушки. Она всегда почему-то дарила деньги: купи, что тебе самой захочется. И пока монеты гремели, казалось, что купить можно что угодно! Только выбрать трудно. Мне хотелось какую-нибудь маленькую коробочку. Откроешь ее, а там... Я не знала, что там должно лежать. В этом и был главный интерес.

Я шла по переулку и смотрела направо-налево. Направо, на вытертом коврике, лежат башмаки и туфли, старые и раздавленные, как будто по ним грязное колесо проехало.

Налево, как статуя, стоит высокая барыня в протертом бархатном пальто, в сплющенной кружевной шляпке и держит в руке два старых зонтика. Материи на них нет, одни спицы и белые резные ручки. Направо черненький дядька раскладывает на стуле какие-то железки, налево... Налево стоял мой брат. Воротник тесного, короткого пальто поднят, кепка надвинута на уши, из-под нее глядит серое от холода лицо с застывшей, кривой улыбкой. Одна рука засунута в карман, на другой висит «вторая курточка», которую он носил на смену школьной. Он испугался, когда увидел меня. Передо мной стоял не тиран-начальник, а мальчишка, который натворил глупостей.

Я взяла его за руку — пойдем домой.

Он быстро свернул куртку, засунул за пазуху и зашагал вслед за мной.

— Не говори маме!

Мы пришли, разделись, я молча достала своего барана, черного, обливного, с золотыми рогами и золотым носом, и грохнула его об пол. Потом собрала раскатившиеся монеты.

— Сосчитай! Хватит на аппарат Киппа?

Он сосчитал.

Не хватит, конечно, но мы сделаем так: мы дадим задаток, а остальное где-нибудь добудем. — Брат нагнулся и стал подбирать осколки барана.

— Спрячь, мы его потом склеим, Копилкина-Баранская!



Я молча грохнула копилку об пол.

Это была хвалебная фамилия.

Мы шли по асфальту, потрескавшемуся, как корка ржаного хлеба. В кармане у брата брякали деньги из моего разбитого барана. Мы шли и в такт шагам декламировали стихи из книжки Буша:

Без пуха был бы странно дик
Отрадный в холод пуховик.
То знала Больтова вдова.
Вот этой дамы голова!

По булыжной мостовой мы перешли на ту сторону, повернули направо, пошли вдоль деревянных домов.

— Вон у той тумбы — ворота! — сказал брат.

Тумба покосилась, как огромная ножка белого гриба, с которого сбили шляпку, а ножку скособочили. Мы вошли в ворота. Во дворе, у стены деревянного дома, росла травка. В темных сенях пахло плесенью. Брат постучал в дверь.

— Дома, дома, входите! — ответили нам.

...То знала Больтова вдова.
Вот этой дамы голова!

Странно, удивительно, но перед нами была голова Больтовой вдовы. Такая, как на рисунке в книжке. На голове накручен тот же платок с торчащими, как уши, концами. То же удлиненное, пухлое лицо, увесистый нос, поджатые губы. Правда, когда вдова стеклодува повернулась к нам и заговорила, она стала меньше похожа на Больтову. Непохожими были маленькие, мокрые глазки. Вдова все время сжимала их, а когда разжимала, они становились еще мокрей. Щеки были толще и шире, да и нос не тот. Больше всего похож платок.

Вдова стеклодува сидела за столом, покрытым протертой клеенкой, над ней висела люстра с голубыми фарфоровыми цветочками и розовыми ангелочками с отбитыми крылышками. Под ними позвякивали прозрачные длинные висюльки. Свету в комнате немного. Он с трудом проходит сквозь густые занавески и ветки растений на маленьком окошке. Перед вдовой на клеенке раскинуты карты.



Вдова стеклодува раскладывала карты.

— А, это из дома Иванова мальчик! — сказала вдова. — Марфуша, это мальчик из дома Иванова.

Мы не разглядели сразу; оказывается, за столом еще сидела Марфуша в черном платке, надвинутом на лоб, и пила чай.

— А девочка кто? Сестра, наверное? Марфуша, это его сестра! Что-нибудь еще пришел купить, мальчик?

— Аппарат Киппа! — сказал брат. Он очень волновался.

— Марфуша, проводи мальчика в мастерскую и сестричку тоже, покажи им это... Киппа аппарат! Ключи под зеркалом.

Марфуша встала и оказалась очень маленькой, сгорбленной, и лица ее никак нельзя было разглядеть под опущенным платком.

— Монашка! — шепнул мне брат.

Мы вышли обратно в сени.

Зазвенели ключи, пахнуло сыростью и пылью. Сперва мы ничего не видели. Потом скрипнули ставни — в сером свете заклубилась пыль, осветилась потемневшая доска высокого стола под окном. На ней — какой-то железный инструмент. В углу — громадная подставка с громадными, разной длины и ширины стеклянными трубками, заросшими пылью.

— Это что? — спросила я тихо.

— Из этих трубок он всю посуду выдувал. А это верстак, а это паяльная лампа, — так же тихо ответил брат.

Мне, конечно, сразу же захотелось узнать, как он выдувал. Но расспрашивать было некогда. Марфуша нырнула в темный угол, и ее совсем не стало видно. Скоро она вынырнула с какой-то штукой из двух шаров один над другим величиной с большую куклу. Эта штука тоже заросла пылью.

— Марфуша все названия знает, — шепнул мне брат. — Хозяину помогала.

«Вот мы отмоем, отчистим эту штуковину, — подумала я, — и будет «венец всей жизни, прелесть грез».

Но думать об этом было рано. Мы снова вернулись в комнату с фарфоровой люстрой. Начиналось самое главное — покупка аппарата на деньги из моего барана.

Вдова раскладывала карты.

— Еще что возьмете? — спросила она, не глядя на брата.

Он растерялся.

— Еще? Мне пока больше ничего не нужно! Мне только аппарат...

— Ну так вот что! Больше я по одной вещичке не продаю! Получаешь с вас копейки, а вы тут только ходите да полы топчете! — И вдова хлопнула карту на карту так, что висюльки на люстре звякнули.

Мы поглядели друг на друга — вот так Больтова вдова!

В комнате было тихо. Только хлопали карты и позвякивали висюльки. Брат срочно соображал. О том, чтобы отказаться от аппарата, не могло быть и речи.

— Надоели мне вы все, мальчишки! А вот сестричка хороша! — Вдова поглядела на меня, улыбнулась и сжала свои мокрые глазки.

— Вот что! — сказал брат. — Мы возьмем у вас еще две большие трубки. Я сам попробую делать посуду.

Я дернула его за рукав — какие трубки, и так не хватит!

— Две трубки? — задумчиво проговорила вдова. — Туз на двойку, десятку на валета... Две трубки? Ну что ж...

Она была сейчас полна своим пасьянсом. Я посмотрела на брата: что-нибудь получается?

Он отстранил меня рукой.

— Так, значит, вы согласны?



Все это богатство называется «лаборатория».

Вдова продолжала выкладывать карты и бормотать:

— Семерку на шестерку, двойку на тройку…

Брат помолчал немного и начал снова:

— У нас мало с собой денег…

— А раз мало, тогда зачем приходить? — равнодушно отозвалась вдова.

— Я пришел, потому что мне необходим аппарат Киппа, я предлагаю вам задаток. Остальное мы принесем завтра!

Я опять схватила его за руку: а где возьмем?

Он сдвинул брови: добудем!

Вдова с поднятой картой в руке поглядела на брата.

— А ну-ка, покажи задаток.

Брат протянул ей ладонь со всеми монетами из моего разбитого барана.

И вдруг я тихо сказала:

— Это мои, я разбила копилку… Пожалуйста…

Вдова умильно улыбнулась.

— Ах ты, кошечка, на ленточки, наверное, копила…

Мы стояли перед ней такие жалкие, и вдове вдруг захотелось устроить себе развлечение, поиграть с нами.

— Ну что вы решили? — снова спросил брат.

— Что карты решат, то и я решу! — сказала вдова. — Выйдет пасьянс, отдам аппарат за девочкины монетки, не выйдет — пойдете ни с чем!

Мы замерли. Теперь судьба наша зависела от карт. От всех этих черных и красных сердечек и трилистников. А мы смотрели на них и ничего не понимали. Короли, тузы, четверки, семерки ложились друг на друга и откладывались в сторону, а мы не знали, приближается наше счастье или несчастье. Карты хлопали все быстрее, все громче, висюльки на люстре звенели, не умолкая. И вот — хлоп! — последняя карта. Пасьянс окончен. Мы замерли. С минуту вдова смотрела на нас, моргая мокрыми ресницами. Она наслаждалась видом двух застывших фигур, двух одинаково вытянутых лиц, наслаждалась своей властью.

— Давайте деньги! — Вдова лихо взмахнула рукой. — Забирайте аппарат! Ну, рады? Поцелуй меня, доченька!

Мне очень не хотелось целовать вдову, но что было делать? Я чмокнула ее в мягкую щеку.

Снова мы шли по асфальту, похожему на хлебную корку, снова по булыжнику переходили улицу. Но теперь мы шли с победой: брат торжественно и осторожно нес в руках аппарат Киппа. Он был наш. «Венец всей жизни, прелесть грез».

— А я уж думал, что «все повисло на суку!» — сказал брат.

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Эдуард

Подумайте о человеке, который смертельно болен, у него тягчайшая астма. Он задыхается, в его трубке горит не табак, а астматол — лекарство. Ему нельзя выходить из дому: приступ болезни может убить его на улице. Весь мир сужен для него, заключен в четырех стенах.

Все сказанное относится к замечательному, удивительному поэту. Его зовут Эдуард Багрицкий.

Родился Багрицкий в Одессе близ теплого и чудесного моря, близ кораблей, приплывающих издалека и снова уплывающих вдаль. Может быть, эта близость моря и сделала его романтиком, то есть человеком, глядящим на жизнь через увеличительное и цветное стекло, отчего вся жизнь выглядит крупнее, красивее и выпуклее.

Редко кто из людей выучивается раньше старости ценить жизнь, Багрицкий же выучился этому, когда ему не было и тридцати лет, но близость конца не повергла его в ужас, как это бывает, нет, за два года до смерти вышли одна за другой его лучшие книги — сильные, яркие, радостные.

Читая его стихи, видишь, какое наслаждение испытывает поэт, описывая краски, звуки и запахи рынка или работу моряков и рыбаков. Он любил показывать своих героев как раз в тот миг, когда жизнь их напряжена до крайности. Вот посмотрите сами:

Вот скачет по равнине,
Довольный собой,
Молодой гидрограф —
Читатель мой.
Он опережает
Овечий гурт,
Его подстерегает
Кара-курт,
Его сопровождает
Шакалий плач,
И пулю посылает
Ему басмач.

Казалось бы, ну до чего же страшная минута! Но в том-то и дело, что Багрицкий любуется своим гидрографом, который скачет на коне, беззаботно жует урюк и радуется жизни. А шакалы, басмачи? Ну что ж, он справится с этим и поедет дальше.

Молодость поэта совпала с молодостью Революции. И как его молодой гидрограф, сам Багрицкий слышал пение пуль, гражданская война бро-



О ПУШКИНЕ

И Пушкин падает в голубоватый
Колючий снег. Он знает: здесь конец...
Недаром в кровь его влетел крылатый,
Безжалостный и жалящий свинец.

Кровь на рубахе... Полость меховая
Откинута. Полозья дребезжат.
Леса и снег, и скука путевая.
Возок уносится назад... назад!

Он дремлет, Пушкин. Вспоминает снова
То, что влюбленному забыть нельзя,—
Рассыпанные кудри Гончаровой
И тихие медовые глаза.

Случайный ветер не разгонит скуку,
В пустынной хвое замирает край...

БАГРИЦКИЙ

сала его то за Каспий, в степи, то в отряды, сражающиеся с батькой Махно; поэт работал то в агитационном поезде, то в одесской ЧК. Позже все эти бурные дни обернутся строчками ярких, как цветные рисунки, стихов.

Он так писал об этом:

Не я ль под Елисаветградом
Шел на верблюжские полки,
И гул, разбрызганный снарядом,
Мне кровью ударял в виски?
И под Казатиным не я ли
Залег на тендере, когда
Быками тяжко замычали
Чужие бронепоезда?

Но сражение выиграно, чужие бронепоезда разбиты, и наступила пора заново отстраивать самую большую и самую необычайную в мире страну, которая была в ту пору бедна и разрушена. Страна в это время начинала, напрягая все силы, возрождаться, чтобы стать вот такой, какой знаем мы ее теперь,— могучей и непобедимой. И поэт, только что боец гражданской войны, насквозь пропитанный романтикой борьбы и сражений, отправляет своего гидрографа на самые обычные, но героические дела. Искать воду в пустыне — это тягостное, утомительное, долгое дело. Но вы уже видели, что гидрограф поскакал на работу, как в бой.

Вот такой яркой, и всегда отважной, и всегда прекрасной представлялась Эдуарду Багрицкому жизнь. Опасности и трудности только подчеркивают красоту ее, делают еще заманчивее. О чем бы ни писал Багрицкий: о бедной ли швее из прошловековой Англии, и о Птицелове ли из средневековой Германии, или же о человеке нашего времени,— всегда бурлит в его стихах многоцветная жизнь. Хочется попасть туда, в эти стихи, и зажить вместе с их героями. Так увлекательно умел рассказывать Багрицкий о том, что сам любил, видел и чувствовал!

Жизнь поэта была очень коротка и рано оборвалась. Это горько и печально. Но прекрасно и радостно то, что Багрицкий сделал и оставил. Мы даем вам здесь только очень немногое из написанного Багрицким, мы только знакомим вас с ним и уверены, что радостный и героический, звонкий и яркий мир поэта придется вам по сердцу.

...Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай!

Он здесь, жандарм! Он из-за хвои леса
Следит упорно, взведены ль курки,
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его остекленелые зрачки.

И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?

Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос!

И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал,
И в свисте пуль, за песней пулеметной—
Я вдохновенно Пушкина читал!

Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв...
Цветет весна — и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив.



ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

(Томас Гуд)



От песен, от скользкого пота —
В глазах растекается мгла.
Работай, работай, работай
Пчелой, заполняющей соты,
Покуда из пальцев с налета
Не выпрыгнет рыбкой игла!..

Швея! Этой ниткой суровой
Прошито твое бытие...
У лампы твоей бестолковой
Поет вдохновенье твое,
И в щели проклятого крова
Невидимый месяц течет.

Швея! Отвечай мне, что может
Сравниться с дорогой твоей?..



И хлеб ежедневно дороже,
И голод постылый тревожит,
Гниет одинокое ложе
Под стужей осенних дождей.

Над белой рубашкой
склоняясь,
Ты легкою водишь иглой,—
Стежков разлетается стая
Под бледной, как месяц,
рукой.

Меж тем как, стекло
потрясая,
Норд-ост заливается злой.

Опять воротник и манжеты,
Манжеты и вновь
воротник...
От капли чадящего света
Глаза твои влагой одеты...
Опять воротник и манжеты,
Манжеты и вновь
воротник...

О вы, не узнавшие страха
Бездомных осенних ночей!
На ваших плечах — не рубаха,
А голод и пение швей,
Дни, полные ветра и праха,
Да темень осенних дождей!

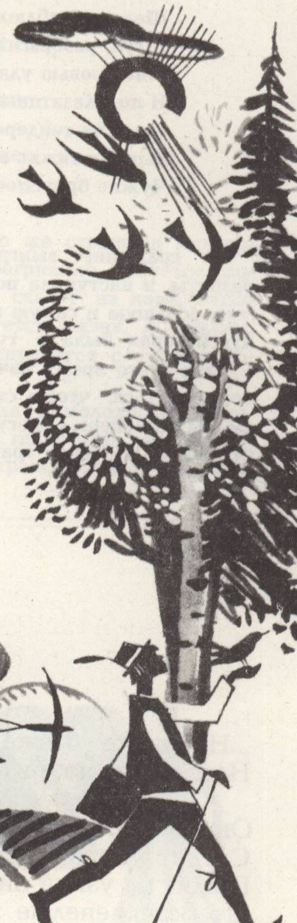
Швея! Ты не помнишь
свободы,
Склонясь над убогим столом,
Не помнишь, как громкие
воды
За солнцем идут напролом,
Как в пламени ясной погоды
Касатка играет крылом.

Стежки за стежками,
без счета,
Где нитка тропой залегла;
«Работай, работай, работай,—
Поет, пролетая, игла,—
Чтоб капля последнего пота
На бледные щеки легла!..»

Швея! Ты не знаешь дороги,
Не знаешь любви наяву,
Как топчут веселые ноги
Весеннюю эту траву...
...Над кровлею —
месяц убогий,
За ставнями ветры ревут...

Швея! За твоею спиною
Лишь сумрак шумит
дождевой,—
Ты медленно бледной
рукою
Сшиваешь себе для покоя
Холстину, что сложена
вдвое,
Рубашку для тьмы
гробовой...

Работай, работай,
работай,
Покуда погода светла,
Покуда стежками
без счета
Играет, летая, игла,
Работай, работай,
работай,
Покуда не умерла!..





ПТИЦЕЛОВ

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка — и каждой
птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный,—
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок
сосновый,—
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый
звонкий
Свой березовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует,
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

За проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым
ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним — зеленый
снизу,
Голубой и синий сверху —
Мир встает огромной
птицей,
Свищет, щелкает, звенит.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей
и котомкой
Через Гарц, поросший
лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии
бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль
плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет
птицам
И смеется невзначай?



ЧИТАТЕЛЬ В МОЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Во первых строках
Моего письма
Путь открывается
Длинный, как тесьма.

Вот, строки раскидывая,
Лезет на меня
Драконоподобная
Морда коня.

Вот скачет по равнине,
Довольный собой,
Молодой гидрограф —
Читатель мой.

Он опережает
Овечий гурт,
Его подстерегает
Кара-курт,

Его сопровождает
Шакалий плач,
И пулю посылает
Ему басмач.

Но скачет по равнине,
Довольный собой,
Молодой гидрограф —
Читатель мой.

Он тянет из кармана
Сухой урюк,
Он курит папиросы,
Что я курю;

Как я — он любопытен:
В траве степей
Выслеживает тропы
Зверей и змей.

Полдень придет —
Он слезет с коня,
Добрым словом
Вспомнит меня;

Сдвинет картуз
И зевнет слегка,
Книжку мою
Возьмет из мешка;

Прочтет стишок,
Оторвет листок,
Скинет пояс —
И под кусток.

Чего ж мне надо?
Мгновенье, стой!
Да здравствует гидрограф —
Читатель мой!

комсомольцы продолжали стрелять по врагу.
Когда воины 130-го стрелкового полка прорвались в Красновку, они увидели три догорающих дома и сотни поверженных гитлеровцев вокруг.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1943 года всем тринадцати комсомольцам, отстоявшим Красновку, было присвоено звание Героя Советского Союза.

А комсомольская рота, все, кто остался в живых, дальше понесли знамя, освобождая от фашистов свою, а потом польскую землю. За мужество и отвагу в боях эта рота была награждена грамотой ЦК ВЛКСМ.

★

КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ

**Рассказывают знамена... Рассказывают о сражениях, в которых участвовали, о подвигах, свидетелями которых были, о смелых людях — комсомольцах, которые совершали эти подвиги.
Слушай рассказ заслуженных, боевых знамен!**



▲*Памятник тринадцати героям-комсомольцам на станции Красновка.*

ПОДВИГ ТРИНАДЦАТИ МОРЯКОВ



Комсомольское знамя роты моряков береговой охраны Тихоокеанского флота.

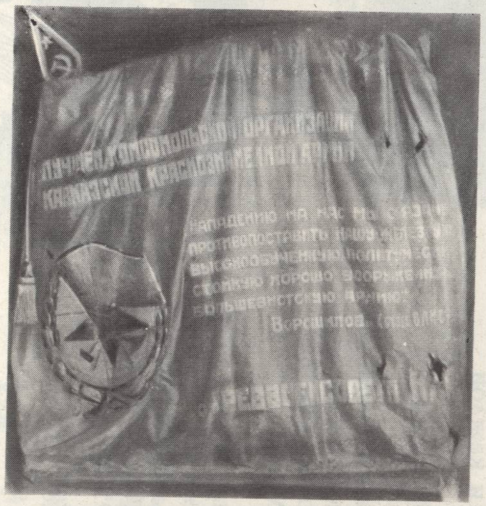
В ноябрьские дни 1942 года в 130-й гвардейский стрелковый полк прибыла комсомольская рота моряков береговой охраны. С Дальнего Востока к берегам Волги они привезли свое комсомольское знамя.

Вместе со всем полком комсомольцы сразу же вступили в бой. Предстояло во что бы то ни стало прорвать укрепление врага на станции Красновка. Гитлеровцы соорудили там из снега и соломы высокий вал, облили его водой, в бойницах установили пулеметы. Подступы к валу простреливала вражеская артиллерия.

Комсомольская рота под командованием лейтенанта Ивана Сергеевича Ликунова, невзирая на сильный огонь противника, подползла к валу, оттеснила гитлеровцев и заняла три ближайших дома позади вала.

Целый день шел бой. Фашисты подожгли дома. Но

ДЕВЯТЬ РАН НА ЗНАМЕНИ



Это тоже комсомольское знамя. Оно прошло сквозь сражения и битвы Великой Отечественной войны с комсомольцами 154-го гвардейского стрелкового Лорийско-Полоцкого полка. Сражаясь храбро и стойко, комсомольское знамя получило девять боевых ранений — девять пробоин на полотнище.

Пост № 1

«...Знамя части есть символ воинской чести, доблести и славы, оно является напоминанием каждому солдату, сержанту, офицеру и генералу об их священном долге преданно служить Советской Родине, защищать ее мужественно и умело, отстаивать от врага каждую пядь родной земли, не щадя своей крови и самой жизни.

...При утрате знамени вследствие малодушия воинской части, ее командир и весь командный состав, виновные в таком позоре, подлежат суду военного трибунала, а воинская часть — расформированию».

Из Устава внутренней службы Вооруженных Сил СССР.

В каждой воинской части, в каждом воинском соединении охрану знамени несет самый важный пост — пост № 1.

В 1943 году было учреждено три переходящих знамени ЦК ВЛКСМ для лучших партизанских комсомольских организаций. Знамя, которое ты видишь на этом снимке, было вручено 27 марта 1944 года второму комсомольско-молодежному отряду партизанской бригады «Грозная» Северного соединения партизан Крыма.



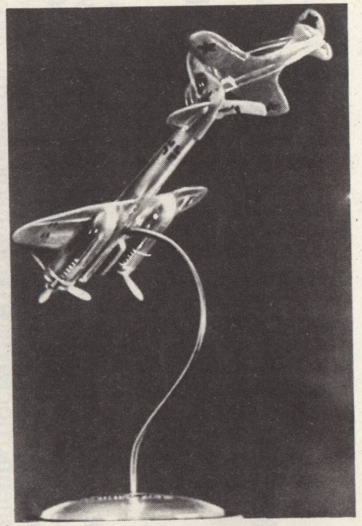
Люди всегда и везде вкладывали в знамя понятие о своей чести и славе, о чести и славе своей страны, или своей профессии, или своего военного отряда. Знамя есть у каждого государства, у каждой воинской части, у больших предприятий. Есть знамена и у пионерских дружин. Всегда и везде идут впереди знаменосцы, а беречь знамя — великая честь и большая ответственность. На войне нет потери обидней, чем потеря знамени,— тогда перестает существовать воинская часть.

Тебе приходилось, должно быть, читать или слушать рассказы о том, как с опасностью для жизни солдаты выносили знамя из боя или из окружения, как пионеры спасали знамя в годы фашистской оккупации. Ради знамени не только рисковали жизнью, ради знамени не раз отдавали жизнь. Потому, что знамя — это всегда выражение или, как говорят взрослые, символ того лучшего, самого важного, для чего и живут на земле люди.

В тревожные годы войн и революций развевались над нашей страной боевые знамена. В годы мирного строительства нас ведут за собой знамена трудовые.

ПЕРВЫЙ ТАРАН





Макет самолетов в момент тарана, совершенного летчиком-комсомольцем Петром Харитоновым, сделали воины города Харькова в подарок XI съезду ВЛКСМ.

Знаешь, кто стали первыми Героями Советского Союза в дни Великой Отечественной войны! Комсомольцы-летчики Харитонов, Здоровцев, Жуков. 28 июня 1941 года Петр Харитонов сражался в воздухе с вражескими бомбардировщиками и победил. Ему казалось, что бой окончен, но неожиданно появился еще один «Ю-88». «Юнкерс» вел себя странно: он резко снижался к земле, за ним стлался черный хвост. Похоже было, что он подбит и падает на землю. На самом же деле фашистский летчик хитрил. Видя, как расправился советский истребитель с немецкими бомбардировщиками, пилот решил удрать, не вступая в бой. Харитонов разгадал этот маневр, он уравнял скорость с «юнкерсом» и винтом своего самолета отрубил хвост вражеского бомбардировщика. Потеряв управление, «юнкерс» врезался в землю.

В тот же день совершил еще один таран комсомолец младший лейтенант Здоровцев. А 29 июня комсомолец младший лейтенант Жуков, преследуя вражеский самолет, утопил его в Псковском озере.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 года трем советским летчикам-комсомольцам было присвоено звание Героя Советского Союза. Все трое сражались под знаменем 158-го гвардейского истребительного полка.

★

НЬЮТОН ПОЗАВИДОВАЛ БЫ ТЕБЕ



Дорогая редакция! Я все время читаю ваш журнал и вижу, что вы многим помогаете советом. Я тоже обращаюсь к вам за советом.

Мне хочется стать ученым, может быть, сделать какое-нибудь открытие. Мама говорит: «Все от тебя зависит, учись хорошо и будешь ученым». Но ведь есть много людей, которые хорошо учились и не стали учеными. А вот Менделеев, я где-то читал, учился не очень хорошо, а стал великим ученым. Тут есть какой-то секрет. Надо, наверное, как-то заранее готовиться. Но как? Посоветуйте.

С пионерским приветом

Юра Петрухин,

г. Москва.

ЮРЕ ПЕТРУХИНУ ОТВЕЧАЕТ АКАДЕМИК ИСААК КОНСТАНТИНОВИЧ КИКОИН

Меня порадовало, Юра, что ты уже теперь, в школе, ставишь перед собой вопрос, как заниматься, как готовиться к тому, чему ты хочешь посвятить всю свою жизнь. Давай обсудим, с чего тебе начинать.

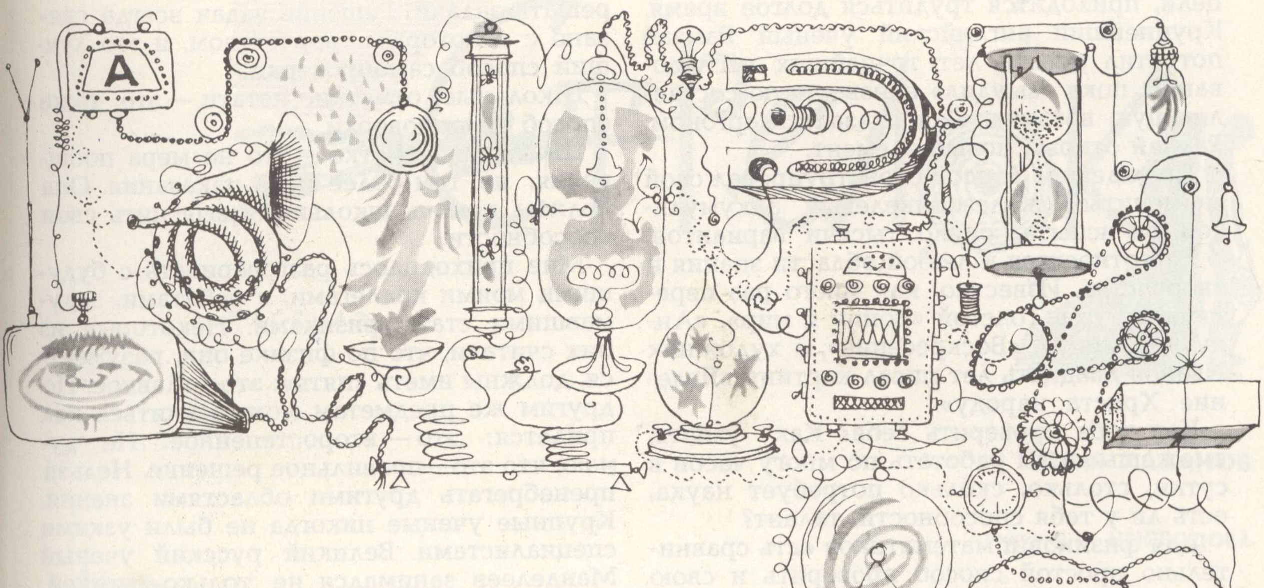
Прежде всего молодому человеку двенадцати-тринадцати лет, если он собирается стать ученым, необходимо решить, какой предмет его больше всего интересует.

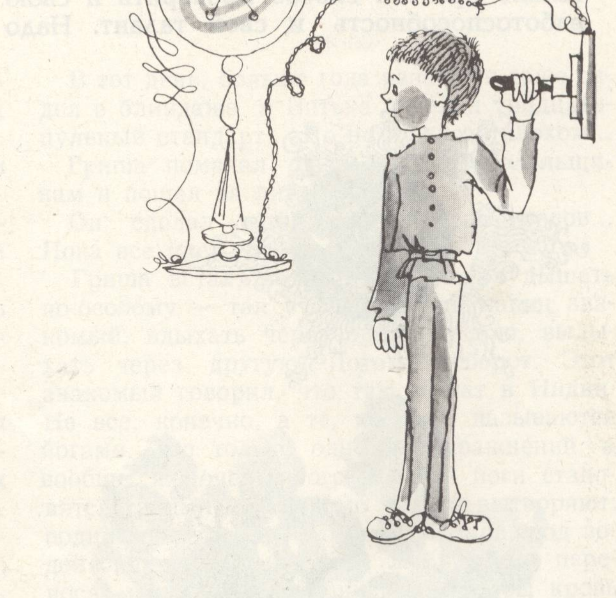
В большинстве случаев это сравнительно легко сделать. Обычно то, что интересует человека, легче всего им усваивается. Не потому, что, скажем, физика или биология легче, чем другие науки, а потому, что он о ней больше всего подсознательно думает. И она ему «легко дается», хотя на самом деле ничто никогда не дается легко в современной науке.

Когда величайшего физика Ньютона спросили, как он добился своих выдающихся успехов, он сказал: «Я приучил себя долго думать об одном и том же»,— то есть он научился сосредоточиваться. Это, пожалуй, самое важное свойство настоящего ученого. И чем раньше человек заинтересуется той или иной областью знания, тем лучше. Он скорее сможет сосредоточиться на любом предмете.

Количество знаний, которые накопило сейчас человечество — это относится ко всем наукам,— очень велико. Со временем оно будет неимоверно быстро расти. Поэтому в школе очень важно усвоить основы той или иной науки, отлично изучить школьный курс. Абсолютно необходимо научиться еще в школе самостоятельно размышлять и рассуждать.

Все основные законы природы добываются опытом. При проведении даже самого простого опыта всегда возникают вопросы, которые нужно обдумать, на которые





нужно получить ответ. Это и есть лучший способ приучить себя самостоятельно мыслить.

У меня в юности сложились благоприятные условия для занятий. Я с наслаждением ставил опыты в школьном физическом кабинете. Я думаю, это способствовало тому, что на втором курсе вуза, в восемнадцать лет, мне удалось начать настоящую научную работу. Да и не удивительно: время, отделяющее школьника от ученого, не очень велико, примерно шесть — восемь лет.

Правда, некоторых молодых людей пугает, что в наше время ученому приходится очень много работать. Они, эти пугливые молодые люди, считают, что во времена Ньютона легче было заниматься наукой. Тогда, мол, объем знаний был меньше.

Это правильно, но не следует забывать, что у современного ученого значительно больше средств исследования. Во времена Ньютона не было никаких электрических приборов, вообще не было электричества. Не было даже точных приборов, которые сейчас есть в любой школе.

Должен сказать тебе, Юра, что человек, решивший стать ученым, должен заранее знать, что на легкую жизнь он рассчитывать не может.

Во все времена наука требовала и требует от человека исключительной ей преданности, всей жизни, как говорил академик И. П. Павлов. Ученый тратит на научные занятия почти все свое время, и поэтому первое требование к человеку, готовящемуся к научной деятельности,— развить в себе трудоспособность. Человек, не умеющий трудиться, ученым никогда не будет, даже если он очень талантлив. Талант не может развиться без труда. Я утверждаю это на основании личного опыта. Я и многие мои товарищи в течение многих лет проводим в лаборатории по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки. Потому что нас увлекает работа, у нас просто не хватает времени, чтобы выполнить все, что мы задумали. Такой труд нам не кажется обременительным, постепенно это становится привычкой.

Что еще необходимо ученому любой специальности? Он должен не бояться трудностей. К сожалению, ни одна научная работа не получается сразу, по задуманному плану. Мой опыт и опыт моих товарищей это подтверждает. Не помню ни одного случая, чтобы задуманный опыт получился с первого раза. Чаще бывает, что он не получается первый раз, не получается второй раз, не получается третий раз, и тут очень важно не отчаиваться из-за неудачи, не ослабить воли к достижению цели. Это и значит не бояться трудностей.

Иногда ученому, чтобы добиться своей

цели, приходится трудиться долгое время. Крупнейший английский ученый Рамзай потратил десять лет точнейших исследований, пока «выудил» неизвестную составляющую воздуха. Она оказалась аргоном. Рамзай открыл новый элемент.

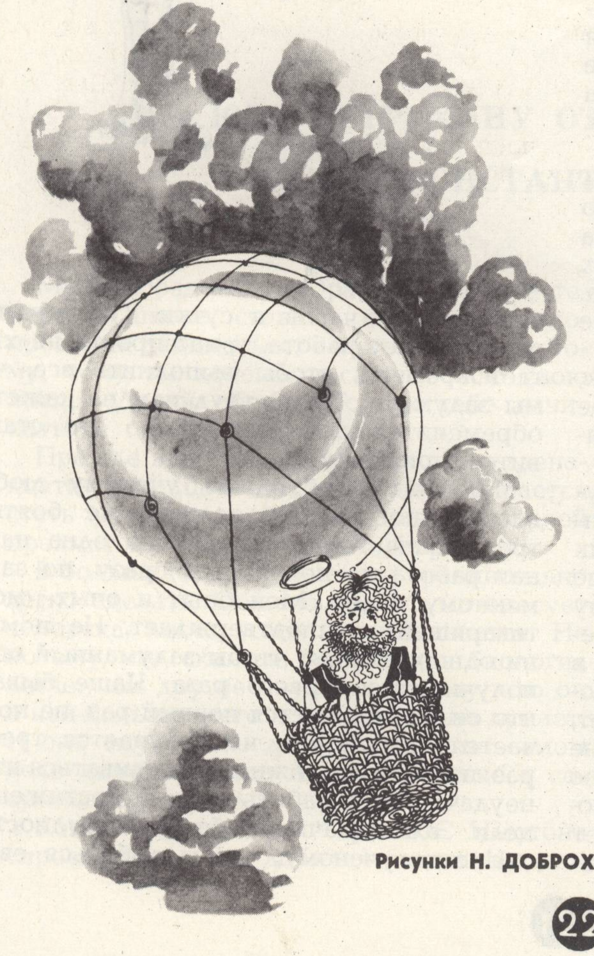
Прежде чем Эдисон сконструировал свой знаменитый железоникелевый аккумулятор, он испытал около тысячи вариантов.

Это относится к любой области знания и творчества. Известно, как много раз переписывал Лев Толстой «Войну и мир», «Анну Каренину», «Воскресение», а художник Иванов двадцать лет писал картину «Явление Христа народу».

Как тебе проверить себя? Как узнать, сможешь ли ты работать по многу часов в сутки, столько, сколько потребует наука, есть ли у тебя способности, талант?

Для физиков и математиков есть сравнительно простой способ проверить и свою работоспособность и свой талант. Надо решать задачи. Решение задач всегда связано с некоторым творчеством, и это лучший способ самопроверки.





Школьные отметки, кстати,— это тоже способ самопроверки.

Школьная отметка — это не мера поощрения, не тем более мера наказания. Она должна помочь школьнику выяснить свои способности.

Мне приходилось разговаривать с будущими моими коллегами, с ребятами, задумавшими стать физиками. Некоторые из них считали, что по физике они, разумеется, должны иметь «пять»: это—главное. По другим же предметам можно учиться как придется: это — второстепенное. Не думаю, что это—правильное решение. Нельзя пренебрегать другими областями знания. Крупные ученые никогда не были узкими специалистами. Великий русский ученый Менделеев занимался не только химией, он интересовался и вопросами астрономии. Для наблюдения солнечного затмения он, никогда не летавший на аэростате, не побоялся в одиночестве подняться на аэростате выше облаков. Это любопытный случай, расскажу его до конца. Менделеев должен был лететь со специалистом — полковником, но шел сильный дождь, и аэростат не мог поднять двоих. Тогда Менделеев поднялся один. Начал свой полет в Петербурге, но сильный ветер унес аэростат далеко в сторону, и опустился он недалеко от Новгорода. Крестьяне ничего не знали об этом полете. Напуганные солнечным затмением, они решили, что на землю спускается антихрист. Прихватив вилы, они побежали к аэростату. Менделеев быстро выбросил из аэростата балласт и снова поднялся. В другой деревне — та же картина. Что делать? Когда бегущие с вилами и топорами крестьяне приблизились к аэростату, Менделеев высунулся из кабины и осенил себя крестным знамением.

А вот другой пример. Ты, наверное, слышал о физике Томасе Юнге, сделавшем много открытий в области оптики. Так вот, этот физик известен историкам и лингвистам как один из первых людей, расшифровавших египетские иероглифы.

Итак, пока ты учишься в школе, постарайся определить, какая область науки тебя всерьез интересует. Ставь опыты, самостоятельно анализируй, решай задачи, учись читать специальные книги, расширяющие и дополняющие школьный учебник.

Вырабатывай в себе умение сосредоточиться на том, чем ты занимаешься, не отвлекаясь в это время на решение других вопросов, приучайся настойчиво добиваться цели, не страшись неудач.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ



Стрелок

РАССКАЗ

Юрий ХАЗАНОВ

Рисунки В. НЕКЛЮДОВА



На огневой рубеж вышла третья смена. Судья поднес рупор ко рту и сказал:

— Внимание! Стреляется упражнение МВ-8, шестидесятипульный стандарт. Время — два часа. Положение лежа... Заряжай!.. Огонь!..

Гриша сделал тринадцать пробных выстрелов. Он вообще любил число тринадцать, «чертову дюжину», и часто давал сам себе задание: сделать то-то и то-то ровно тринадцать раз. Он мог уже подтянуться тринадцать раз на турнике, съесть подряд тринадцать «Золотых ключиков», назвать тринадцать морей... А однажды добился даже того, что мама тринадцать раз сказала ему: «Пойди за хлебом!».

Но сейчас Грише сильнее всего хотелось попасть в самую середину мишени. И не тринадцать раз, а как можно больше.

Впереди было целых два часа: гуляй, разговаривай, пой, но сделай ровно шестьдесят выстрелов. Не каких-нибудь, а самых-самых лучших... Эх, выбить бы на тринадцать очков больше, чем зимой, на районных соревнованиях... Или чем на тех... в прошлом году... когда все это случилось... С Витькой они навсегда поссорились. Не надо об этом думать. Нужно о чем-нибудь хорошем или смешном. Так велел тренер...

Гриша лег, пристроил поудобней свою мелкокалиберную винтовку... Так... не утапливать мушку... не заваливать... так...

Выстрел! Еще один. И еще.

После каждого выстрела Гриша смотрел в окуляр. Неплохо: «девятка»... Опять «девятка»... «Семерка»!.. Начал срывать! Надо встать и пройтись. Пускай судья-контролер снимет трубку полевого телефона и скомандует: «Серия кончена!» А ребята, те, что в блиндаже, сменят пробитую мишень.

В тот день, больше года назад, он тоже сидел в блиндаже, а Витька стрелял тридцатипульный стандарт... Но не нужно о плохом...

Гриша помахал рукой ребятам-болельщикам и пошел на линию огня.

Он сделал еще несколько выстрелов... Пока все идет хорошо.

Гриша встал, потянулся и начал дышать по-особому — так учил его один папин знакомый: вдыхать через одну ноздрю, выдыхать через другую. Потом наоборот. Этот знакомый говорил, что так дышат в Индии. Не все, конечно, а те, которые называются йогами. Это только одно из упражнений, а вообще их очень много, и сами йоги становятся такими, что просто чудеса вытворяют: поднимают чуть не сто килограммов, под водой сидят по пять минут, любую боль переносят и даже могут приказать, чтобы кровь не текла из раны... Так говорил папин знакомый, а Гришин тренер сказал, что не очень верит во все эти штуки, но дышать одной ноздрей разрешает.

Гриша перестал дышать по-йоговски и стал прогуливаться взад и вперед, невдалеке от стола судейской коллегии. Он ходил и тихонько напевал мотив песенки «Я на камушке сижу». Есть такая песенка, и не будь ее, не держать бы, наверно, Грише в руках винтовки, не целиться с замиранием сердца в черную червоточину на белом круге...

Пять лет назад — они жили тогда в другом городе — решили Гришу учить музыке. Купили самую маленькую скрипку-четвертушку, и мама начала водить его в музыкальную школу. Сначала Грише нравилось: идешь по улице с черной папкой «Music», с футляром, похожим на черную безглазую рыбу, а все на тебя смотрят с завистью, уступают дорогу... Потому что идешь ты не в обыкновенную, куда все должны ходить, а в музыкальную школу.



Но Грише стало скучно. Во-первых, играешь какую-то чепуху, ноты какие-то, а не песни. Во-вторых, учитель все время пристает: «Круглее пальчики!.. Не утрируй!.. Жирнее смычком!.. Повесь мизинец!..» А главное — надо все время стоять. Несчастные эти скрипачи! Вот на рояле играть — совсем другое дело: сиди себе и давай...

Гриша очень не любил стоять. Уж лучше он будет усидчивым, как требуют в обыкновенной школе, а не устойчивым, как здесь... К тому же учитель музыки, наверно, нарочно стал разучивать с ним песенку под названием «Я на камушке сижу». Гриша так долго играл ее, что запомнил мотив на всю жизнь.

Если урок музыки проходил не очень плохо, то на обратном пути мама заходила с Гришей в кондитерскую и покупала ему трубочку с кремом. То, что по дороге домой была кондитерская, помогло Грише продержаться почти год и даже перейти в следующий музыкальный класс.

А потом он с родителями переехал в другой город. И здесь Гришу опять заставляли «вешать мизинец», «держать позицию», «делать пиччикато». Но по дороге домой тут уже не было желто-коричневой вывески кондитерской. Зато был тир. На его прилавке, словно для продажи, лежали пневматические ружья, а у задней стенки, как в кукольном театре, толпились волки, зайцы, утки, и казалось, что они сейчас заговорят и начнется представление.

Теперь уже Гриша ходил без мамы, поэтому хорошо ли, плохо ли прошел урок, но на обратном пути он обязательно заворачивал в тир. Он не стрелял, а только смотрел, как стреляли другие, как иногда после выстрела какой-нибудь зайчик с металлическим треском срывался вниз и начинал раскачиваться, будто маятник.

А однажды один мужчина сбил подряд три фигуры и потом сказал Грише:

— Что, небось, слюнки текут? Стреляй, заплачу.

— Не надо, спасибо, — сказал Гриша.

— Они центрального боя, — сказал мужчина про ружья. — Ну, бери.

— Я знаю, — ответил Гриша.

Он действительно наслышался здесь всего — и о ружьях и о том, как надо стрелять.

— Закрой оба глаза, лучше попадешь! — крикнул какой-то мальчишка.

Гриша взял ружье, приставил приклад к плечу, прижался щекой к полированному дереву, почувствовал запах нагретого металла, машинного масла... Он стал наводить так, чтобы мушка на стволе ружья уперлась в самую середину кружка, нарисованного на утке. Никогда он не думал, что руки у него



так трясутся. По мушке видно. Он глубоко вдохнул, затаил дыхание, закрыл глаза... Щелк!

Гриша открыл глаза: утка болталась вниз головой.

— Молодец! — сказал мужчина. — Еще?

Гриша кивнул. Он выстрелил еще три раза, но промазал.

— Плохо глаза закрываешь! — сказал тот же мальчишка.

— Ничего, научишься, — сказал мужчина. — Главное в этом деле спокойствие.

С тех пор Гриша все деньги, какие у него бывали, тратил на тир. Он давно уже перестал играть на скрипке, потому что сначала

она сломалась, потом он упал с велосипеда, а потом его родители поняли, что скрипача из него не выйдет. Он уже больше двух лет за-



нимался в стрелковой секции, выиграл первенство школы, потом района.

В стрелковой секции он подружился с Витей Шориным. Они и раньше учились в одном классе, но почти не разговаривали. Если не считать за разговоры несколько фраз вроде таких: «Ну, ты!», «А ты?», «Ты чего?», «А ты чего?» — которыми они иногда обменивались в классе или в коридоре.

Витя говорил, что больше всего на свете любит дружить. «Ведь дружба — самое главное, скажи? Ради нее можно все-все сделать... Что это за друг, если на него положиться нельзя?!»

Так говорил Витя, и его слова вроде бы не расходились с делом. Он мог, например, когда они гуляли во дворе, спросить Гришу:

— Хочешь, руку порежу? Скажи!

— Зачем? — говорил Гриша.

— Ну, хочешь? Скажи!.. Слабо?

— Ну... — говорил Гриша.

И Витя вынимал перочинный ножик и резал себе палец. Не очень сильно, но до крови.

Гриша рассказал Вите про свой тир, и они стали ходить туда вместе. Только у Вити реже срывались со своих насиженных мест кролики, зайцы и утки. И на занятиях секции он тоже стрелял хуже Гриши.

— Ничего, догоню, — сказал он как-то. — Это потому, что ты раньше начал. Если б я столько ходил в музыкальную школу и обратно, давно бы чемпионом стал...

— Надоела эта школа, — сказал Гриша. — Хоть бы скрипка сломалась, что ли!

— Хочешь, сломаю? — спросил Витя.

— Ну, что ты...

— Хочешь? Скажи!.. Слабо?

— Ну...

И тут Витя выхватил у Гриши футляр, раскрыл его и вытряхнул скрипку. Как буханку хлеба из авоськи. Как ластик из портфеля. Она упала на камни, отрывисто тренькнула, словно кто-то сыграл пиччикато...

— Зачем?! — крикнул Гриша. Он нагнулся и поднял скрипку. — Кто тебя просил?

— Сам же сказал. Ну заплачь!

А Грише казалось сейчас, что сломанная скрипка — это какое-то хорошее животное. Вроде той пушистой кошки, которую убили ребята на соседнем дворе. Она умирала молча, отвернувшись от всех, только сильно подымались бока и подрагивал пушистый хвост. А потом она крикнула отрывисто... пиччикато... и сломалась... то есть умерла.

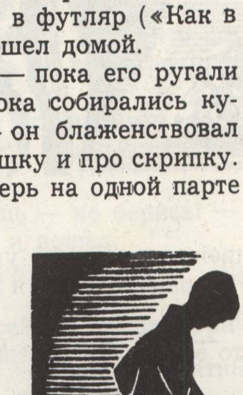
Гришe и правда захотелось плакать.

— Сам ведь просил, — повторил Витя.

Гриша положил скрипку в футляр («Как в гроб», — подумал он) и пошел домой.

А потом целую неделю — пока его ругали за «дырявые руки» да пока собирались купить новый инструмент — он блаженствовал и совсем позабыл и про кошку и про скрипку.

С Витей они сидели теперь на одной парте и вообще почти не расставались: вместе играли, разбирали марки, изобретали вечный двигатель.



...Контрольная по алгебре была, как всегда, неожиданна. Хотя учитель и предупредил о ней за три урока, но все равно грянула она, как гром среди ясного дня. Во всяком случае, для Гриши. Поэтому не удивитель-

но, что он вынужден был, хоть ему и очень не хотелось, проверять свое решение у соседа и подгонять под его ответы. Не удивительно, что учитель сделал ему несколько замечаний и даже пригрозил совсем не взять работу.

Потом, когда учитель раздал контрольные, Гриша увидел, что у него двойка. Противная — с маленькой головкой и длинной шеей. Похожая на красного жирафа.

— Почему? — спросил Гриша.

— Потому что списал у соседа, — сказал учитель. — Прямо вместе с его ошибками.

— Я не списывал, — сказал Гриша.

— По-моему, ты ошибаешься, — сказал учитель.

— Он не списывал, — это Витя сказал. — Я сам у него списал.

— Ты уверен? — спросил учитель.

— Уверен.

— Тогда верните, пожалуйста, работы. Я поменяю отметки. Вите Шорину — «два», а Грише...

— Он у меня не списывал! — крикнул Гриша. — Я сам...

— В общем, вы как-нибудь разберитесь, — сказал учитель, — а отметки пока останутся прежние...

Шли дни. Гриша и Витя по-прежнему проводили много времени вместе, занимались в секции и были частыми гостями в тире (он у них назывался «тир на весь мир»). И по-

Но Гриша не шел на такие решительные меры. Он действовал по методу: «не мытьем, так катаньем», — просто плохо занимался, иногда прогуливал...

В школе дела у него шли лучше, но особенно хорошо было со стрельбой. Он уже сдал норму на второй разряд, выиграл первенство школы и готовился к районным соревнованиям.

А Витя? Витя отставал от него в стрельбе все больше и больше и немного обижался. Все чаще называл он Гришу «чемпионом», значит, даже злился.

И вот как-то сбылось Гришино желание: он упал с Витиного велосипеда и повредил руку. Собственно, сильнее он повредил ногу — на ней был синяк, огромный, как африканский материк в школьном атласе, — но руку он тоже ушиб.

— Перевяжем руку, — сказал Витя. — А ногу оставим, пускай все глядят. Ты говори всем, что рука еще хуже, поэтому и перевязал.

Гришина мама все равно велела развязать, чтобы посмотреть, но Гриша сказал, что хотя ничего не видно, зато болит так, что смычок... то есть ручку ни за что не удержать. Наверное, у него перелом... то есть вывих... то есть растяжение...

Мама долго втирала ему мазь Вишневского, потом сделала компресс, а через три дня по-



прежнему Гриша учился играть на скрипке. И страдал. А Витя не мог видеть его страданий.

— Ну, хочешь, опять сломаю? — говорил Витя. — Скажи!

— Новую купят, — отвечал Гриша.

— Тогда потеряй! Хочешь?

— Все равно купят.

— Ну, тогда... хочешь, я тебе руку вывихну? Скажи!

— Еще чего! Придумал...

— Или палец! Хочешь?

— Себе вывихни.

— Да не по-настоящему! Понарошке. А я буду свидетелем!

шла с Гришей к врачу, потому что нога прошла, а рука никак. Врач сделал рентген, выписал мазь и сказал: пусть Гриша приходит через день на кварц и на массаж. Хуже не будет.

Гриша с удовольствием его послушался. К врачу ходить — не на скрипке играть.

Руке, и правда, хуже не было. Даже лучше нажимала на спусковой крючок — потом, на районных соревнованиях, где Гриша занял первое место.

А Витя совсем обиделся. Как будто Гриша виноват?

Однажды, когда они возвращались с тренировочной стрельбы, Витя сказал:

— Как, по-твоему, списывать очень нехорошо? Только без смеха.

«Без смеха» да еще сразу ответить было трудно. К счастью, они в это время стали переходить улицу. На другой стороне Гриша сказал:

— Смотря как. Если все списывать, конечно, нехорошо. А если все равно знаешь, а только так... для точности — дело другое.

Витя помолчал, а потом спросил:

— Значит, если... ну... ответ почти сходится... Разница там на десять или пятнадцать... Тогда ничего?

— Что «ничего»? — спросил Гриша.

— ...Ничего, если другой подскажет... поможет?.. А?

— Ничего, — сказал Гриша и с удивлением поглядел на Витю: что это он, вроде даже заикаться стал?

— Мне в пятницу на разряд стрелять, — сказал Витя. — Придешь мишени менять?

— Ясно, — сказал Гриша.

И тут Витя сказал быстро, как будто урок по истории отвечал:

— Ты, когда в блиндаже будешь, возьми мишени две-три с десятками и девятками, а потом сунешь их вместо самых плохих. Я ведь могу хорошо стрелять, только вот разволнуюсь и срываю... Сделаешь?

— Ой, что ты! — сказал Гриша. — Как же?..

— «Как же! Как же!» Сам говорил, что если все равно человек знает, то подсказать можно... А ведь это что? Самая обыкновенная подсказка. Только не в тетрадке, а на мишени. Ну?



— Не знаю, — сказал Гриша.

— Чего тут знать? Если хороший товарищ, то сделаешь. А если трус...

— При чем здесь трус? — сказал Гриша.

— При том! Какая разница — в классе или в тире? Скажи?

Сказать Гриша не мог.

В пятницу он сидел в блиндаже, слушал команды по полевому телефону, менял мишени и часто прикладывал руку к животу. Но живот у него не болел. Просто под куртку с «молнией» под ремень брюк он запихнул картонную папку. В ней лежало три мишени, и пробиты в них были только девятки и десятки.

Грише хотелось просидеть здесь всю жизнь, и чтобы наверху никого не было и не надо было вылезать. Никогда...

— Последняя серия кончена. Сдать мишени для подсчета! — послышалась команда.

Из блиндажа Гриша вышел последним. Под его курткой с «молнией», в картонной папке, лежало три мишени с пробитыми пятерками, шестерками и совсем без десяток.

Что было дальше, Гриша не любит вспоминать, но события того дня нет-нет да напомнят о себе. То сон приснится: огромная мишень, но, оказывается, это вовсе не мишень, а главный судья. Он хватает Гришу за руку, и они проваливаются в блиндаж и летят, летят в темноте... А то, уже наяву, Гриша встретится глазами с Витей, оба отвернутся, как будто каждый из них невидимка для другого, но все равно Гриша вспоминает...

Вспоминает, как вызвали его вдруг в судейскую коллегию.

— Ты менял мишени Шорина? — спросил главный судья.

«Не я!» — хотелось крикнуть Грише на все поле.

— Я, — ответил он.

— Так вот, три мишени недействительны.

— Почему? — спросил Гриша.

«Зачем я это спрашиваю?! — подумал он. — Глупо как!»

— Почему? — повторил он.

— Расскажем? — спросил главный судья и посмотрел на остальных судей. Грише показалось, что он улыбнулся.

— На каждой мишени, — сказал главный судья, — кроме печати, мы ставим свои тайные значки. Какие они — это уж, извини, наш секрет... Так вот, где настоящие мишени?

— Сейчас, — сказал Гриша.

Он сорвался с места и побежал. Куда-нибудь — за деревья, в блиндаж, на другую сторону земного шара! Только чтобы не видели, как он будет вынимать из-под куртки с «молнией» эту проклятую папку!..

А потом главный судья объявил решение судейской коллегии: результаты Виктора Шорина не засчитывать, его самого дисквалифицировать. До совершеннолетия. Того, кто помогал в обмане, отстранить от всех тренировок и соревнований на год...

— ...Здорово! — сказал Гриша Вите.

Больше он ничего в эту минуту сказать не мог.

— Потому что не умеешь — не берись! — ответил Витя, повернулся и пошел.

— Да, не умею! — закричал Гриша. — Не умею!.. Ну и что?

...Вот о чем не хотел сейчас думать Гриша, прогуливаясь взад и вперед невдалеке от стола судейской коллегии.

Осталось два выстрела. Он снова стал тихонько напевать песенку «Я на камушке сижу». Ведь не будь ее, не держать бы, наверно, Грише в руках винтовки, не знать, что такое «мелкая» и «высокая» мушка, не целиться с замиранием сердца в черную червоточину на белом круге.



Читаем Горького!

Если бы на огромнейшую площадь собрать всех читателей «Пионера» и спросить их, кто не читал ни одного произведения Алексея Максимовича Горького, можно с уверенностью сказать: ни одна рука не поднялась бы. Все читали. Быть может, нет другого писателя, о жизни которого ребята в нашей стране знают так много, потому что, конечно, все наверняка читали повесть «Детство»: все побывали в доме деда Каширина, все окунали белую скатерть в чан с кубовой краской, все вслушивались в певучий голос бабушки Акулины Ивановны... «Сказки об Италии», «Детство» — с этого Горький начинается для каждого из нас. А кончается? Да он никогда не кончается, хотя бы потому, что Алексей Максимович написал очень много. Это был один из самых неленивых людей нашего времени. Его собрание сочинений — тридцать толстых томов. Если бы спросить ребят-читателей: «А кто прочитал все тома Горького?» — опять ни одна рука, наверно, не поднялась бы. Книг Горького хватит читать на долгие годы — «Мать», «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых», пьесы и, наконец, последняя прекрасная книга Горького «Жизнь Клима Самгина», которую читают только взрослые, потому что она очень сложна. Но великий писатель тем и велик, что вам достаточно прочитать одну из его книг, один, пусть небольшой, рассказ, и вы чувствуете этого человека, узнаете о нем очень много и никогда не спутаете ни с кем другим.

Когда Алексей Максимович стал писателем, он решил подписывать свои произведения так: «Максим Горький». Наверно, он хотел сказать этим, что будет рассказывать о горькой жизни, о горьких и трудных судьбах обездоленных, несчастных людей. Но вышло так, что в тридцати томах его не так уж много горьких строчек. И за тоскливым, безнадежным, безысходным всегда просвечивает вера в доброе, хорошее. О чем бы Горький ни писал, он показывает все так, что мы видим и чувствуем, что жизнь все же красивая и людей больше красивых. Горький писал и страстно, и насмешливо, и гневно, и трагично, но презирал все унылое и серое. Пусть его герой — бедняк, босяк, пусть он голоден, а все же человек, да еще какой человек!

В этом месяце вся наша страна и весь мир отмечают столетие со дня рождения Горького. Сто лет — срок очень большой, и, вероятно, многим кажется, что Горький жил невесть когда. А на самом деле он жил в наши дни. Умер он незадолго до войны, в 1936 году. Спросите папу или маму, быть может, они помнят еще то время, когда Горький был жив, когда статьи его и письма печатались в газетах и журналах. Да он и сегодня жив, как живет каждый писатель, чьи книги читают дети, и дети детей, и дети этих детей — поколение за поколением.

ПИСЬМА К СЫНУ

С Капри в Женеву, 16 (29) марта 1908 г.

Получил твои портреты, старая ты, ночная, курносая птица — очень хороши портретики!

Спасибо, что снялся, и за поздравление спасибо.

Вот — стукнуло мне 40 лет — доживи-ка ты, да наделай столько доброго шума, как я,— и будешь молодец-воин! Не очень я собой доволен, а все же, по совести могу сказать, что обременял землю не зря, недаром. Очень хочу, чтоб и ты также пожил, дорогой мой дружище и сынище! Мы с тобой люди хорошей страны, и надо ее горячо любить, хорошо знать.

Завтра я именинник, с чем тебя и поздравляю, коли хочешь. Усы у меня выросли по полуаршину ус и стали красные, и нос тоже красный, как морковь — вот увидишь!

И стал я толстый. Чего бы тебе еще сказать? Разучился!

Посылаю вид Капри, но ты его в рамку не вставляй, плохой он. Я заставлю сделать хороший и тогда пришлю.

Посылаю также рыбу — славная рыбешка!

Послал бы тебе солнце, да боюсь взять его руками — обожжешь пальцы. Потом неловко, итальянцы обидятся: вот, скажут, мы его приютили, а он у нас солнце стащил! Экой озорник.

А послать тебе хочется все хорошее, что есть на земле и вообще на свете — очень я люблю тебя.

Обнимаю! Всего доброго.

А.

С Капри в Париж, 16 (29) декабря 1908 г.

Дорогой мой!

У тебя пожар, а у меня — землетрясение: оно коснулось и Капри: здесь осыпалось много виноградников на горах, некоторые дома дали трещины, треснула одна старая церковь и на вилле, где я живу — обрушилась стена.

Было два толчка и глухой шум, мне подумалось почему-то, что в дом залез вор. Я взял нож и пошел искать причину шума, но —

Публикацию Архива А. М. Горького подготовила Е. Уфлянд. Письма печатаются впервые.



Сын Горького Максим. Капри, 1907 г.



Максим и Алексей Максимович. Париж, 1912 г.

вспомнил, что нечто подобное смутной тревоге, которая охватила меня, я уже испытал однажды — в 92 году, в Тифлисе, во время землетрясения. Догадался, что это то же самое, увидал в темноте, что стена, ограждавшая усадьбу — исчезла — и лег спать, подумав, что это шалит старик Везувий. А утром узнал, что над милой страной Италией разразилось небывалое еще несчастие: разрушены до основания города, погибли сотни тысяч людей. В одной Мессине, в Сицилии — семьдесят пять тысяч, разве не ужасно?

Теперь здесь собирают деньги, и — надо видеть, какой прекрасный народ эти итальянцы! Бедняки отдают последние гроши, буквально! — снимают с себя одежду, бросая ее на улицах в кучи, к ногам сборщиков пособий для пострадавших. Удивительно чуткий и добрый народ, они до слез трогают за сердце. Я, конечно, очень занят хлопотами по сбору денег, очень встревожен, огорчен — я люблю эту страну и народ!

Ну, милый, будь здоров и весел, учись и учись.

Когда-нибудь люди победят все — овладеют всеми тайными силами природы, враждебными человеку, и заставят их служить себе.

Вот для этого-то и надо учиться, надо знать, надо бороться со всем, что мешает жить.

Обнимаю тебя.

А.

Получил картинки «Новой Зеландии» и книжку Г. Уэльса? Я выписал тебе «Начала домашних работ».

С Капри в Париж, зима 1909 г.

Дорогой мой дирижабельщик и планерщик!

Прочитал я твое воздухоплавательное письмо и подумал: приеду я в Париж, выйдет навстречу мне сын мой, одна нога у него деревянная, рука на перевязи, нос — вывихнут, ухо отсечено пропеллером, вместо ребер — вставлены косточки из мамина корсета — вообще, весь человек растерялся в воздухе, а на земле совсем немножко осталось!

Смешно, но — не утешительно, ибо цельный человек всегда лучше изломанного, право же!

Я очень просил бы тебя: изобретай, но не летай или — летай, да не падай.

Вообще говоря — воздухоплавание чудесная вещь, однако, когда собственноручный сын воздухоплавать собирается... — жутко!

Дружище мой — если тебя дело это увлекает, если ты хочешь заняться им серьезно, — прежде всего учись! Надо знать физику, механику, математику, ознакомься с премудростями этими, выстрой аппарат своей системы и — летим в Японию...

...А пока — будь осторожен и не прыгай с крыш, хотя бы и в сопровождении планера. Береги нос, эту выдающуюся черту лица...

...Обнимаю.

А.

С Капри в Аляссио, 15(28) июля 1909 г.

Дорогой мой мальчик!

Я не могу забыть, как ты, заплакав, сказал мне «Не сердись на меня!» Мне грустно думать, что, видя тебя так редко и мало, я огорчил тебя в этот приезд.

Но видишь ли, ты ошибся, не понял меня: я не рассердился на тебя, нет, а просто мне очень тяжело было в тот день, ты же все время сильно нервничал и твоя нервозность еще более заставила меня задуматься и загрустить.

Мне показалось, что ты мало обращаешь внимание на людей, окружающих тебя, заботясь лишь о том, чтоб тебе самому жилось весело и интересно, что ты совсем не считаешься с плохим здоровьем мамы, а оно требует покоя, заботливого и любовного отношения к ней.

Может быть, я ошибся — мало знаю тебя — может быть, без меня ты ведешь себя спокойнее, более уравновешен и внимателен к маме...

...Но — поверь, что я на тебя ни одной минуты не сердился, поверь! Я тебя очень люблю, часто и сильно скучаю о тебе, я страшно хочу видеть моего любимого, славного сына хорошим, умным, здоровым человеком.

И я верю, что таким ты и будешь, дорогой мой мальчик.

Обнимаю крепко, целую тебя, желаю быть здоровым и веселым...

...До свидания, мой славный!

А.

С Капри в Париж, 29 июля (11 августа) 1910 г.

Друг мой — сердечно поздравляю тебя с истекшей тринадцатой годовщиной бытия твоего шумного и озорниковатого.

Но — в эти годы и я тоже был великий озорник, и, хоть порой, ты способен вывести из терпения каменную башню, — я тебя понимаю! Что делать? Такова судьба — в юности, в отрочестве — все озорничают, в зрелом же возрасте надоедают друг другу ворчанием и разными осуждениями.

А у меня случилось происшествие: приехали из России пятеро художников и начали меня писать; каждый день я сижу от 2-х до 3-х часов на дворе, а они с меня портреты мажут.

Так-то. За время, пока я был в Аляссио, накопилась куча рукописей, писем и разных дел, сижу я с утра до вечера и привожу все это в порядок. И, конечно, работаю над своей повестью.

Поучиться бы немножко тебе у меня, как надо работать, а то ты не очень усерден.

Играешь ли? Помни: музыка, со временем, даст тебе много хороших часов!

Будь здоров, не купайся до усталости, не раздражай мать. Обнимаю.

Алексей.

Из воспоминаний художницы Валентины Ходасевич

Портрет

Весной 1918 года я написала портрет А. М. Горького в его квартире в Петрограде, на Кронверкском проспекте, теперь проспект Горького. Алексей Максимович был очень терпеливой моделью, но, чтобы он меньше уставал, я решила писать его сидящим за небольшим столом. Писала его в натуральную величину масляной краской на холсте.

Позировать, то есть почти не менять положения, конечно, и утомительно и надоедливо. Мне самой приходилось предлагать ему делать перерывы для отдыха. Он говорил: «Ничего, ничего, товарищ художник, вы только пишите, обо мне не беспокойтесь...» Так что я иногда, заметив, что моя модель как-то грустнеет, сама притворялась уставшей и говорила: «Не могу больше, давайте отдохнем немного». «Ну, пожалуй»,— соглашался Алексей Максимович. Единственная вольность, которую он себе позволял и заранее оговорил, было курение, когда он затягивался и как-то украдкой выпускал дым изо рта, будучи всегда необычайно деликатным, он каждый раз извинялся.

В то время я чувствовала себя «опытным» и «бывалым» портретистом, и храбрость молодости мешала мне долго задумываться и мучиться над работой.

Во время позирования Алексей Максимович, стараясь не менять позы, рассказывал мне интереснейшие похождения своих молодых лет: разнообразные истории о людях Нижнего Новгорода, о быте и нравах именитого купечества, о ярмарках, духовенстве, монастырях, о деревнях, о бедняках и богачах, об Арзамасе и Америке, Италии и Финляндии и многом, многом другом.

Это были длинные рассказы. Поражали точно найденные слова для характеристик людей, городов, природы. Передавая разговоры разных людей, он никогда не прибегал к имитации их интонаций и жестов. Но в этом и не было необходимости, так как убедительно найденными словами они были достаточно охарактеризованы, и таким типичным было их поведение, что они получались живыми и абсолютно правдоподобными. К сожалению, я не всегда достаточно внимательно вслушивалась в эти рассказы, так как мне приходилось одновременно вникать и в свою работу.

Я знала, что Алексей Максимович это замечал, но он не прерывал своих рассказов, во-первых, чтобы внезапным молчанием не разрушить моей творческой напряженности, а во-вторых, он ведь рассказывал не только для меня, а и самому себе. Наблюдая мою реакцию на рассказы и выверяя на слух, как неутомимый и взыскательный профессионал, эти свои литературные заготовки, он дорабатывал отдельные куски своих будущих рассказов и романов, а иногда подготовлял новую редакцию старых. Это я поняла уже позднее, когда многое из рассказанного мне встречала в его творениях. Я ужасаюсь до сих пор, понимая, какие духовные и литературные ценности так щедро предлагались моему вниманию и что я теряла (и не только я!) из-за того, что не все внимательно слушала, вовлеченная в свой творческий процесс. Быть бы мне тогда лучше стенографисткой!

Во время работы я никому портрет не показывала, включая и самого Алексея Максимовича. Я придумала целую сложную систему шнурков, кнопок, гвоздей, чтобы после очередного сеанса закрывать куском материи портрет, стоящий на мольберте, так, чтобы материя не прилегала к сырой краске, но чтобы и никак нельзя было подглядеть, что там под ней. Алексей Максимович посмеивался над моими конструкторскими измышлениями.

И вот настал день, когда портрет был закончен. Надо было его показывать, и, конечно, прежде всего самому Алексею Максимовичу. Мне было очень страшно. Алексей Максимович тоже заметно волновался. Наконец я сказала: «Ну, смотрите!» Лицо его выразило огромное любопытство. После мучительной паузы я услышала, как он приглушенно, от волнения, вероятно, но с интонацией какого-то облегчения, сказал: «Вот это здорово! Молодчина! Ловко вы меня задумали! И глаза голубые, и рубашка, и куски неба... Вот жаль, что я не покрасил усы в голубой цвет, ну это уж в другой раз изобразите, а это мне нравится!»

Алексей Максимович всегда очень чутко и внимательно относился к всяческим поискам нового в искусстве и, если даже ему что-то и не нравилось, готов был часть вины приписать своему недостаточному пониманию. А дух времени был таков, что мы, молодые художники, занимались поисками новых форм выражения виденного и задуманного, считая, что таким образом мы тоже помогаем строить новый мир.

Работая над портретом, честно всматриваясь в натуру, я искренне видела все те грани плоскостей, которые изобразила.

Я писала с натуры все, кроме фона. Фон задуман был мной как декоративное панно, изображающее отголоски и фрагменты рассказов Горького, услышанных мной во время сеансов и вкомпонованных в портрет.

Прошло время, и теперь я понимаю многое совсем иначе и, вероятно, по-другому написала бы портрет Алексея Максимовича.

Умный слон

В конце сентября 1920 года в Петроград приехал английский писатель Герберт Уэллс со старшим сыном Джипом. Приглашенные Алексеем Максимовичем, они поселились в нашей «коммуне». Решено было предоставить им комнату, в ко-

торой жили секретарь Горького Мария Игнатьевна и Муся Гейнце — студентка военно-медицинской академии. Комнату мы постарались обуютить и украсить. Мария переселилась на тахту в комнату нашего приятеля, художника Ракицкого, Мусю устроили на запасном, ничейном, матрасе в комнате, где жили мы с мужем.

Развлекать сына Уэллса, Джипа, было поручено мне. Я с ним объяснялась по-французски, так как тогда я еще не знала английского языка. Зная, что Джип — студент-зоолог, я решила повести его в зоологический сад, расположенный близко от нас, в конце Кронверкского проспекта. Было чудом, что еще были живы довольно многие звери. Правда, на некоторых из них кожа висела складками и казалась с «чужого плеча». Очень грустные глаза были у льва, которому при нас принесли в бадье какое-то вегетарианское месиво из муки и овощей. Понятно, что загрустишь! Ведь царь природы!

Я старалась что-то привирать Джипу, уверяя, что это «разгрузочный день», да и не всегда в Петрограде бывает свежее мясо. «Да, да, я понимаю,— вежливо говорил Джип,— и все-таки я вижу, что им невесело». Обойдя все экспонаты, мы поняли, что меню у всех одно.

Очень понравился Джипу слон. Служитель нам демонстрировал его особые способности: принес несколько кусков хлеба и положил в клетке поодаль от слона, который издал какой-то трубный звук, подмигнул служителю и просунул хобот между прутьями клетки. Служитель объяснил, что он дает слону хлеб только за деньги. Было очень смешно, когда хобот, забрав у нас денежную бумажку, подносил ее близко к глазу, рассматривал и, если это были «родные» деньги (не помню, как они назывались), передавал служителю и получал хлеб. Если же мы давали «керенки» (выпущенные при Керенском), уже не ходовые,— он злобно бросал их на землю и топтал ногой. Мы много раз проверяли способность слона. Да, он разбирался в деньгах. Джип до слез хохотал и почти ежедневно просил меня зайти с ним опять к слону.

Алексей Максимович веселился, как ребенок, когда я ему рассказала, как развлекаю Джипа. Ну, конечно, я показывала Джипу и главные красоты города.

„КОЗЛЯТА"

1925 год. Сорренто. Мария Игнатьевна часто уезжала навестить своих детей в Эстонию. Алексей Максимович говорил: «Хоть бы привезли их когда-нибудь сюда, если они не миф, как утверждает сын мой Максим». И вот свершилось: вернулась Мария Игнатьевна с детьми и их воспитательницей старушкой-англичанкой. Младшая, Таня, очень похожа на мать — ей лет 8, Павлу — 10 лет и племянница Кира лет 13-ти.

Дети ухоженные, хорошенькие и веселые. Алексей Максимович был рад, что они не миф. Их приезд слегка нарушил отшельнический образ жизни Алексея Максимовича. Приходилось ему даже участвовать под вечер в играх, которым научили нас дети. Любимой была игра «Козлята».

Мы все были «козлятами», а Таня «козой». На ее истошный крик: «Козлята! Козлята! Бегите домой — волк здесь!» — мы бежали через всю площадку перед домом к ней, а «волк» — Павел бросался ловить. Не успевшего вбежать в дом он ловил, и тот делался «волком». И все повторялось вновь и вновь, пока у Алексея Максимовича не начинался кашель и одышка. Таня была неутомима и беспощадна.

Вторая игра была менее утомительной и называлась «Наполеоновский гроб». Таня и Павел ставили под стол, покрытый до полу скатертью, таз с водой и большой губкой, залезали под стол и кричали: «Здесь Наполеоновский гроб, здесь очень страшно, посмотрите, пожалуйста!» На голову любопытного выжимали мокрую губку, усиленно обливали водой его лицо и лили воду за шиворот. Дети считали, что это самая веселая игра, и дико хохотали. Нас это забавляло, а Алексей Максимович смеялся до слез и готов был по нескольку раз заглядывать в «Наполеоновский гроб».

От всех этих игр у него усилился кашель и припадки астмы. Наконец врач запретил ему эти развлечения.

ПОДАРОК

Всю жизнь мечтал Иван Николаевич Ракицкий о кругосветном путешествии и сочинял невероятные и малоправдоподобные истории о своей жизни на «необитаемых островах» с кокосовыми пальмами и песчаными розовыми пляжами. Все это было фантазией.

И вот Алексей Максимович помог ему в какой-то степени осуществить эту мечту. В Неаполе строились по заказу СССР рыболовецкие суда — траулеры, которые должны были добираться своим ходом через моря и океаны до места постоянной прописки — Владивостока. Ракицкий зачислен был по просьбе Алексея Максимовича на один из траулеров в качестве помощника врача. Путь был долгим и очень интересным. Из команды никто не болел, и с Ракицким все очень сдружились. Было это в 1933 году.

Об этом путешествии Ивана Николаевича я узнала из письма Максима, а также о том, что Алексей Максимович и вся семья летом окончательно вернутся из Сорренто в Москву. Это будет тоже морским путешествием на пароходе «Жан Жорес» из Неаполя через Дарданеллы в Одессу.

Максим уже из Москвы позвонил мне по телефону в Ленинград и сказал, чтобы я скорее приезжала пожить к ним в Горки — Алексей Максимович и остальные ждут меня, а вскоре должен и Ракицкий приплыть во Владивосток, а оттуда — в Москву.

Я служила тогда главным художником в Ленинградском Академическом театре оперы и балета (бывший Мариинский). Театр закрывается на лето, и я смогу поехать в Горки.

Вскоре была получена телеграмма из Иркутска, число прибытия и номер поезда. Максим и я поехали из Горок в Москву и встречали Ракицкого на большой открытой машине. Багажа было порядочно: сундук, чемоданы и какая-то загадочная круглая корзина примерно в метр высоты и сантиметров пятьдесят диаметром, верх прикрыт холстом и обвязан веревкой. Спросили: «Что это?» Иван Николаевич сделал загадочное лицо и сказал: «Подарок Алексею Максимовичу со встретившегося в Тихом океане судна».

Когда мы заехали на Малую Никитскую, где была городская квартира Горького, и втащили корзину в дом, в ней поднялась какая-то возня и странные писки. Иван Николаевич открыл корзину, и оттуда выскочили, как чертенята, две маленькие обезьянки, бросились к Ивану Николаевичу на шею, стали его обцеловывать и произносить какие-то странные звуки-слова, скалили зубы. Когда мы подходили ближе, чтобы их рассмотреть, они прятали головы Ивану Николаевичу в пиджак.

Шерстка гладкая, песчаного цвета, мордочки и



Вот тот портрет А. М. Горького, который в 1918 году написала В. Ходасевич.

кисти ручек розовато-серые, хвосты тоненькие, довольно длинные, когда стоят на четырех лапках, сантиметров пятнадцать высоты. Очень славненькие и уморительно смешные. Звали их Яшка и Марианна.

Ракицкий посадил их в корзину, и мы ушли в столовую из передней, где происходило наше знакомство, прикрыв дверь, но буквально через минуту мы услышали подозрительные звуки из передней и бросились туда: Яшка висел под потолком, раскачиваясь на оторванном куске электропровода, Марианна сидела в умывальной раковине, отвернула кран, разбрызгивала воду и, видно, очень веселилась. С окна были сброшены и разбиты несколько цветочных горшков, выдраны растения, земля разбросана по всему полу. Пришлось Ракицкому строго поговорить с ними и призвать к порядку, при этом, сидя у него на руках, они внимательно слушали его, потом начали как-то свиристеть и ласкаться к нему — просили прощения (как объяснил он). Не полюбить этих созданий было невозможно. В Москве мы им купили ошейники и цепочки.

Когда в Горках Ракицкий вышел из машины с обезьянками на руках, Алексей Максимович пришел в восторг и сразу же начал обдумывать, где и как лучше устроить их. Решено, что день они будут проводить привязанными на длинных цепочках, прикрепленных к небольшому дереву около дома близ окна комнаты повара.

Очень быстро они освоились с людьми, живущими в Горках, и стали любимцами всех. Привыкли ходить на цепочке и соразмерять шаг с ведущим их. Я много с ними возилась, и меня они очень любили и слушались. Иногда я рисковала спускать их с цепочки, они веселились, прыгали по деревьям, кувыркались, искали в траве землянику и ели ее. По первому зову они бежали ко мне, цеплялись за руки и начинали ластиться. Кисти ручек у них были очень цепкие.

В минуты отдыха Алексей Максимович любил наблюдать за их играми. Игрушек, конечно, у них было много, и они любили ярко раскрашенные. Были у них мячики разной величины, разные кубышки, ведерки и т. д., как у детей. Ели они аккуратно, у каждой своя миска, и если Марианна быстрее съедала свою порцию, то Яшка уступал ей свою еду.

Через некоторое время они по секрету от нас всех научились как-то освобождаться от ошейника, а у повара стали пропадать продукты, приготовленные на столе в кухне, он обвинял в воровстве своего помощника и горничную. Наконец проследили и увидали, как Яшка и Марианна тащили из кухни уже приготовленных к жарению цыплят и потом под деревом устроили пир горой. Объевшись, заснули, а кругом лежали цыплячьи косточки. Повар их невзлюбил и отгонял от кухни. Обезьянки решили отомстить: улучили минуту, когда их сняли с цепи, в момент вскарабкались на подоконник и прыгнули в комнату повара, которая отличалась необычной чистотой, и все, что в ней, было белое. Перед окном стол, покрытый белой скатертью, и единственные цветные предметы: книга покупок и расходов, чернильница и ручка. Когда кто-то побежал в дом, чтобы изловить беглецов в комнате повара, то застал там ужасную картину — все, начиная с потолка и стен, было в чернильных брызгах и следах от лап. Белоснежное покрывало постели, подушки...

Почувствовав недоброе, Яшка и Марианна выпрыгнули через окно в сад и уселись, как паиньки, под деревом.

Алексей Максимович просил, чтобы их не наказывали, и уверял, что они сами осознали вину и теперь горюют, только вот сказать этого не могут.

Но, к сожалению, они взрослели и превращались в страшных хулиганов — нужно было или держать их все время на привязи, или закрывать в доме все двери и окна. И все же, очевидно, они все время были начеку и при малейшей возможности проникали в дом и хулиганили: опрокидывали и размазывали варенье по столу, накрытому к чаю, сдергивали скатерть с посудой, открывали кран самовара и потом скрывались. Мы с трудом находили их после долгих поисков в самых неожиданных местах. Но до того они были обаятельными, что долго сердиться на них было невозможно.

Так прожили они до середины августа. Начались прохладные вечера и ночи. Алексей Максимович написал в обезьянник Академии наук в Сухуми с предложением прислать им обезьянок. Там очень обрадовались, но сообщили, что нужно торопиться, ибо московская осень не подходит этим нежным созданиям.

С грустью мы расстались с ними, и жизнь без них поначалу казалась нам менее уютной. Повез их в Сухуми помощник повара — он их очень любил.

Через два года я была в Сухуми, пошла в обезьянник и с грустью узнала от научных сотрудников, что Яшка и Марианна болели туберкулезом, прожили до весны и умерли. Были они и там, в Сухуми, любимцами, но спасти их не удалось.

●

Полностью воспоминания В. Ходасевич печатаются в журнале «Новый мир».



Леонард **БЕРНСТАЙН**

Пересказал С. СОЛОВЕЙЧИК

3. Юмор в музыке

Бывает ли музыка смешной? Могут ли слушатели в концертном зале вдруг громко и дружно расхохотаться? Странный вопрос. Сидят на сцене музыканты со своими инструментами и играют. Над чем же смеяться?

А в зале весело...

Музыка может быть забавной и даже смешной. Но что заставляет нас рассмеяться, когда мы слушаем музыку? Этот вопрос легче задать, чем ответить на него. Ведь каждый раз, когда вы объясняете, почему шутка смешна, она перестает быть смешной. Шутки не терпят объяснений...

Вот, например, старинная история. Слон насмехался над мышкой: «Ха, посмотри на себя, крошка... да ты меньше, чем ноготь на моей левой ноге!» А мышь обиженно отвечает: «Послушай, но я ведь так сильно болела, так исхудала!»



Когда люди слушают эту историю впервые, они всегда смеются. И можно объяснить почему: потому, что ответ мышки неожидан.

В каждой шутке скрыта какая-то неожиданность, сюрприз. Ну, вправду, кто мог ожидать от мышки, что она попытается оправдаться... болезнью?

Но как только мы объ-

яснили это, вы больше не смеетесь. Шутка смешна, а объяснение шутки нисколько не смешно. Мы все знаем людей, которые сначала расскажут анекдот, а потом начинают объяснять, почему он смешной. Нет ничего хуже. Это просто убивает шутку.

Так что же, и не браться за объяснения? Нет, мы можем делать это без опаски, потому что у музыкального юмора есть одна прекрасная особенность. Обычную шутку второй раз слушать неинтересно, несмешно. А музыкальную шутку вы можете слушать как угодно часто, и каждый раз вам будет еще смешнее.

Есть много видов юмора: остроумие, сатира, пародия, карикатура, бурлеск, или просто клоунада. Все эти разные виды можно найти и в музыке. Но мы сразу должны понять самую важную вещь: музыка не может шутить ни над чем, кроме самой музыки. Композитор подсмеивается над своей музыкой или над музыкой другого композитора, но никогда не удастся ему передать в музыке шутку о слоне и мышке.

В распоряжении композитора тысячи способов сделать музыку смешной. Он может неожиданно усилить звук как раз тогда, когда вы ждете тихой музыки. Или внезапно остановиться посредине фразы. Или нарочно поставить неверную ноту, ноту, которой вы не ждете, неуместную в этом случае.

Как видите, нам все время приходится употреблять слова: «неожиданно», «неуместно», «внезапно». Это не случайно. У музыкальной шутки тот же секрет, что и у шутки обычной: в ней таится какой-то сюрприз, в ней есть какая-то несовместимость...



Самый простой способ насмешить слушателей — подражать животным или людям, передразнивать их. Музыка подражает звукам, которые мы все знаем, — жужжанию комара, или шуму поезда, или писку цыплят, или даже чиханию. Например, в сюите венгерского композитора Золтана Кода́и, которая называется «Хари Янош», можно услышать такое громкое-прегромкое чихание. Там человек медленно, захлебываясь, набирает воздух — «а-а-ап», потом взрывается — «ап-чхи!» — во все стороны. Старый французский композитор Рамо подражал в музыке и кукушке и петуху — и кого только он не передразнивал!

В прошлой беседе мы говорили, что настоящим мастером смешного в музыке был австрийский композитор Гайдн. В его музыке не простое подражание — она *остроумна.* Гайдн все время веселит слушателя внезапными паузами, его музыка неожиданно становится то громкой, то тихой; его быстрые, пробегающие мелодии напоминают шалости маленькой таксы, разыгравшейся в комнате. Шутки Гайдна очень коротки. Вы едва успеваете заметить их. Коротко и смешно — вот правила остроумия, и Гайдн хорошо знает их, эти правила. Финал его Сто второй симфонии вроде волшебного сундучка: трюки следуют один за другим, один за другим.

Теперь поговорим о другом виде юмора, о сатире. Сатира — это и пародия, и карикатура, и бурлеск. Все эти слова, грубо говоря, означают одно и то же: насмешку над чем-нибудь с помощью преувеличения.

Лучшая из всех музыкальных сатир, которые когда-либо были написаны, принадлежит композитору Сергею Прокофьеву. Это его «Классическая симфония» — настоящая драгоценность, выдающаяся имитация симфоний Гайдна. По форме это настоящий Гайдн. Только у Прокофьева сюрпризы, неожиданные усиления звука, паузы, элегантные мелодии — все преувеличено. И очень часто вкрадывается в музыку что-то очень тонкое — маленькая неверная нотка или одно слишком сильное или неожиданно слабое ударение, а затем все идет правильно, словно ничего не случилось.

Тут намек, легкий привкус очень современной музыки, который кажется несовместимым с музыкой XVIII столетия, которой подражает Прокофьев. Вот эта комбинация преувеличений и несовместимого и делает музыку Прокофьева такой смешной.



Мне кажется, это — единственное музыкальное произведение, над которым я хохотал во все горло. Я услышал симфонию Прокофьева по радио, когда мне было пятнадцать лет. Хорошо помню, что я буквально катался по полу от смеха до тех пор, пока у меня слезы не потекли. Я не знал, что это за музыка. Я никогда не слышал имени Прокофьева. Я только понимал, что это что-то очень тонкое, смешное и прекрасное. Вот что отличает истинную сатиру от простой пародии: она прекрасна. Ну вот как великая сатира в литературе — «Путешествия Гулливера». Это ведь тоже прекрасная книга, не правда ли? Пародия шутит ради того, чтобы шутить, а сатира, насмешничая, создает новое, быть может, более прекрасное, чем то, что сама высмеивает.

Мы уже говорили, что в остроумной музыке всегда есть несовместимое. Лучше всего это видно в Первой симфонии композитора Густава Малера. Вот что он сделал. Все знают старую песенку: «Братец Яков, братец Яков, спишь ли ты, спишь ли ты?»

Малер переделал эту коротенькую веселую мелодию так, что внезапно она стала звучать мрачно и печально. Потом он сделал ее еще более мрачной и печальной, он написал ее в темпе похоронного марша! И вдобавок этот марш исполняет контрабас соло (контрабас — очень угрюмый инструмент), а затем все самые мрачные инструменты оркестра.



Конечно, это может показаться странным: забавный... похоронный марш. Но он и вправду смешной, потому что мы знаем: на самом деле это наш старый друг, веселый «Братец Яков», это он скрывается под мрачной маской.

Что может быть более несовместимо, чем веселая песенка и похоронный марш? Но эта несовместимость и делает музыку смешной.

...Мы начали разговор о юморе в музыке с очень высоких образцов сатиры — с Гайдна, Прокофьева, Малера. Теперь давайте погрузимся в более низкие формы музыкального юмора, поговорим о пародии, карикатуре и даже о бурлеске. Бурлеск — это простая клоунада. Этот вид юмора многие из вас любят, наверно, больше всего. Он доступен каждому.

Представьте себе: идет по улице важный человек, идет с достоинством, и вдруг он поскользнулся на апельсиновой корке и — бац! — растянулся. Все, кто видит его, смеются. Почти никто не может удержаться от смеха. Почему так? Почему нам смешно, когда кто-нибудь падает?

Вот тут мы подобрались к самому главному в юморе: все шутки что-то высмеивают. Чтобы мы



рассмеялись, что-то должно быть разрушено, опрокинуто — человеческое достоинство, или какая-то идея, или целый мир, или даже логика. Что-то внезапно исчезает, и обычно прежде всего исчезает *смысл*. Получается *бессмысленность*. Мы идем в цирк и видим клоуна, который сунул руку в огонь и заливает ее водой, как на пожаре. Это смешно. Мы смеемся над клоуном, потому что знаем: это только трюк, клоун вне опасности. Или мы видим маленький автомобиль, а из него один за другим выходят клоуны, еще и еще, без конца. Как они все поместились в такой маленькой машине? Это невозможно! И мы смеемся громче и громче с появлением каждого нового клоуна! Это ужасно смешно. Но над чем мы смеемся? Над логикой, над здравым смыслом: на наших глазах происходит то, чего не может быть.



Вот так и в музыке можно разрушать, опрокидывать здравый смысл, как на цирковой арене. Много лет назад это сделал Моцарт в его известной «Музыкальной шутке»: в конце ее все инструменты берут пронзительно-фальшивые ноты. Многие композиторы прибегали к этому приему. Неверные ноты всегда вызывают смех; но они должны быть поставлены рядышком с верными, чтобы прозвучать, как неправильные. Советский композитор Дмитрий Шостакович — великий мастер на такие шутки с неверными нотами. В его знаменитой польке из балета «Золотой век» много совершенно абсурдных нот; он делает их еще смешнее тем, что в оркестре играет или труба — у нее очень низкий звук, или флейта-пикколо, или ксилофон,— у них звук очень высокий. Все получается преувеличенным.

Однако неправильно думать, что юмор в симфонической музыке обязательно должен вызывать смех. Он может быть просто веселым, игривым, озорным. Обычно такой юмор мы встречаем в особой части симфонии, которая называется «скерцо». Это итальянское слово означает «шутка». Но в музыке слово «скерцо» приобрело другое значение: «игриво», «простосердечно», «с юмором». Почти в каждой симфонии есть «скерцо», обычно это третья часть симфонии. Во времена Моцарта и Гайдна (то есть в XVIII веке) третья часть была, как правило, «менуэт» — грациозный, элегантный танец. Но потом пришел Бетховен и превратил менуэт в скерцо — в веселую музыку, полную движения и энергии, полную — как и положено шутке — доброго юмора. И хотя у большинства композиторов скерцо вовсе не вызывает смеха, эта веселая часть имеет отношение к юмору, потому что, слушая ее, вы приходите в доброе расположение духа.

А музыка для того и существует, чтобы люди были добрее...



ПРЕМИЯ «ЧЕРНЫЙ ДИСК»

У многих ребят есть своя домашняя библиотечка. Пусть пока небольшая — всего несколько книг, подаренных в дни рождения. Когда-нибудь она займет целую полку. А, быть может, у вас дома есть **фонотека — собрание пластинок?** Расскажите о ней.

«Пионер» объявляет маленький конкурс на короткое сочинение.

Тема одна: «**МОЯ ЛЮБИМАЯ ПЛАСТИНКА**».

Несколько вопросов вроде подсказки:

Много ли у вас дома пластинок?

Как попала в ваш дом самая любимая из них?

Как вы ее слушали в первый раз?

Какие чувства она вызывает?

Звали ли вы друзей послушать эту музыку?

Понравилась ли она друзьям?

Лучшие сочинения будут напечатаны. Где? Конечно, в «Пионере», в разделе «Секреты пяти линеек», а победители получат премию. Какую? Конечно, пластинку — ту, которую вы хотели бы иметь, да не можете достать.

Уговор: сочинение надо послать до того, как придет четвертый номер нашего журнала.

В. ПЛИЧЕ

ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ ХУДОЖНИК?



Так же, как чужая речь, чужое искусство не сразу понятно. Для этого нужно учиться. Учиться видеть. Учиться понимать.

Вот ведь поначалу европейцы, побывавшие на африканском континенте, высокомерно посчитали, что черные народы просто не владеют изобразительными искусствами. А они владеют ими, но пользуются иным, непривычным для европейцев творческим языком.

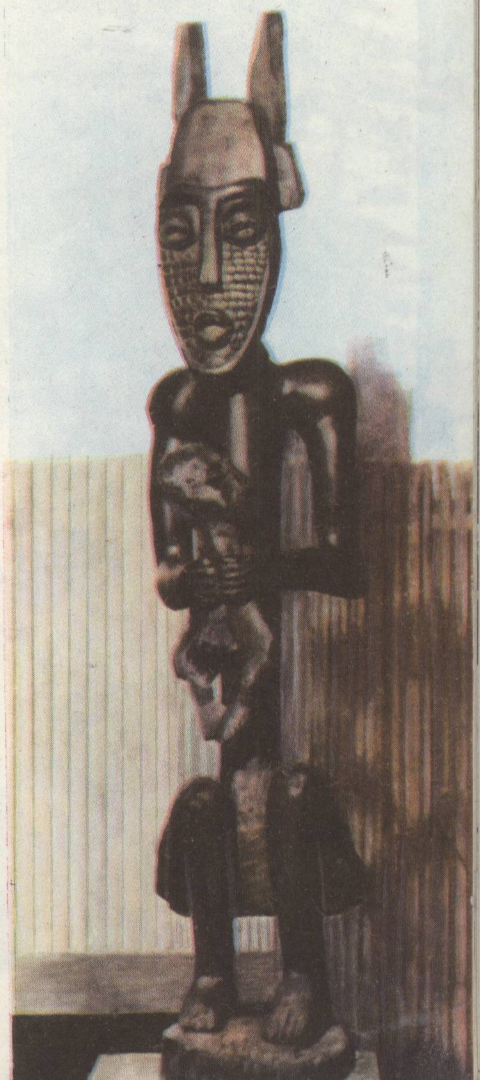
В скульптуре, например, европейский художник, как правило, следует жизненной соразмерности человеческого тела, а африканского художника это не интересует, и он делает голову слишком большой. Почему? Потому, что он считает человеческую голову вместилищем разума и души — главного, что есть в человеке. Получается, что одна и та же скульптура с точки зрения одного человека — изображение уродца, а с точки зрения другого — воплощение человеческих достоинств.

Странным может показаться нам и грубое изображение бессмысленного существа, которое ублажали, украшая цветными перышками и лоскутками. Оно будет казаться бессмысленным и грубым, пока не узнаешь, что это — изображение болезни — мучительной лихорадки. Оттого оно так отталкивающе, так устрашающе.

Самый распространенный вид скульптуры в Африке — маски. Изучая их, много можно узнать о своеобразной и сложной духовной жизни создавшего их народа. Все праздники, обряды, игры, представления, танцы проходят обязательно с участием масок. Они служат украшением и человека и жилища. Их делают миниатюрными, когда носят у пояса или на груди, и огромными — для торжественных шествий и церемоний; нести их могут несколько человек: одному не под силу. Маски делают из дерева, золота, меди и других металлов, из тростника и слоновой кости, из растительных волокон, раковин, перьев, шкур животных.

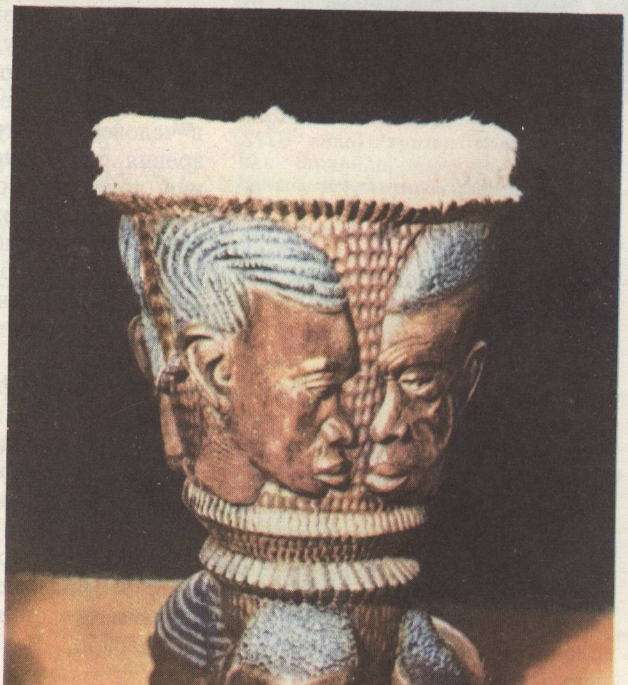
Вот маска из дерева. Чистые, гладкие плоскости ее отполированы и сверкают на солнце, как щит воина. Суровой силой дышит лицо маски, украшенное полукружиями мощных рогов. Безразлично, какого животного это рога, они не реальные, а символические. Художник показывает это и тем, что рогов две пары, и вторая пара расположена на маске так, будто первая отражается в зеркале, и тем, что поверхность рогов заштрихована перекрещивающимися линиями углублений. Такой штриховкой расчерчены и ушные раковины маски, тоже нереальные, но и не символические, а фантастические — таких ни у кого нет. Но по расположению этих форм, по вогнутой их поверхности, улавливающей все звуки, по их величине ясно, что это уши и что они не упустят ни малейшего шороха. Иными штрихами — выпуклыми, рельефными полосками очерчены глаза, рот и носовые складки лица маски. Вместе с прорезью глаз, похожей на след клинка, они придают маске выражение скрытности внутренних чувств и сдерживаемого презрения.

Тонким, геометрическим рисунком и рельефным орнаментом изукрашены блюда, чаши, различные сосуды, сундучки, оружие, гирьки для взвешивания золотого песка, орудия труда, приспособления для охоты и рыболовства, столбы хижин, косяки дверей, изукрашены прилежно и хитро, с глубоким смыслом. Гирь-

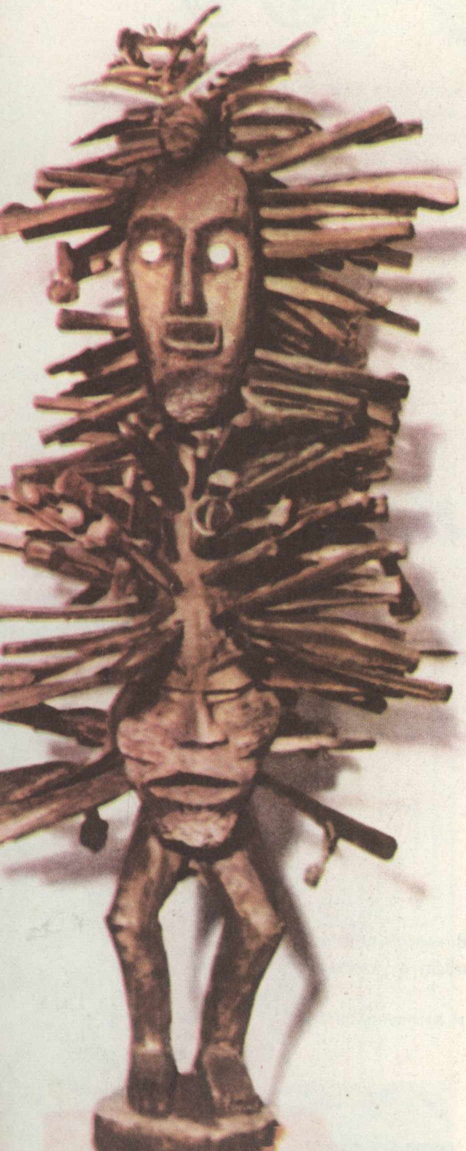




ОХОТА.



ТАМТАМ.



ЛИХОРАДКА.

ки для весов, например, отливаются, как миниатюрные статуэтки, барабан выдалбливается из ствола дерева, а подставки для него вырубаются в виде большой скульптуры. Барабаны обычно находятся в центре деревни под навесом и служат для звуковой связи. Когда вечером наступает тишина, с помощью барабанов из деревни в деревню передаются новости и сообщения о событиях прошедшего дня. Барабанная дробь не условная зашифрованная речь, а звуковая речь, непонятная европейцу так же, как и речь африканцев. Это позволило, между прочим, жителям Камеруна в свое время открыто передавать при помощи барабанов тайные сведения о передвижениях колонизаторских войск.

Вот перед вами несколько работ африканских народных художников. Рассмотрите их внимательно.



МАСКА ВОЖДЯ.

Юрий СМИРНОВ

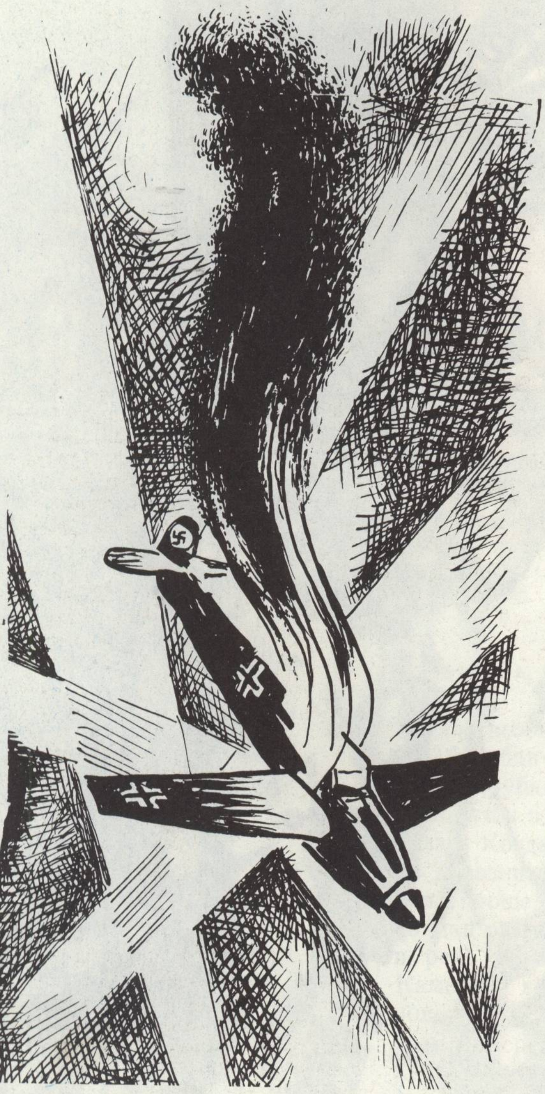
Маркиз Филимон

Кодекс рыцарской чести
Старинных времен
Был известен в предместье,
Где жил Филимон.

Филимонова Генку
Такого, как есть,
Я сравнил бы с Айвенго
За смелость и честь.

Но однажды расстался
С ребятами он,
В летный клуб записался
Маркиз Филимон...

А потом разразилась
Такая война,
Что, наверно, не снилась
Во все времена.



И осталась легенда
Военных времен,
Как прославился Генка,
Маркиз Филимон.

Летчик высшего класса,
Рискнув головой,
Знаменитого аса
Он вызвал на бой.

Мол, в таком-то
квадрате
В семнадцать ноль-ноль
Очень было бы кстати
Вас видеть.
— Яволь.

Наступило затишье
С обеих сторон.
Подымается выше
Маркиз Филимон.

На равнине небесной
В назначенный час
Появился немецкий
Прославленный ас.

Вот рванулись машины
Навстречу судьбе.
Что найдут здесь: кончину
Иль славу себе?

Лобовая атака.
Готовьте гробы.
— Отчего же однако
Ты стал на дыбы?

И, горячею строчкой
Вдоль брюха прошит,
Словно делая «бочку»,
Упал «мессершмитт».

И потом вызвал Генку
К себе командир
И распек хорошенько
За этот турнир.

— Ты что, рыцарством
болен?
Свихнулся, того?!
Только сам был доволен
И обнял его.

...Изменилось предместье,
Теперь не узнать,
Словно минуло двести,
А не двадцать пять.

Но осталась легенда
Военных времен,
Как прославился Генка,
Маркиз Филимон.

★



МЫШОНОК, знаменитый на весь мир

Мышонок, знаменитый на весь мир!

Зовут его Микки-Маус и, хотя он нарисованный, его любят, как живого, пишут ему письма и даже посвящают стихи.

Микки-Маус — мой самый верный друг.
У меня нет ни братьев, ни сестер.
Микки-Маус мне заменяет брата.
Этот мышонок нравится всем детям.
С ним я играю, кричу и улыбаюсь.

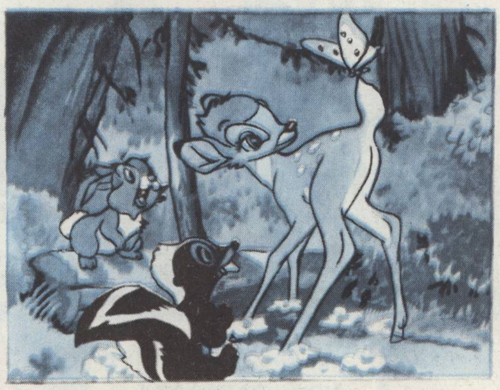
Это стихотворение сочинил итальянский мальчик Джераламо Тончини из города Генуи.

А откуда он взялся, этот мышонок?

Вы, наверное, слышали о замечательном художнике Уолте Диснее? Так вот это он автор и «папа» Микки-Мауса, он же автор замечательных, изумительных мультипликационных фильмов «Белоснежка и семь гномов» и «Бемби».



Уолт Дисней задумал и создал целый сказочный мир. Это было не просто, никто не хотел дать ему для этого денег, тогда Дисней продал все, купил близ Лос-Анжелоса 170 акров земли и взялся за дело. Так возник Дисней-ленд — огромная страна Диснея с чудесным населением. Тут скачут на больших заводных лошадях — и их не отличить от настоящих — тоже заводные и, тоже как настоящие, ковбои. На островке, окруженном водой, перед вигвамом, возле костров, сидит индейская семья. Вдруг вода в ручье вскипает... огромная глазастая голова разевает огромную зубастую пасть. Это вынырнул



гиппопотам. А сейчас появится крокодил. Впрочем, тут же можно отправиться в пирогах или на плоту в почти настоящее путешествие по Миссисипи.

«Я хотел бы превратить мультипликацию в живую сказку, чтобы люди сами стали героями сказки»,— сказал Дисней. И это ему удалось.



О Диснее можно было бы многое рассказать. Художник родился в Чикаго, в бедной семье дровосека, и, когда ему исполнилось семь, только семь лет, ему пришлось работать. Было это давно, в 1908 году. А еще через долгих девятнадцать лет, полных труда и лишений, появился на свет Микки-Маус и принес художнику первую славу. Теперь в знаменитой Британской энциклопедии Уолту Диснею посвящена целая глава с уважительным перечнем его работ и заслуг. А в Лондоне — есть в Лондоне очень необычный и очень знаменитый музей мадам Тюссо, где выставлены слепленные из воска фигуры самых известных людей на свете. Есть здесь и фигура Уолта Диснея, а Микки-Мауса нет, но ведь он и не человек, а смешной, веселый, проказливый мышонок.

Но довольно слов, пора переходить к делу. Делом же будет приятное рассматривание красивых и забавных картинок, которые мы перерисовали для вас из диснеевского фильма. Еще минута внимания! Учтите, что утенка зовут Дональд-Дак, маленьких утят — Ква, Кво и Кви, собаку зовут Папа Плуто, а утенка в красном свитере зовут Братец.

Ну, а теперь вы знаете все, что нужно. ►

Д. ОЛЕНИНА


Братец, что ты тут делаешь?
Я здесь стою на страже
Я решил охранять животных
ОХРАНЯЙТЕ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ
Ух, ух! Он помешает моим планам!
Дональд Дак проехал еще несколько километров...
Отличное место для рыбалки!
ЖЖИК!
Что это за шутки!
Что с моей леской?!...
Это еще что такое?
БРАКОНЬЕР ВЕРНИСЬ ДОМОЙ!
Некоторое время спустя...
Заменю его дробь перцем...
Моя удочка! Что с ней сделали?
ЛОВ РЫБЫ ЗАПРЕЩЕН
ПРОЧЬ!
ЗАЙМИСЬ ЛУЧШЕ ВЯЗАНЬЕМ!
Братец, что ты затеял?
Я охраняю бедных рыбок
Так вот кто портит мне кровь...
Животных надо любить...
И крокодилов тоже?


Ай! Ой! Ах!
Стреляй! Ну стреляй же!
Но разве можно истреблять бедных животных?
Бывают исключения из правил...
Ага, теперь ты другое запел!
Ой! Ай! Ах!
Сделай исключение, братец, стреляй!!!
ПЛИ!
Не надо! Я спасен!
За что?!
Я совсем забыл, что в патронах перец!
АП-ЧХИ!
Ап...ап...чхи!
Мои пчелы!
Дональд, оставь в покое медведя!
Я тут ни при чем! Я, я... хотел тебя защитить!
ПЛИ!
Ап-чхи! Ап-чхи!
Ап-чхи!
Так вот, ты спасал рыб... Крокодила... медведя...
АП-ЧХИ!
Но зачем я спасал тебя?
АП-ЧХИ!

РИСУНОК

Ю. КОВАЛЬ

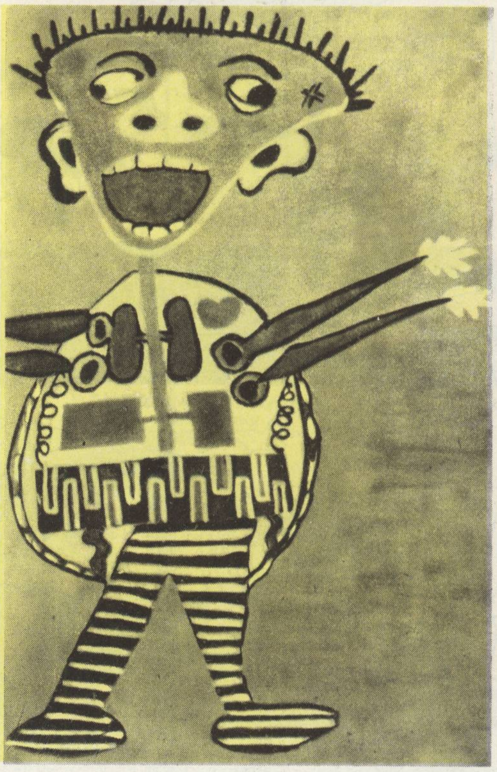
Художник берет
Простой карандаш,
Бумагу берет
И рисует пейзаж —
Рябины и сосны.
Плетеный плетень.
Вдали деревушка —
Дома набекрень.

Бумага бела...
И вначале на ней
Набухли сплетенья
Сосновых корней.
Они перевились,
И переплелись,
И крепко
В горячую землю впились.

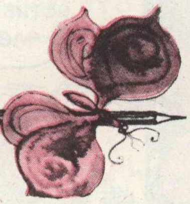
Бумага трепещет,
Как белая птица.
Не хочет рисунком
Она становиться.
И вырваться хочет из рук
И взлететь.
Как птица,
Попавшая в серую сеть.

Но давит,
Сжимает
Бумагу рисунок.
Художник
Рябины и сосны рисует.
Рисует деревню —
Дома набекрень.
И гнется бумага,
Сплетая плетень.
Упругий плетень,
Напряженный,
Кривой...
И стала бумага
Сосною прямой.

И вьются стрижи
Над сосною высокой,
И гуси орут
За деревней далекой,
И ветер,
Приплывший
из южных равнин,
Замедленно машет
Ветвями рябин.



МЕХАНИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК.



Приглашаем

В Волгограде в канун пятидесятилетия Октября открылась большая международная выставка рисунков. Итальянцы, французы, англичане, японцы, арабы, финны, наши советские художники — все прислали свои рисунки. А когда пришли зрители, то увидели, что выставка удивительно разнообразна и интересна и что среди художников нет ни одного мастера старше тринадцати лет. Выставка-то, стало быть, детская, но сколько чудесных на ней картин!

Фотокорреспондент «Пионера» С. Карасев сделал для этого номера журнала несколько снимков, чтобы и все вы хоть краешком глаза заглянули на выставку в Волгограде.

Здесь перед вами: «Механический человек», нарисованный в Японии, в городе Хиросиме. Затем арабская картина «Праздник», присланная из Порт-Саида, и «Цветы» французской девочки.

Конечно, это лишь малая часть выставки, но зато как красиво, как тонко и умело все это нарисовано!



ПРАЗДНИК.

На выставку



ЦВЕТЫ.

Л. ВОРОНКОВА



Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

ПОВЕСТЬ

Окончание

Вавилон—«Ворота бога»

Уходя от Армении, горный хребет Тавр поднимается все выше и выше. Здесь, в горной стране Нифат, возникают могучие реки Тигр и Евфрат. То сближаясь, то отходя друг от друга, мчат они свои глубокие, бурные воды через всю равнину Месопотамии до самого Ерифрейского моря — так называли тогда Персидский залив.

Дальше, за Нифатом, горный хребет возносится ввысь вершиной Загрием. Загрий стоит над обширной равниной Двуречья, отделяя Мидию от Вавилонии. Равнина эта жаркая, сухая. Дождей почти нет. Солнце палит свирепо и неотвратимо. И если бы не эти две реки — Тигр, что по-персидски значит «Стрела», так быстро он мчится среди своих крутых берегов, и Евфрат, что значит «Сладкая вода», широко несущий свои чистые горные воды,— если бы не эти реки, спасающие равнину разливами и плодородным илом, здесь была бы пустыня, гибель и смерть...

Реки разливались широко, удобряя поля. Вода поднималась на двадцать локтей до уровня высоких берегов и на двадцать локтей сверх берегов. Каналы, которыми была изрезана равнина, наполнялись водой и потом долго светились ярко-синими бороздами на красной земле. Землю засевали, не давая ей высохнуть. Обработки особой эта земля не требовала, а урожаи давала богатые. Древний географ Страбон рассказывает, что рис там стоял в воде до четырех локтей высоты, с множеством колосьев.

Сеяли пшеницу, ячмень, босмор — хлебный злак, помельче пшеницы, которым вавилоняне очень дорожили. После обмолота они поджаривали зерно и заранее давали клятву, что не вынесут с тока неподжаренного зерна, так как не хотели вывозить семена босмора в другие страны.

Во время разлива воду накапливали в больших цистернах. А потом, когда наступала засуха, спускали эту воду на поля.

Урожаи были такие обильные, что хватало зерна и людям, и скоту, и на продажу, и на обмен. Хлеб меняли на металлы, на камень, на дерево, потому что ни металлов, ни камня, ни дерева в Междуречье не было.

В Вавилонии разводили скот — овец, ослов, коров. Стада бродили по склонам гор, по болотам и низинам, где земля не засевалась. Пастушьи поселки давали стране молоко, масло, творог. Искусные мастера-кожевники выделывали кожи.

По берегам рек селились рыбаки. Улов рыбы был обильным. Рыбу сушили, перемалывали в муку, кормили ею скот, продавали. Рыбаки на своих связанных из тростника и обмазанных смолой суденышках уходили далеко вниз по рекам, до самого Персидского залива...

Высокий, густой тростник, щедро растущий по берегам рек, был незаменим в жизни народа, жившего в Междуречье. Тростник был и топливом и подстилкой скоту. Из тростника плели корзины. Делали горшки для варки пищи: плели из тростника и обмазывали глиной. Даже дома строили из тростника: из тростниковых вязанок складывали стены и обмазывали глиной для крепости. Покрывали дома тоже тростником. Или просто строили из тростника шалаши.

В этой широкой равнине на реке Евфрат стоял древний город Вавилон, или «Ворота бога», как называли его вавилоняне.

Вавилон окружала крепкая высокая стена и большой ров, наполненный водой.

«...Копая ров, рабочие в то же время выделывали кирпичи из вынимаемой земли; приготовивши достаточное количество кирпичей, обжигали их в печках. Цементом служил им горячий асфальт, а через каждые тридцать рядов кирпича они закладывали в стене ряд тростниковых плетенок; укрепляли сначала края рва, а потом таким же образом возводили и самую стену. На стене, по обоим краям ее, поставлены были одноярусные башни, одна против другой; в середине между башнями оставался проезд для четверки лошадей. Стена имеет кругом сто ворот, сделанных целиком из меди, с медными косяками и перекладинами» — так рассказывает Геродот о постройке вавилонской стены.

Вавилон стоял по обоим берегам Евфрата — огромный четырехугольник шириной в двадцать два километра.

Город был богат. Трехэтажные и четырехэтажные дома теснились на его улицах. Это был старый город, стоявший много веков. Его не раз захватывали, разрушали и сжигали враги. Но Вавилон вновь восставал, сбрасывал поработителей и вновь отстраивался, упорно защищая свою независимость.

Особенно много строил вавилонский царь Навуходоносор II. Он вообще любил строить, но особенно ему хотелось украсить и возвеличить свой Вавилон, который он считал столицей всего мира.

Навуходоносор II строил храмы и дворцы. Он восстановил разрушенную ассирийцами священную дорогу — дорогу религиозных процессий и украсил ее стенками из глазурованных кирпичей, на которых были изображены белые и желтые львы с красными гривами — сто двадцать львов, идущих по голубому полю.

Он задумал восстановить разрушенную ассирийцами огромную башню зиккурат, как назывались эти квадратные ступенчатые, похожие на пирамиды башни. Этот зиккурат должен был, по его выражению, «встать на груди преисподней так, чтобы его вершина достигла неба». Начиная эту работу, сам царь и его сыновья принесли на головах позолоченные корзины с кирпичом и положили этот кирпич в основание башни.

Навуходоносор II много заботился о защите города от врагов. Ассирийская Ниневия всегда угрожала ему. Но пришел мидиец Киаксара — и от Ниневии остались развалины. В то время Мидия была союзницей Вавилона, и они вместе громили Ассирию. Но можно ли доверять этой дружбе? Кто поручится, что мидийцы не придут снова и не поступят с Вавилоном так же, как с Ниневией? Вот он и строил вокруг Вавилона стены «вышиной с гору».

«Дабы бранная буря не разразилась над Имгур-Белом,— говорил царь,— я повелел защитить Вавилон с востока — в расстоянии четырех тысяч локтей большой стеной...»

Чтобы защитить подступы к городу, Навуходоносор II велел насыпать валы и обложить их кирпичом. Валы тянулись от Евфрата до Тигра. Кроме того, недалеко от города он устроил огромный, выложенный камнем водоем, до краев наполненный водой. Теперь он мог в случае вражеского нашествия спустить воду и затопить всю равнину, среди которой Вавилонская область поднималась бы подобно острову.

Весной, в месяце нисане, персидский царь Кир со своим войском перешел Тигр.

В это время Навуходоносора II уже давно не было на свете. В Вавилоне царствовал слабый, подслеповатый, страстно приверженный богам царь Набонид-Лабонет.

Набонид не любил никаких новшеств. Восстанавливая древние храмы богов, он гордился тем, что ничего не изменял в них «даже на толщину пальца». Его жизнь проходила в чаду курений ладана перед алтарями, в дыму жертвоприношений. Даже свою дочь он сделал жрицей в храме бога Луны — Нанна.

На окраине Вавилона, в Борсиппе, в огромном храме, Набонид проводил в молитвах много дней — далекий от событий жизни, далекий от народа, далекий от забот о своей стране...

А народ давно тяготился налогами и поборами. Скот, хлеб, ремесленные изделия — все шло в кладовые царя и жрецов. Рабы начинали восставать из-за непосильных страданий. Покоренные Вавилоном народы, услышав о приближении Кира, заволновались; они ждали его, как избавителя, и готовы были помогать ему...

А Набонид молился Мардуку:

«...Защити меня, Набонида, царя вавилонского, от преступлений против твоего божества и подай мне долголетнюю жизнь...»

И только тогда оглянулся вокруг себя, когда услышал, что Кир уже вступил в Междуречье.

Набонид принялся готовить войско к войне. Он велел спустить шлюзы и окружить Вавилон водой.

Но самой главной своей защитой он считал богов. В ужасе перед надвигающимися персидскими полчищами он приказал всех идолов из старых вавилонских городов — из Марада, из Кита, из Хурсагкаламы и вообще из всей страны Аккада — привезти в Вавилон. Боги спасут его от Кира!

Это возмутило не только народ, но и жрецов. Жители городов, из которых были взяты боги, негодовали, что их святыни так унизили: везли в повозках, запряженных скотом — быками и мулами. Плакали, что храмы их оставили пустыми.

А жрецы Вавилона обиделись за своего бога Мардука. Мардук здесь, в Вавилоне,— для чего же другие боги?

Но бедный перепуганный Набонид не слушал ничьих жалоб. Боги должны спасти его и спасти Вавилон. Чем больше богов, тем крепче защита.

Кир наказывает реку

Кир вступил в Междуречье.

Это уже не был юноша, горячий, запальчивый, жадно рвущийся к победам, деливший со



Набонид бежал и закрылся в Вавилоне, захлопнув за собой все сто медных ворот.

своими лучниками и копьеносцами пищу у костра и ложе на земле. Это был царь великой державы, покоривший всю Азию, Лидию и все эллинские города Азиатского побережья.

Роскошно одетый, с короткой густой бородой, завитой в мелкие колечки, с кудрями, падающими до плеч, в украшенном золотом панцире, Кир, окруженный свитой, ехал на белом коне впереди своего войска.

Эту роскошь Кир перенял у лидян и эллинов. У карийцев он взял обычай украшать султанами шлемы солдат. У них же войско его научилось делать по новому образцу щиты, их стали делать с рукоятками. А раньше носили их на кожаном ремне, перекидывая ремень на шею через левое плечо.

Армия Кира стала несметной. Тут были и персы, и мидяне, и лидяне, и карийцы, и эллины... У Кира были опытные в военных делах военачальники.

Шел с ним и навсегда преданный ему мидянин Гарпаг. Целую страну, богатую Лидию, отдал Кир Гарпагу в наследственное управление. Кир не забывал ни зла, ни добра.

На пути к Вавилону Кира остановила река Гинда, или, как ее еще называют, Диала. Эта большая бурная река преградила ему дорогу. Солдаты пытались перейти ее то в одном месте, то в другом, но это никак не удавалось. А уж о том, чтобы переправить обозы, и думать не приходилось.

У персов был обычай держать при войске

особой красоты и благородства коней, которые считались священными. В важных случаях по их поступи, по их ржанию маги-жрецы предсказывали грядущие события. Такие вот священные кони следовали и за Киром.

Когда войско стояло на берегу Гинды, вдруг одна из этих лошадей отважно кинулась в реку, стремясь переплыть ее. Но река тотчас подхватила коня, закружила и, захлестнув волной, утащила на дно.

Кир вознегодовал.

— За это насилие,— пригрозил он Гинде,— я сделаю тебя такой незначительной, такой мелководной, что женщины будут переходить вброд и колен не замочат!

Кир приостановил поход.

Он приказал раскинуть лагерь. Скоро по всей долине загорелись костры, задымились котлы. Люди и лошади были рады отдохнуть от долгого пути.

Наутро Кир разделил свое войско на две части. Одна половина войска осталась на этом берегу. Другая переправилась на тростниковых плотах на тот берег. Кир шнуром отметил на берегах Гинды по сто восемьдесят канав и приказал копать.

Это была тяжелая работа. Солнце палило свирепо. Откуда-то из пустыни приносило горячий красный песок, и он, словно дым, висел в воздухе, не давая дышать. Тучи песчаных мух мучили людей, от укусов их зудило кожу, возникала лихорадка с высокой температурой и болью в суставах. Ночью налетали полчища комаров, от которых ничем нельзя было укрыться. Воспалялись и болели глаза... Неожиданно откуда-то из страны демонов налетали черные смерчи, и там, где они проносились, оставалась пустыня. В самую страшную жару, когда раскаленный воздух словно кипел от зноя, вдруг разражались неистовые грозы, и все небо полыхало молниями. Чужая земля старалась уничтожить пришельцев, испепелить их, сжечь.

Но люди работали. Целое лето копали они эти триста шестьдесят каналов, чтобы наказать Гинду мелководьем, как пригрозил Кир.

Наказать реку!

Люди, поклонявшиеся солнцу, ветрам и воде, не видели в этом ничего необыкновенного. Река поступила вероломно, она погубила лучшую лошадь Кира, хотя этой реке никто не нанес ни обиды, ни оскорбления. Значит, надо отомстить ей, наказать ее.

А Кир молчал. И когда слышал проклятия, посылаемые Гинде, глаза его светились усмешкой. Но он прятал эту усмешку. Никто не должен знать его планов, его военных замыслов. Ему было известно, что в любом войске всегда найдется перебежчик и шпион, готовый предать своего полководца. Пускай так и думают, что он наказывает реку, а вовсе не готовит путь своему войску для продвижения в глубь месопотамской земли.

О замыслах его знали только старые военачальники, с которыми он советовался,— Гарпаг, Гобрий, Гутий... Знал это и старый царь Крез, которого Кир всюду возил с собой.

Войска Набонида встретили Кира недалеко от Вавилона и преградили путь. Набонид, богомольный царь, много молился перед походом и был уверен, что боги помогут ему победить и прогнать врага. Поэтому он не очень тревожился о том, как вооружены его солдаты, как они обеспечены провиантом.

Но сам он не отказался ни от удобств, к которым привык, ни от роскоши, в которой жил. За ним всюду следовал обоз со всякими припасами. Гнали стадо скота для жертвоприношений богам и для того, чтобы у царя было всегда свежее мясо. И куда бы Набонид ни тронулся, следом громыхала вереница повозок, запряженных мулами, а на повозках — серебряные бочки с кипяченой водой из реки Хоаспа. Царь, по свидетельству Геродота, пил воду только из этой реки.

Войска встретились. И у стен самой столицы Вавилонии Кир разбил Набонида.

Набонид бежал и закрылся в Вавилоне, захлопнув за собой все сто медных вавилонских ворот.

Кир в Вавилоне

Кир начинал гневаться. Время шло, а осажденный Вавилон не сдавался. Стены были так крепки, что пробить их не хватало ни умения, ни сил. И так они были высоки, что никакой насыпи, чтобы подняться выше их, сделать было невозможно.

Вавилонские правители всегда опасались врагов: то Ассирии, то Мидии. А больше всего Кира. Они видели, как он идет по азиатским землям, захватывая все на своем пути, они были готовы к тому, что рано или поздно Кир явится у стен Вавилона. И поэтому заготовили съестных припасов на многие годы.

Однако сидеть всю жизнь среди заболоченной долины за «Мидийской стеной»— как называли персидскую осаду — вавилоняне не могли. Их положение было безвыходным. У них не было сильных союзников, которые пришли бы на помощь Вавилону. Народы, платившие Вавилону дань, отложились. Порабощенные восстали и освободились из-под вавилонского ига. А те, которые не могли освободиться сами, ждали Кира как освободителя, как избавителя от неволи. В Израиле, порабощенном Вавилонией, где всегда было много проповедников и пророков, пророк Исайя объявил, что Кир — это Мессия, освободитель, которого иудейский Ягве избрал для их освобождения.

«... Кого я воздвиг с севера, тот и пришел,— так будто бы устами Исайи говорил Ягве,— ...он попирает правителей, как смесь для кирпича, и, как горшечник, топчет глину... вот раб мой, которого я держу за руку, избранный мой...»

Киру доносили обо всем, что делается в стране. Эти речи израильского пророка он тоже слышал.

— Почему же Ягве взял за руку именно меня, арийца? — усмехался он себе в бороду.— Что же, он никого не нашел более достойного в своем избранном народе?

Но молчал и никого не обижал насмешкой. Ему-то было все равно — Ягве, Мардук или другие боги, которым поклоняются разные племена, будут считать его своим избранником. Он был слишком умен, чтобы поддаваться лести.

В эти томительные дни осады он часто собирал своих вельмож — военачальников. Их было семь, среди них неизменно присутствовал и Гарпаг. Советовались. Думали. Искали путей, как взять этот неприступный город.

Иногда, оставшись один, Кир с возмущением оглядывал в памяти все годы, через которые он добирался до Вавилона. Было уже когда-то, что он отправился на Вавилон. Но вернулся, потому что начались волнения и неурядицы в его азиатских владениях. Надо было покорить и привести к повиновению еще не покоренные племена, которые своими набегами и грабежами мешали ему. Как злорадно тогда подшучивал над ним его дед Астиаг, как злобно он веселился!

— Что, сын перса? Не дотянулся до Вавилона? Глупейший! Отнял у меня власть, а сделал ли больше, чем сделал бы я? Я бы уже давно взял Вавилон, уже давно он лежал бы в развалинах и дымился, как Нин! И еще считаешь себя великим царем!

И как долго потом Кир добирался до Вавилона! Вот уже скоро семь лет этот недостижимый город занимает его время, его думы, его расчеты, его замыслы.

Он победит Набонида. Он уже давно победил бы этого робкого, нерешительного царя. Набонид не один раз пытался сражаться с Киром. Но каждый раз, побежденный, поспешно отступал за высокие стены города-крепости. А теперь закрылся там и сидит среди своих храмов, зиккуратов и богов.

Но как одолеть его?

И вот однажды, в трудную минуту раздумий, Кир вдруг понял, что ему нужно сделать.

Тотчас по его приказу войска персов пришли в движение. Одна часть войска подошла к тому месту реки, где она вливается в город. А другая часть встала там, где река вытекает из города. Прежде чем разделить войско, Кир сказал:

— Как только река окажется удобна для перехода, вступайте по руслу в город.

Приказ был краткий, точный и повторения не требовал. Персы стояли по обе стороны города у самых берегов Евфрата.

Кир тем временем собрал воинов, неспособных более к сражению — раненых, заболевших, уставших,— и вместе с ними ушел к озеру, к тому водоему, который сделан был Навуходоносором для запаса воды.

Сейчас водоем был пуст, вода разлилась по долине, защищая Вавилон. Вместо озера здесь лежало болото.

И тогда Кир сделал то, что делал когда-то Навуходоносор, запасаясь водой на засушливое время. Он открыл плотину, и Евфрат хлынул в этот водоем.

Военачальники Кира и сами солдаты, стоявшие под Вавилоном, напряженно следили за

Река подхватила коня и, захлестнув волной, утащила на дно.



тем, как незаметно, но неудержимо убывает в реке вода, как все глубже обнажается ее русло.

Пора!

Командовал Гобрий, один из семи Кировых вельмож, наместник области Гутиум — горной

на площадях звенела музыка, всюду пели и танцевали.

А в городе уже было полно персов. Персы предстали с ошеломляющей неожиданностью. В средней части города еще продолжали танцевать, а окраины уже были в плену у врага.



Персы, гремя оружием, заполнили город.

страны между Ассирией и Армянскими озерами.

Пора!

По его знаку солдаты спустились в русло. Вода не доходила до пояса, и персы тихо, стараясь не шуметь, вошли с двух сторон в город.

Если бы вавилоняне увидели их в это время, персы погибли бы. Вавилоняне «захватили бы персов, как рыбу в верше», говорит Геродот. Набережные Евфрата внутри города были защищены стенами, улицы, ведущие к реке, запирались медными воротами. Вавилоняне могли бы закрыть эти ворота и, заняв набережные, истребить персидское войско.

Но в Вавилоне в это время справляли какой-то праздник. На всех улицах слышались песни,

Вавилоняне глазам своим не верили, ушам своим не верили, но было так. Персы, гремя оружием, заполнили город.

Так, по свидетельству Геродота, был взят Вавилон. Но многие думают, что это жрецы, недовольные Набонидом за то, что он мало почитает Мардука, изменили своему царю и открыли персам ворота.

Вскоре в Вавилон прибыл Кир.

Царь Набонид сидел в Борсиппе, в храме, окруженном крепкими стенами. Но и это длилось недолго. Набонид понял, что дело его безнадежно, и сдался.

Он вышел навстречу Киру с опущенной головой. Какие муки готовит ему Кир? Какой смертью заставит умереть?

Но Кир не мучил и не убивал тех, кто сдается. Не убил он и Набонида.

— Уезжай в Карманию,— сказал Кир.— Возьми себе эту область и живи там. Но Вавилон покинь навсегда.

Набонид, не ожидавший такой милости, тотчас уехал в Карманию. Там он и жил до конца своей жизни.

А Кир полновластным владыкой вошел в Вавилон.

Кир с детства был наслышан о богатствах этого города. Своим войскам он еще заранее отдал строжайший приказ: не грабить, не убивать, не осквернять храмов. И войска Кира знали, что ослушаться нельзя. За много лет, проведенных в походах и завоеваниях, они уже твердо усвоили эти необычные правила их необычного царя.

Кир, окруженный свитой, шел по красивым улицам Вавилона. Все удивляло его. Двухэтажные и трехэтажные дома, теснившиеся по сторонам,— он еще никогда не видел таких домов; тяжелые медные ворота, пламенеющие под солнцем; ворота богини Иштар...

У этих ворот, куда привела его широкая, вымощенная плитами дорога процессий, Кир остановился. Нельзя было пройти мимо их величавой красоты. Ворота были двойные — внутренние в два раза больше наружных. Надо было закинуть голову, чтобы увидеть верх. Они светились глубокой глазурью, фантастические существа глядели с их стен на Кира — не то быки, не то носороги. «Сирруш» — кто-то таинственный, соединявший в себе и орла, и змею, и скорпиона. Священное существо, созданное древней религией Луны.

Кир увидел, что Вавилон полон храмов. Он захотел узнать, сколько их. И жрецы Вавилона тотчас сообщили ему, что храмов великих богов у них пятьдесят три, да пятьдесят святилищ царя богов Мардука, да триста святилищ земных божеств, да шестьсот святилищ небесных божеств, да сто восемьдесят алтарей царицы неба Иштар, матери всех людей, да сто восемьдесят алтарей Нергал и Адади, и двенадцать других алтарей...

«Сколько понадобилось труда, чтобы построить эти храмы,— думал Кир,— храмы для идолов, которых люди сами себе сделали? Что могут эти боги? Могут ли испепелить огнем, как это может сделать Солнце? Или взрастить урожай, как это делает Солнце? Сколько людей занято служением богам, а ведь всех их надо кормить. Им всем нужен не только хлеб, но и золото нужно. Зачем? Но не тронем их. Они сильны. Они сильнее царя. Пусть берегут свои храмы и приносят жертвы своим богам».

Перед храмом божественного владыки Вавилона, владыки богов Бел-Мардука — как называли его жрецы,— Кир остановился в изумлении. Этот храм был огромен. Кир пожелал войти — жрецы угодливо открыли украшенные бронзовыми пластинками двери. Прохлада, тишина, дымка ладана...

Здесь среди мраморных, украшенных золотом и лазурным камнем стен Кир увидел огромную, в шесть метров высотой, статую Бел-Мардука. Мардук сидел в длинном, осыпанном звездами одеянии. На голове его светилась золотая тиара. Отсвет покрытого чистым золотом потолка озарял Мардука, словно сиянием солнца. На шее блистало драгоценное ожерелье.

— Почему у владыки богов такие огромные уши? — удивился Кир.

— Жрецы говорят,— ответил переводчик,— что ведь не мозг, а уши являются вместилищем разума и духа!

Кир, не противореча, кивнул головой.

Вблизи храма Э-Сагила, который вавилоняне называли краеугольным камнем неба и земли, Кир увидел необыкновенно прекрасную башню зиккурат. А так как вавилонский народ особенно чтил этот храм, Кир поставил здесь свою охрану.



Кир пожелал войти в храм — жрецы угодливо открыли украшенные бронзовыми пластинками двери.

Зиккурат в Борсиппе неожиданно напомнил ему далекие Экбатаны. Башня была так же раскрашена, как дворец Астиага,— нижняя стена — черная, выше — белая, дальше — фиолетовая... Потом синяя, красная, серебряная... и самая верхняя — золотая. Значит, старые мидийские цари знали об этих разноцветных вавилонских зиккуратах!

Кир любовался городом. Вавилон нравился ему. Нравились эти прямые улицы, крепкие высокие жилища горожан, площади с неожиданной зеленью финиковых рощ, золотящихся гроздьями сладких плодов. Он любовался богатыми дворцами, которые построил Навуходоносор.

Нравилась Киру и одежда вавилонян — льня-

ная туника, спускающаяся до ног, сверху другая туника, шерстяная. И белый плащ, непринужденно накинутый на плечи... Может быть, такая одежда подошла бы и персам?

Волосы у вавилонян длинные, на голове они носят повязку. Такие волосы будут мешать в походах. Но обычай носить перстень с печатью и палку, украшенную то искусно сделанным яблоком, то розой, то орлом,— это, пожалуй, красиво...

— Этот город будет моей столицей,— решил Кир.— Столицей всего моего царства!

И с этого дня он стал так писать свой титул: «Я, Кир, царь народов, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь четырех стран света».

Царство его теперь уже простиралось от Средней Азии до Средиземного моря.

Манифест Кира

Кир не тронул города. Но он приказал немедленно разрушить внешние стены Вавилона. Еще могут быть смуты, и вавилоняне захотят освободиться и закрыть от персов все свои медные ворота. А тогда снова трудная осада, снова война...

Неприступные стены Вавилона рушились в ров. Страну Междуречья охватило смятение. Жители древнего города Ура, что стоял недалеко от Вавилона, решили, что и для них все кончено, погибнет их город, их свобода... Ни укрепления, ни рвы, ни стены не защитили Вавилона, враг победил. Будет побежден и Ур. У победителей свои боги, так разве они пощадят богов, стоящих в храмах Ура?

А это казалось самым страшным: погибнут боги — погибнет и Ур!

Но Кир никогда не испытывал вражды к людям другой веры. Он не разорил Ура, не тронул богов. Но, к изумлению жителей, восстановил их разоренное святилище Эннунмах. И даже отремонтировал лицевую стену храма Нанна — бога Луны.

Иудеев, которых Навуходоносор когда-то увел в плен, Кир отпустил на родину. Он позволил им восстановить в Иерусалиме их разрушенный храм и приказал вернуть им священные сосуды, которые отнял у них Навуходоносор. Пять тысяч четыреста драгоценных чаш и других сосудов собрали освобожденные из плена вавилонского иудеи и повезли в свою страну.

Кир приказал вернуть всем городам и землям их богов, которых в страхе увез Набонид и собрал у себя в Вавилоне. И народ принял свои святыни, благословляя имя персидского царя.

Бел-Мардук снова возвысился. Вавилонские жрецы не находили слов для восхваления Кира и для поношения своего незадачливого царя Набонида.

«...Слабый был поставлен властвовать над своей страной...

...Он... отменил ежедневные жертвы... почитание Мардука, царя богов... и постоянно делал то, что было ко злу для его града... его жителей довел до погибели, наложив на них тяжкое иго. Владыка богов разгневался грозно из-за стона их; он оставил их область; боги, жившие в них, оставили свои жилища — из-за гнева за их перенесение в Вавилон...

...Мардук, великий владыка, защитник людей своих, радостно воззрел на его (Кира) благословенные деяния и его праведное сердце и повелел ему шествовать к своему граду Вавилону... сопутствуя ему, как друг и товарищ. Его широко растянувшиеся войска, неисчислимые, подобно воде реки, шли вооруженные с ним... Набонида, царя, не почитавшего его, Мардука, он предал в его (Кира) руки...»

Вот что писали жрецы.

Кир слушал это с непроницаемым и торжественным лицом. Но в глубине глаз, под длинными ресницами таилось веселье.

— И этот? Этот тоже вел меня за руку? Так кто же все-таки вел — Ягве или Мардук? Или оба вместе?

Но в манифесте своем он выдержал тот же тон, те же высокопарные речи, те же титулы.

— Я, Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Сумера и Аккада, царь четырех стран, сын Камбиса, великого царя, царя города Аншана...

«Если это и не совсем так,— добавлял про себя Кир, диктуя свой манифест,— нужно, чтобы они видели во мне потомка великих царей. Разве лестно покориться сыну перса Камбиса, который никогда не был царем? Пощадим их самолюбие, их тщеславие...»

И диктовал дальше:

— ...потомок Теиспа, великого царя, царя города Аншана, отрасль вечного царства, которого династия любезна Белу и Набу, которого владычество приятно их сердцу. Когда я мирно вошел в Вавилон и при ликованиях и веселии во дворце царей занял царское жилище, Мардук, великий владыка, склонил ко мне благородное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял о его почитании...

«Вам нужно почитание Мардука, — думал Кир,— пусть будет это почитание, если вы так этого хотите!..»

...Я отвратил разрушение их жилищ и устранил их падение. Моим благословенным деяниям возрадовался Мардук, великий владыка, и благословил меня, Кира, царя, чтущего его, и Камбиса, моего сына, и все мое войско милостью, когда мы искренне радостно величали его возвышенное божество...

Кир повторил почти все, что сказали о его деяниях жрецы, принял все почести и титулы, которым его награждали, восхвалил Мардука, как того хотели, не забыл и других богов.

«...Все боги, возвращенные мною в свои города, да молятся ежедневно перед Белом и Набу о долготе дней моих, замолвят за меня милостивое слово и скажут Мардуку, моему владыке: да будет Киру, царю, чтущему тебя, и Камбисе, его сыну...»

Конец этого документа, найденного в развалинах вавилонского святилища, не сохранился.

Кир готов был восхвалять любых богов — Ягве, Нанна, Мардука,— не это его заботило. Главное для него было — умиротворить покоренные народы, чтобы его власть не тяготила их, чтобы не искали они других царей и не стремились свергнуть его.

Трудно завоевать народы и царства. Но еще труднее удержать их в своих руках. Кир понимал, что угнетением и жестокостью ничего не добьешься — он видел это на примере многих великих царей и царств. Пала всемогущая Ниневия. Пал Вавилон. И его дед Астиаг — разве не из-за собственной свирепости утратил царскую власть?

Спокойствие, справедливость, человечность— в этом Кир чувствовал свою силу.

Чтобы не грабили враги беззащитного пахаря, пастуха или горожанина,— в этом была его главная забота.

«Все люди есть люди, такие же, как я,— думал Кир.— Митридат был пастух. Спако — жена пастуха. А разве не достойнее они были, простые пастухи, чем великий царь Астиаг?»

Этими мыслями Кир ни с кем не делился, даже с Крезом и даже с Гарпагом.

Но в такие минуты раздумья перед его глазами зеленело горное пастбище, над головой смыкались ветви дубов и платанов, пронизанные солнцем. И милый далекий голос, ласковый голос звал его:

— Куруш! Куруш! Где ты, сынок?

Царица Томирис

В таинственных бескрайних просторах закаспийских степей жили те, кто еще беспокоил Кира. С пронзительным скрипом грубых колес тысяч крытых шкурами и войлоком повозок, которые были для них домом, кочевали эти опасные скифские племена по берегам рек, по раздольям равнин, то приближаясь к подножию Кавказских гор, то скрываясь где-то в неизвестной дали пустынных северных земель.

Разные племена скифов жили за Каспием. Были и оседлые. Одни жили в горах, питаясь дикорастущими плодами, мясом и молоком своих немногочисленных стад. Их узнавали по яркой, пестрой раскраске одежд.

Жили скифские племена и на островах. Они не знали хлеба — каменистая земля островов не годилась для посевов. Коренья, дикие плоды деревьев и кустарников были им пищей, а одежду делали из лыка, которое они мяли и обрабатывали, как могли.

Жили и на заболоченных устьях рек, питаясь рыбой...

Кое-где на равнинах жили скифы-земледельцы. Сеяли хлеб, пасли стада. Черноземная земля давала обильные урожаи...

Племя скифов, которых Геродот называет массагетами и с которыми пришлось встретиться Киру, владело безграничными просторами земли, но никогда ничего не сеяло. Огромные стада были богатством массагетов. У них всегда было изобилие мяса, молока, рыбы, которую они ловили в реке Аракс.

Отважные наездники, вооруженные трехгранными стрелами, бронзовыми мечами, секирами, копьями с железными наконечниками, массагеты никому не подчинялись, никому не платили дани. Они славились мужеством в боях и дерзостью в грабительских набегах. Косматые, с длинными бородами, в широких штанах из звериных шкур, в стеганых колпаках и кафтанах, они, как хищники, налетали на соседние племена, и это всегда было тяжелым бедствием для беззащитных поселений.

«...Свирепый враг, вооруженный луком и напитанными ядом стрелами, осматривает стены на тяжко дышащем коне,— так писал о скифах римский поэт Публий Овидий Насон,— и как хищный волк овечку, не успевшую укрыться в овчарне, несет и тащит по пажитям и лесам, так и враждебный варвар захватывает всякого, кого найдет в полях еще не принятого оградой ворот: он или уводится в плен с колодкой на шее, или гибнет от ядовитой стрелы».

Пылали поселения, полыхали огнем несжатые хлеба. Ревел скот, который угоняли захватчики к себе, в бескрайнюю степь...

Вот против этих опасных воинственных племен, которые когда-то через Кавказские горы приходили в Мидию, и задумал Кир свой новый поход.

«К этому походу,— говорит Геродот,— у него были многие важные побуждения и поводы, прежде всего его рождение, в силу которого он мнил себя чем-то выше человека, потом то счастье, с каким он вел войны: куда бы он ни пошел со своим войском, ни один народ не мог устоять против него».

Может, и так.

А может, и не так.

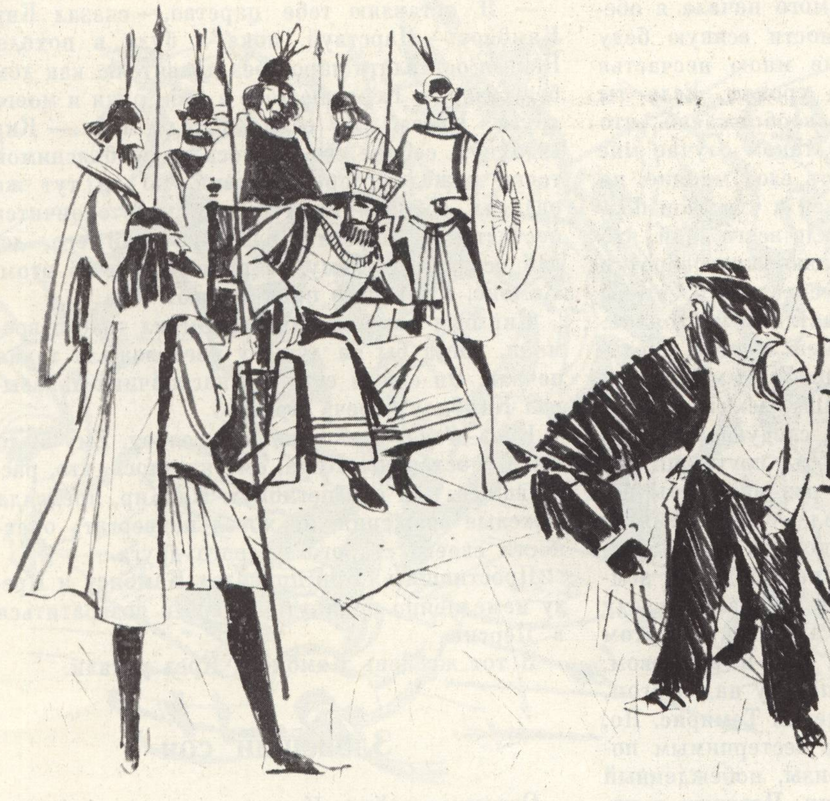
Может, потому и удачлив он был в сражениях, что, будучи талантливым полководцем, умел сражаться, и потому, что отличался большим политическим умом и мудрой дальновидностью.

И, может быть, не потому он пошел на массагетов, что мнил «себя чем-то выше человека», а потому, что хотел обезопасить от них свое государство, чтобы не повторилось то, что случилось при царе Киаксаре.

Верные полководцы Кира были готовы отправиться с ним и в этот поход. Они знали, что не честолюбие и не самомнение ведут его туда.

Кир был уже не молод. Рыжая хна скрывала густую седину в его короткой кудрявой бороде, глаза его, окруженные морщинами, устало глядели на белый свет. Но массагеты — сильный и опасный враг, которого трудно победить, и Кир никому не мог доверить этого дела, он должен был сам вести войска.

Царицей массагетов была Томирис, вдова массагетского царя.



К Киру явился вестник от царицы Томирис.

Велико было ее удивление, когда перед ней предстали послы великого царя «всех стран» Кира. Уже немолодая, широкоплечая, круглолицая и светлоглазая, она не сразу поняла, о чем говорят персидские послы.

— Великий царь, царь царей, царь всех стран Кир хочет, чтобы ты была его женой.

— Я? Его женой?

Томирис еле удержалась от смеха. Это она, скифянка, которая никогда не моется, а лишь парится в конопляной бане! Это она, которая не хуже любого мужчины может скакать на диком коне, метать стрелы и рубить мечом,— жена персидского царя! Может, он еще захочет запереть ее в гарем?

— Идите с миром,— ответила послам Томирис.— Кир умный и хитрый человек. Но я разгадала его хитрость. Не я ему нужна, а мое царство!

Да, она угадала. Не она была нужна Киру. Но и не царство ее — в этом она ошиблась. Киру хотелось избежать войны. Он знал, что эта война будет долгой и изнурительной. А не воевать нельзя. Массагетов надо подчинить, иначе они никогда не дадут покоя.

«Хотел сделать это дело миром,— подумал Кир,— не получилось. Надо воевать».

И он приказал строить мосты через реку Аракс.

Мосты росли на реке один за другим. С зари до зари слышался стук топоров: войско было огромное, и мостов понадобилось много.

Одни строили мосты, другие сколачивали плоты и устанавливали на них военные деревянные башни...

В степи иногда показывались всадники и тут же исчезали, как полуденное наваждение. Персы знали, что массагеты следят за их работой.

В разгар этих работ к царю явился вестник от царицы Томирис. Она прислала Киру устное письмо, потому что писать не умела. Вестник слово в слово передал ее речь:

«Перестань, царь мидян, хлопотать над тем, чем ты занят теперь; ведь ты не можешь знать, благополучно ли кончатся твои начинания. Остановись, царствуй над своим и не мешай нам царствовать над тем, над чем мы царствуем. Но если не желаешь последовать этим советам и ни за что не хочешь оставаться в покое; если, напротив, у тебя есть сильная охота помериться с массагетами, изволь, но не трудись над соединением речных берегов; на три дня пути мы отойдем от реки, тогда переходи в нашу землю. Если же предпочитаешь допустить нас в твою землю, то сделай то же самое».

Кир внимательно выслушал вестника. Потом созвал своих полководцев.

— Как быть? Перейти ли нам через реку? Пустить ли Томирис на нашу землю?

Полководцы решили дело единодушно. Зачем идти в чужую, неизвестную нам землю?.. Мы не знаем, что ожидает нас там. Пускай Томирис идет сюда, давайте допустим к нам ее войска и встретимся на нашей земле!

И только лидиец Крез, который и сюда последовал за Киром, был не согласен с этим решением.

— Так как Зевс отдал меня во власть тебе,

царь,— сказал он,— то с самого начала я обещал отвращать по возможности всякую беду от твоего дома; испытанные мною несчастья стали для меня печальным уроком. Если ты мнишь себя бессмертным и воображаешь, что таково же и войско твое, в таком случае мне вовсе нет нужды высказывать свое мнение; но если сознаешь, что ты человек и что твои подданные также люди, то прежде всего знай, что человеческие дела представляют круговорот и что круговращение не допускает того, чтобы одни и те же люди были счастливы постоянно. Итак, о настоящем деле я имею мнение, противоположное совету этих лиц. Если мы решим допустить неприятеля в нашу землю, то от этого произойдет для тебя следующая опасность: в случае поражения ты погубишь все твое царство, ибо ясно, что раз массагеты победят, они не убегут назад, но устремятся в твои владения. В случае победы ты не одолеешь их настолько, чтобы, перешедши в землю массагетов, победоносно следовать всюду за обращенными в бегство врагами,— в этом случае я предлагаю то же, что и в первом, именно: если ты одержишь победу над врагом, то двинешься вперед во владения Томирис. Но, и помимо сказанного, будет нестерпимым позором, если Кир, сын Камбизы, побежденный женщиной, уступит ей страну. Поэтому я полагаю, что нам следует перейти реку и подвинуться вперед настолько, насколько отступит враг, и только после того попытаться одолеть его. Насколько я знаю, массагеты не вкусили благ персидской жизни и им незнакомы большие удовольствия. Поэтому советую зарезать для этого народа множество скота и приготовить угощение в нашем лагере, поставивши там, кроме того, в изобилии чаши чистого вина и всякого рода яства; все это сделавши, советую оставить в лагере негоднейшую часть войска, а с остальными возвратиться к реке. Если только в своем предположении я не ошибаюсь, неприятель при виде стольких благ кинется на них, а нам останется прославить себя громкими подвигами.

Кир надолго задумался. Он привык побеждать в боях, и такое коварство ему было трудно принять.

Но ожили в памяти рассказы деда его, Астиага. Дикие полчища скифов на мидийской земле, произвол, разбой, разорение... Двадцать восемь лет терпела Мидия этих страшных завоевателей, для которых нет ни законов, ни договоров, ни честно выполненных обещаний. Снова красные костры пылали перед ним в черном ночном поле, снова слышал он хриплые голоса скифской орды и конский топот, вопли и женский плач и крики детей...

— Я предпочитаю мнение Креза,— сказал Кир.

И велел сообщить царице Томирис, что он сам вступает в ее владения.

Прежде чем выступить, Кир позвал к себе в шатер своего сына Камбиса и попросил Креза тоже прийти к нему.

— Я оставляю тебе царство,— сказал Кир Камбису.— Царствуй, пока я буду в походе. Нельзя оставлять народ без правителя, как дом без хозяина. Передаю тебе в твои руки и моего друга Креза. И если поход мой...— Кир вздохнул, сердце его сжалось от необъяснимой тоски тяжелого предчувствия, но он тут же овладел собой.— Если поход мой окончится несчастливо, береги Креза, почитай его, делай все в угоду ему. Я прошу тебя об этом, Камбис, я тебе это приказываю!

Кир был печален. Он не помнил такого времени, когда бы на душе у него лежала такая печаль. Он еще и еще раз настойчиво наказывал Камбису беречь Креза.

Крез стоял, низко склонив голову. Ему было тяжело оставлять Кира, ему казалось, что, расставшись, они оба погибнут. Но Кир, предвидя тяжелые сражения, не хотел подвергать опасности своего старого мудрого друга.

Простившись, Кир приказал Камбису и Крезу немедленно покинуть лагерь и возвратиться в Персию.

В тот же день Камбис и Крез уехали.

Зловещий сон

Огромное войско Кира перешло реку Аракс. Шли по мостам, переплывали на плотах... Были смельчаки, которые верхом на конях бросались вплавь.

С недобрым чувством вступил Кир на чуждую ему равнинную землю. Они шли весь день, а равнина уходила все дальше и дальше, однообразная, шелестящая травой и ковылем. Ни холмов, ни горных вершин. Солнце было нежаркое. А к ночи подул северный ветер, пригибая травы к земле. И закатное небо, малиновое и лиловое, показалось Киру угнетающе печальным.

Ночью Кир долго не спал. Он вышел из шатра, что-то тревожило его. Он ходил по лагерю, проверяя посты. Нельзя быть спокойным на опасной скифской земле. Враги, как змеи, могли подползти неслышно к лагерю...

Но все было тихо. Только храпели иногда кони, шелестела трава да потрескивали в кострах ветки сухого саксаула. Крупные звезды, спустившись до самого горизонта, мерцали, словно покачиваясь на своих тонких серебряных лучах. Киру казалось, что он слышит их призрачный серебряный звон, это пугало его, как предвестие беды.

Кир уснул с тяжелым сердцем. И тяжелый приснился ему сон.

Он увидел юного Дария, старшего из сыновей своего родственника и вельможи Гистаспеса. Дарию было всего двадцать лет. Гистаспес оставил его дома.

Проснувшись, Кир долго обдумывал свой сон. И, обдумав, счел этот сон пророческим.

Едва небо на востоке засветилось зеленоватым отсветом наступающего утра, Кир приказал позвать к себе Гистаспеса.



С боевыми воплями на полудиких лошадях ворвались массагеты в лагерь.

Кир и Гистаспес были одни в шатре. Кир не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом разговоре.

Кир сказал:

— Сын твой, Гистаспес, виновен в заговоре против меня и моей власти. Я докажу, что знаю это достоверно. Боги заботятся обо мне и предуведомляют меня обо всем предстоящем.

Гистаспес глядел на него с тревогой и страхом. Ему показалось, что он слышит голос старого Астиага, давно ушедшего из жизни...

— Сегодня ночью, во сне,— продолжал Кир,— я видел твоего старшего сына с крыльями на плечах; одним крылом он осенял Азию, другим — Европу. Это сновидение не может не свидетельствовать, что он злоумышляет против меня. Поэтому возможно скорее возвращайся в Персию и постарайся представить сына твоего на суд к тому времени, когда я покорю эту страну и возвращусь домой.

После, когда Кира не стало, маги так толковали его сон:

— Кир думал, что Дарий злоумышляет на него. Но ведь это было не так. Божество давало ему заранее знать, что он сам умрет здесь, в земле массагетов, и что царство его перейдет к Дарию.

Ни сам Кир, ни Гистаспес не усомнились в том, что это не просто сон приснился усталому, озабоченному огромными военными и государственными заботами человеку. Оба они были совершенно уверены, что божество посетило царя и предупредило его.

— Не родиться бы лучше, царь, тому персу, который злоумышляет на тебя,— ответил преданный Киру Гистаспес,— а если такой есть, то пускай он погибнет тотчас! Злоумышлять на того, кто из рабов сделал персов свободными и вместо подчинения дал им владычество над всеми народами! Если сновидение знаменует, что юный сын мой замышляет против тебя восстание, я отдам его тебе: делай с ним что хочешь!

Разгневанный и несчастный, Гистаспес, встретив, как обычно, молитвой восходящее солнце, потребовал своего коня и отправился обратно в Персию. Он спешил домой. Он боялся, что Дарий что-нибудь предпримет против Кира. Надо было немедленно заключить сына в темницу, чтобы он ничего не успел предпринять. Гистаспесу и в голову не приходило, что его юный Дарий, отличавшийся необыкновенной красотой, может оказаться ни в чем не виновным!

Совет Креза

Изо дня в день шло вперед по равнине кирово войско. Широкий след вытоптанной конями травы оставался после него. Высокая трава ложилась, прибитая к земле там, где проходили его тяжелые обозы.

Удивительным казалось, что солнце здесь не палило, не обжигало кожу, не слепило глаза. После месопотамского пекла закаспийские сте-

пи казались персам прохладными. Говорили о том, что если идти все дальше и дальше, то можно совсем замерзнуть. И что там часто вьюгой поднимаются холодные белые перья и заслоняют небо — так говорили они о снеге, которого никогда не видели...

Жадно всматривались они в ясную днем и лиловую вечером даль. День идут, два идут, три... Ведь должно же наконец что-то появиться перед ними — город, гора, море. Ничего. Все та же степь, все тот же серебряный разлив ковылей.

Ночью звезды висели так низко над горизонтом, что, казалось, их можно достать рукой. Но шли вперед, а горизонт уходил все дальше и дальше, и звезды медленным, торжественным хороводом передвигались на запад, а с востока поднимались другие. Степь молчала. Днем трещали цикады, пели жаворонки. Массагеты не показывались, исчезли, растворились где-то в солнечном степном мареве. И уже начинало мерещиться, что никаких массагетов нет и не было и что степь пуста и безлюдна до самых тех северных стран, где кончается жизнь.

На восьмой день Кир остановил войско.

Как воевать с массагетами, если они налетают откуда-то из неведомых далей и потом снова исчезают без следа в этих далях, в этом шелесте трав и солнечном молчании степи?

Сделали так, как советовал Крез. Войско разделилось. Слабосильные, малоприспособленные к битве воины остались на месте. А остальные, крепкие, боевые полки вместе с царем и военачальниками, отступили обратно, к Араксу. Оставшиеся недоумевали. Что задумал Кир? Почему он оставил их здесь?

Но долго раздумывать об этом они не стали. У них было столько всякой еды и столько вина, что целое войско могло бы пировать до утра. Скоро запылали костры, потянулись вокруг запахи жареного мяса, заплескалось виноградное, с ионийских виноградников вино...

И, словно почуяв запахи пира или услышав песни у костра, на персов налетели массагеты. Со свистом, с боевыми воплями на полудиких конях ворвались они в лагерь.

Персы пробовали сопротивляться. Но массагеты с яростью топтали их копытами коней, били, убивали. И скоро персы все полегли у своих приготовленных для пира костров.

Массагеты ликовали. Они тут же бросились сдирать с убитых скальпы. Они делали это ловко и проворно, и каждый спешил добыть как можно больше скальпов, чтобы потом, связав их за волосы, повесить на узду своего коня. У кого больше скальпов, тот больше убил врагов. Их вождь, царевич Спаргаписес, сын Томирис, как и всякий вождь, похвалит и поблагодарит их за храбрость и отвагу.

Труд боя всегда тяжел. Усталые, с окровавленными руками, массагеты хотели было, вскочив на коней, исчезнуть в степи. Но запах жареного мяса остановил и привлек их. С радостными криками, с возгласами ликования они окружили костры, на которых жарились туши быков и баранов. И еще выше поднялись их радостные вопли, когда они увидели бурдюки с вином.

Обтерев о траву руки, массагеты сложили свои кожаные щиты и уселись к кострам. Они резали мясо кинжалами, захватывая куски побольше. Пламя костров жарко плавилось в золотых повязках, которыми были подвязаны на голове их толстые, грубые косы...

Они хватали бурдюки и жадно пили сладкое вино. У них не было виноградников, они не знали такого вина, которое согревает тело и веселит душу. Они пели и смеялись, вино сделало их добрыми и беспомощными. Силой волшебства этого янтарного вина весь мир для них преобразился: луна смеялась на небе, огонь в кострах плясал веселую пляску, все кругом были друзья, каждый готов был клясться в дружбе каждому... Они пели, хохотали, кричали что-то друг другу. И кони откликались им из темноты веселым ржанием, будто смеялись вместе с ними.



Массагеты сложили свои кожаные щиты и уселись у костров.

Отведав радости виноградного сока, они не знали его коварства. Казалось, что от такого вина даже голова закружиться не может. Но голова закружилась, отнялись руки и ноги, и победители крепко уснули на залитой вином и кровью земле, потерявши силы, потерявши разум.

Вот тут и вернулся Кир со своим войском. Боя не было. Многих скифов убили, но гораздо

больше взяли в плен. Взяли в плен и сына царицы Томирис, их молодого вождя Спаргаписеса.

Смерть Кира

Царица Томирис вскоре узнала, что сделал Кир с ее войском. Сразу постаревшая, задыхаясь от горя и ярости, но не теряя рассудка, она послала к Киру вестника.

Кир погубил третью часть ее войска — обманом, хитростью погубил!

И он взял ее сына. Только бы вызволить ей сына из рук персов, только бы вернуть его!

Но если Кир не захочет вернуть ей сына, тогда уже не будет места разговорам.

Кир, молча, нахмурясь, слушал вестника Томирис.

«...Ненасытно жадный до крови, Кир, не гордись случившимся, тем, что с помощью виноградного плода, которым вы напиваетесь сами и от которого неистовствуете так, что по мере наполнения вином все больше сквернословите, не гордись, что столь коварно, такими средствами овладел ты моим сыном, а не в сражении и не военной доблестью. Теперь послушай меня, потому что советую тебе благое: возврати мне моего сына и удаляйся из нашей страны, свободный от наказания за то, что так нагло поступил ты с моим войском. Если же не сделаешь этого, клянусь Солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду в крови, хоть ты и ненасытен».

Кир выслушал речь царицы и отпустил вестника, ничего не сказав.

«Мне грозит женщина! — думал он.— Мне, владыке стольких стран! Я прошел столько дорог, покорил столько городов и племен — и я должен уйти, испугавшись угроз женщины!»

Усмехнувшись, он удивился ее самонадеянности.

«Я не верну тебе сына,— думал Кир.— И я не сделаю ему зла. Но, пока он будет у меня в руках, ты, Томирис, тоже нам зла не сделаешь. Я не могу уйти из этой земли, не покорив массагетов, иначе дикие кочевники никогда не дадут нам покоя».

Молодой массагет Спаргаписес, с растрепанной гривой белокурых волос, плачущий от стыда, что так бесславно попал в руки врагов, не решался постигнуть всю меру своего несчастья и позора. Его взяли, как щенка, сорвали с него и золотую повязку, и золотой пояс, и драгоценный кинжал... Он, сын царя, как последний раб, стоит в оковах перед чужим царем, перед чужими воинами.

— Сними с меня цепи! — в ярости кричал он Киру и громыхал оковами.— Сними с меня цепи, прошу тебя! Только сними с меня цепи!

— Освободите его от оков,— приказал Кир.— Я не убиваю пленных.

Оковы тотчас сняли. Все ждали, что теперь скажет массагет. Что будет делать дальше?

Все произошло так быстро, что никто не успел помешать Спаргаписесу. Он выхватил кинжал из-за пояса стоявшего рядом солдата и с размаху ударил себе в сердце.

Кир видел много смертей на своем веку. Но этой смерти он не хотел. Дрожь прошла по его лицу, он отвернулся и ушел, чтобы не видеть у своих ног этого белокурого, белокожего и такого юного вражеского вождя.

Может быть, Кир стал слишком старым, может, он вспомнил о своем собственном сыне или о своем собственном беззащитном детстве, но сердце его дрожало. Он не хотел этой смерти.

Спаргаписес умер. Царице Томирис было больше нечего ждать и больше незачем щадить Кира. Она собрала все войско, которое у нее было, и, яростная, беспощадная, безудержная в своем горе и в своей ненависти, напала на Кира.

Еще с вечера разведчики принесли весть, что скифы недалеко. Они готовы к бою, но, видно, ждут утра.

Кир не спал в эту ночь. Почему-то вспоминалась молодость, дальние походы, трудные осады, бои... Крепостные стены лидийских Сард, которые казались неприступными. Башни Вавилона и их медные ворота, которые казались несокрушимыми... Крепости ионийских городов...

Но тогда все было ясно: осада, бой. Город, который нужно взять. Войско, которое нужно разбить и победить...

А здесь? Враг. уходящий куда-то, исчезающий. И ни городов, ни крепостных стен. Как воевать? Что осаждать, побеждать, захватывать?

А войско Кира все больше устает, все больше изматывается в этой войне без боев, в войне без противника, всегда настороженное, в постоянном ожидании неведомых опасностей...

Кир встал и поднял свои войска до рассвета. По обычаю персов они молитвой встретили восходящее солнце, их божество, совершили возлияние. И стали готовиться к битве.

«...Мне кажется, сражение это было наиболее жестоким из всех, в каких когда-либо участвовали варвары»,— говорит Геродот.

Кир, когда увидел надвигающееся на него с дикими криками войско массагетов, собрал все свое мужество закаленного в боях воина и хладнокровие опытного полководца. Но все же при виде этой конницы, поднявшейся, словно туча, на горизонте, ему мгновенно вспомнилась страшная песчаная буря в пустыне Демте-Кевир, которая надвигалась вот так же зловеще и неотвратимо.

Два несметных войска сошлись и встали друг против друга. Полетели стрелы. Кир заметил, что массагеты стреляют не хуже, а лучше, чем его стрелки, и что они натягивают лук иначе, чем персы и другие народы. Персы притягивают тетиву к груди, а массагеты становятся к неприятелю боком, притягивают тетиву к плечу — и стрела у них летит с большей силой. Они проворны в бою, стреляют и правой

и левой рукой, и Кир увидел, что в его рядах воины, пораженные стрелами, падают чаще, чем у массагетов...

«Надо будет научить наших лучников тому же»,— думал Кир.

Он видел, как, словно атласные, отсвечивают у массагетов их колчаны. И вспомнив, что они часто делают колчаны из человеческой кожи, чуть-чуть содрогнулся.

Бой нарастал. Стрелы с гудением густо летели и с той и с другой стороны. Но вот колчаны опустели, и воины двинулись друг на друга с копьями и мечами.

Бились долго, упорно, беспощадно. Персы не привыкли отступать и к тому же знали, что если не победят, то погибнут. А Томирис в своем неистовом гневе и ярости готова была погибнуть, но отомстить Киру за своего сына. И они дрались насмерть. Ни один солдат не отступил, не попытался бежать. Или победа, или смерть. Или смерть, или победа.

Победили массагеты. Почти все войско Кира полегло на этом роковом поле битвы, а те, кто остался в живых, напрасно искали своего царя и полководца Кира.

Убитый Кир лежал среди своих убитых солдат. Сражение кончилось.

Светлые жестокие глаза Томирис сверкали на коричневом от плотного загара лице.

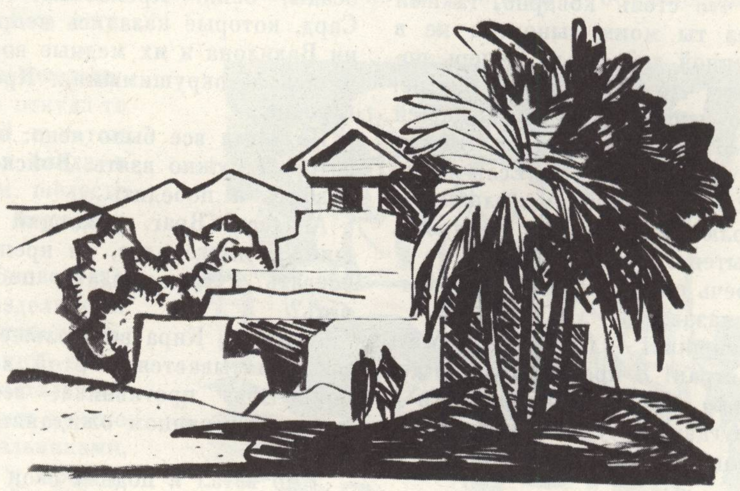
— Найдите мне Кира! — приказала она.

Вскоре убитый царь, раскинув руки, беззащитно лежал перед ней на земле.

Томирис велела наполнить кровью кожаный мешок.

— Хотя, я вижу, и победила тебя в сражении, но ты причинил мне тяжкое горе, коварством отнявши у меня сына, и я насыщу тебя кровью, как угрожала!

Сказав это, Томирис своими руками приподняла тело Кира и погрузила в мешок, полный крови, его голову.



«Относительно смерти Кира существует много рассказов,— заключает Геродот свое повествование о царе Кире,— я привел наиболее правдоподобный».

Так погиб Кир, «царь народов, великий царь, могучий царь». Персы называли его отцом, а греки считали образцом государя и законодателя. Он царствовал двадцать восемь лет.

В древнем городе Пасаргады, основанном Киром, стоит его гробница — небольшая массивная башня. Гробницу охраняют от жгучего солнца густые кущи деревьев — тому, кто лежит здесь, нужны сумрак, тишина и покой, потому что в жизни его не было ни покоя, ни тишины.

На верху гробницы склеп с очень узким входом. В древности там стояло золотое ложе, стол с золотыми кубками, золотой саркофаг и множество царских одеяний и украшений с драгоценными камнями хранилось там.

Потом гробницу разграбили, ложе и саркофаг разбили на куски, хотя маги сторожили ее и получали за это каждый день овцу и каждый месяц — лошадь.

На гробнице вырезана надпись:

«Человек! Я Кир, создатель державы персов и я был царем Азии. Поэтому не завидуй мне за этот памятник».

Быстрее!..

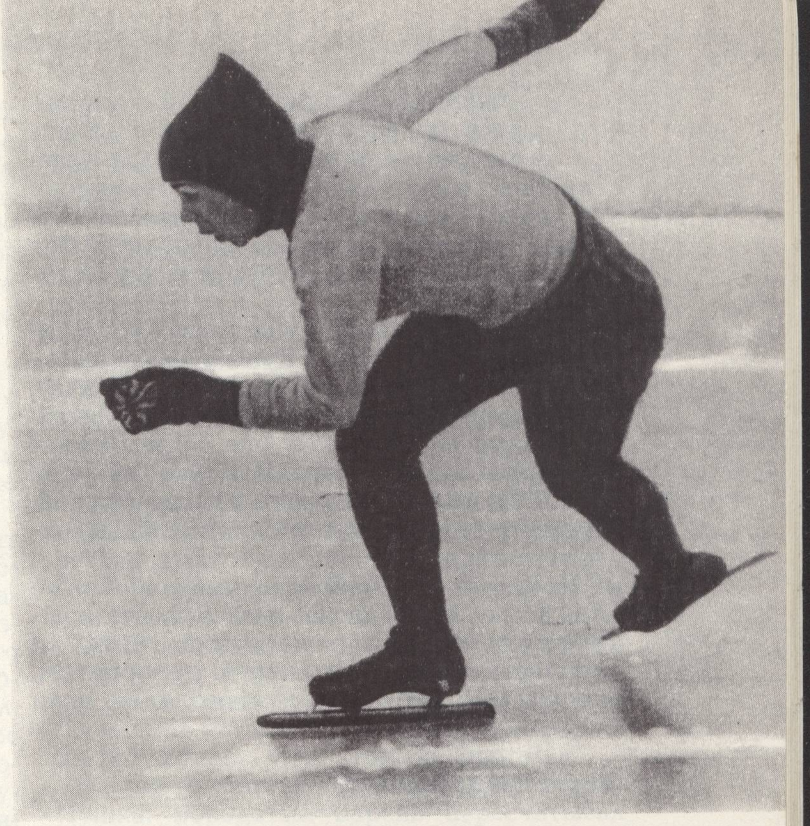
Челябинская конькобежка Татьяна Сидорова — одна из сильнейших спринтеров страны.

Но скоростью нужно уметь управлять, особенно на виражах.

А как научиться конькобежцу преодолевать виражи так, чтобы не снизить скорости, не выскочить с дорожки в близлежащий сугроб? Татьяна Сидорова, как видно на снимке, вошла в вираж, уже набрав скорость на прямой. Корпус Тани наклонен внутрь бровки. Это позволяет ей, используя запас скорости, уверенно пройти поворот.

Обратите внимание на ноги конькобежки. Татьяна не относит ногу далеко назад (эту ошибку совершают многие конькобежцы), но держит ногу на таком расстоянии, чтобы она не ударилась о конек другой ноги.

Мария ИСАКОВА,
заслуженный мастер спорта СССР



И выше!..

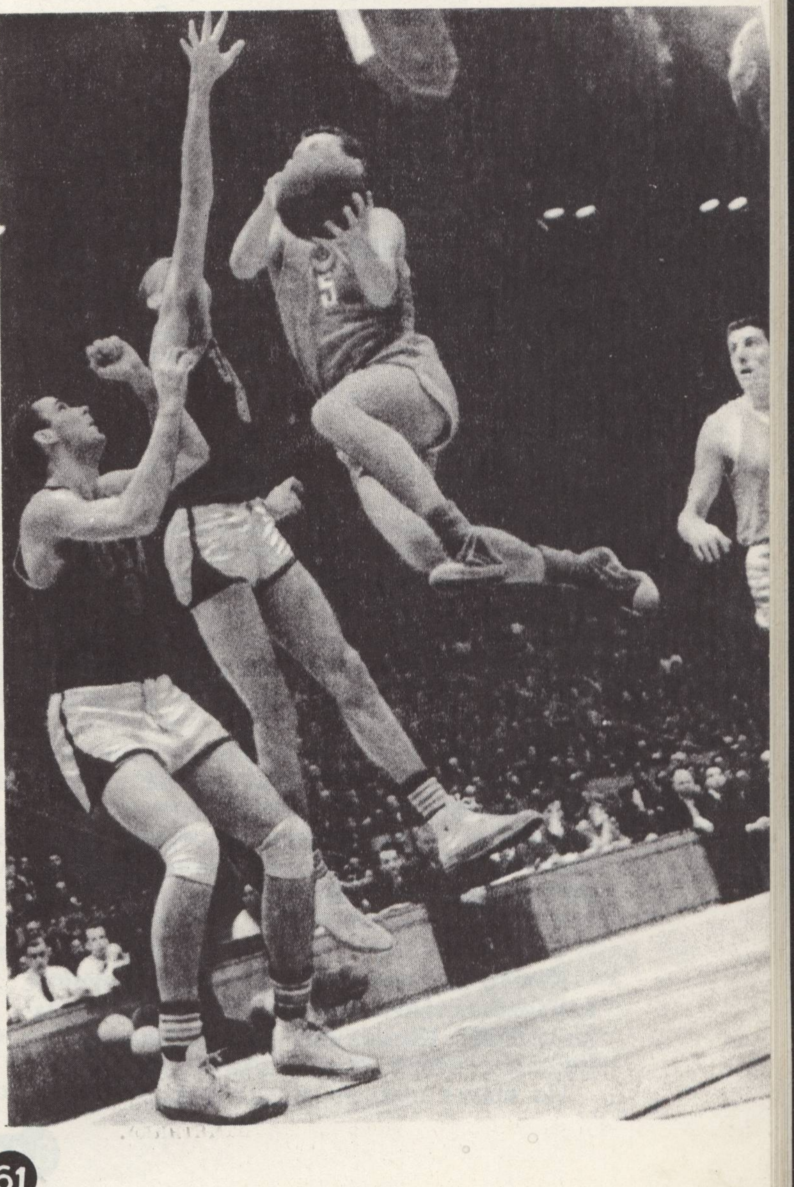
Посмотрите, ребята, как высоко прыгнул баскетболист сборной СССР Модест Паулаускас. Еще мгновение — и мяч окажется в корзине соперников. Игроки американской команды уже не в силах помешать Паулаускасу.

...Как же научиться прыгать так легко и высоко? Для этого есть немало упражнений, и их не обязательно выполнять только в зале. Для начала попробуйте достать кончиками пальцев ветку дерева, мимо которого вы проходите по дороге в школу. Вначале это будет довольно трудно сделать. Но если вы будете повторять прыжки, то вскоре вы сможете достать эту ветку не только разбежавшись, но и прямо с места.

Чтобы прыгать высоко, надо иметь сильные мышцы ног, отличную координированность движений. Здесь на помощь вам придут скакалка и эспандер.

Не нужно забывать и о других видах спорта. Лыжи, коньки, легкая атлетика — верные и надежные друзья баскетбола. Успеха вам, юные спортсмены!

Арменак АЛАЧАЧЯН,
заслуженный мастер спорта СССР



Борис **ГОДУНЦОВ**

МИНУТНОЕ ДЕЛО

РАССКАЗ



Рисунок Н. БОРИСОВОЙ

Кошка жила при котельной, а кормилась по всему дому. Она садилась где-нибудь в коридоре и, едва лишь скрипнет чья-то дверь, бежала туда. Если ей ничего не давали, она не обижалась, отходила и снова начинала караулить. Без спроса она не брала ничего, и к ней относились терпимо.

Особенными были у нее глаза. Задумчивые, серые, они иногда пугали своим выражением. Казалось, что кошка думает. Может, она действительно думала... Бывало, дадут ей поесть, а она продолжает смотреть, и люди терялись: что ей еще надо? Не дождутся ничего и махнут рукой. А она постоит, посмотрит и, как бы вздохнув, отойдет.

Истопник Дмитрий Алексеевич любил ее по-своему. Со стороны казалось, что кошка ему надоела. Он ее не замечал. Читал ли он газету, говорил ли о чем-то с дворником, кошка для него не существовала. Но если она пропадала, он начинал ходить по всему дому, разыскивал ее. И жильцы знали: блуждает по коридорам Дмитрий Алексеевич, значит, ищет свою кошку.

Рядом с котельной была столярная мастерская. Летом, когда дом не отапливался, Дмитрий Алексеевич работал в мастерской.

Кошка любила валяться в стружках. Часто, лежа на спине, она играла, пытаясь поймать свой хвост, а когда наконец ловила, вдруг задумывалась, смотрела вверх пристально и долго, пока посторонний звук не выводил ее из этого состояния.

•

Как-то весной Дмитрий Алексеевич с неудовольствием заметил, что кошка начала полнеть. Котята ему были не нужны, он не знал, что с ними делать.

Но время шло, и настал день... Кошка вела себя странно, ни на шаг не отлучалась от своего хозяина. Беспричинно ласкалась, терлась у ног и упорно старалась поймать его взгляд. Дмитрий Алексеевич даже сердился на себя за то, что тоже вроде волнуется. «Из-за какой-то твари нервничать!» Но он все же отыскал рваный ватник, постелил его под верстаком. Кошка обнюхала ватник, поскребла когтями, но не успокоилась, ходила за Дмитрием Алексеевичем по пятам. Она то жалобно мяукала, заискивала, то требовала, то опять срывалась на жалобу. Сама измучилась и Дмитрия Алексеевича измучила. Он еще раз подвел кошку к ватнику: «Ну, давай тут, разрешайся»,—а сам пошел за папиросами. Нарочно пошел в дальний «Гастроном», чтобы дольше ходить. Но, стоя в очереди, он испытывал нетерпение и вернулся обратно чуть ли не бегом.

В мастерской было тихо. Дмитрий Але-

ксеевич стал звать кошку — ее не было. Он заглянул под верстак — там уже лежала мать, лежала царственно и гордо. Она тревожно посмотрела, узнала хозяина и замурлыкала. Глаза у нее потеплели. Слепые котята тыкались в живот, ловили розовые соски, оттягивали их, чмокали. Кошка мягко, лапой, придерживала котят, когда те, беспомощные, отваливались.

Дмитрий Алексеевич ходил по дому, предлагал котят — они никому не были нужны Все советовали их раздарить, но никто не брал.

На четвертый день стало ясно, что котят пристроить не удастся, и их решили утопить. Дмитрий Алексеевич тоже соглашался, что надо утопить: «Зачем же бездомная тварь!» Кое-кто удивлялся его черствости, тому, с какой легкостью он соглашался. Но время шло, а он не топил.

Одна из жиличек принесла помойное ведро. Но приближался вечер, а ведро попрежнему стояло у порога. Истопник покуривал, возился с инструментом, что-то приколачивал. Он, конечно, их утопит. Но нельзя же это было делать, когда котята ели. Он ждал, когда те поедят. А потом они спали, и Дмитрий Алексеевич не решался утопить их спящих.

Истопник решил их утопить на пятый день. «Это минутное дело! В ведро — и конец!» Но утром он был занят: приколачивал дверь. День перевалил за полдень, а Дмитрий Алексеевич возился с рамой. Ведро стояло у порога. Тогда кто-то предложил свезти котят на Птичий рынок. Там, мол, продают за деньги, а даром «оторвут с руками».

В воскресенье Дмитрий Алексеевич достал корзину, с которой ездил за грибами, положил туда котят. Кошка нервничала, тянулась к корзине: почуяла неладное. Дмитрий Алексеевич торопливо захлопнул перед кошкой дверь и выскочил на улицу.

Он сошел с трамвая и сразу очутился на рынке. Там шла оживленная торговля. С клетками и банками ходили, стояли продавцы и покупатели. Птичий гомон, собачий лай — все смешалось в сплошном гуле.

Дмитрий Алексеевич стал искать место, где продают кошек. Он направился в центр рынка. Там было народу — «пушкой не пробьешь». Толкались, теснились...

Кошек никто не спрашивал. Дмитрий Алексеевич заглянул в корзину и увидел трясущиеся комочки, сбившиеся в кучу. Они попискивали. «Как я их буду продавать?» — подумал Дмитрий Алексеевич. Он растерянно вертел головой.

Какой-то молодец окликнул его:

— Кроликов продаешь, отец? — и, не дождавшись ответа, скрылся в толпе.

Дмитрий Алексеевич повернул обратно. Продираясь со своей корзиной, он наткнулся на человека с малиновым носом. Тот продавал золотых рыбок, предлагал настойчиво:

— Себе в убыток развожу!

Дмитрий Алексеевич обратился к нему:

— Вы не знаете, кому котят... Как бы это сделать?

— А что, особая порода? — заинтересовался малиновый нос.

— Да так... они еще слепые.

Владелец золотых рыбок заглянул в корзину.

— Я даром отдаю,— быстро заговорил истопник,— мне деньги не нужны!

Малиновый нос подозрительно посмотрел на Дмитрия Алексеевича, вздохнул:

— Товар неходовой! Я по части рыб. Ты иди туда, где собаки, за забор!..

Дмитрий Алексеевич выбрался из толпы. За забором худенький мальчик продавал какую-то птицу в клетке. Он безнадежно посмотрел на Дмитрия Алексеевича и робко предложил: «Ну, кому недорого?..»

Какие-то старички приобрели собачонку Пушка. Бородатый парень пересчитывал деньги. Старички, довольные, уселись в такси, а Пушок глядел через стекло на хозяина.

— Адрес, адрес дайте хозяину! — посоветовал кто-то.

— Манежная, двенадцать,— сообщили из такси, и машина тронулась.

На кошек спроса не было. Дмитрий Алексеевич потоптался на месте, повернулся и пошел от рынка прочь.

По пути он зашел в магазин, купил две бутылки молока, рассовал их по карманам и направился к трамвайной остановке.

Дмитрий Алексеевич открыл дверь мастерской и увидел сидевшую у порога кошку. Она забегала вокруг него, не отрывая взгляда от корзины. Истопник опустил корзину, кошка прыгнула в нее, стала яростно облизывать котят. Те пронзительно запищали. Скоро они умолкли и зачмокали, кошка заурчала. Дмитрий Алексеевич налил в блюдце молока, поставил его в корзину.

Вечер был тихий. Окно было открыто. Неслышно дохнул ветерок, тронул легонькую стружку. Стружка шевельнулась — кошка навострила уши. Лизнула котят, успокоилась...

Вечер незаметно растворялся в ночи.

Котята давно уже спали. Кошка закрыла глаза, но продолжала бодрствовать. Она, как локаторами, поводила ушами, ловила ночные звуки. Дмитрий Алексеевич сидел на табуретке, спал, свалив голову на грудь. Два звука нарушали тишину: легкий храп истопника и мерное урчание кошки.



Математика на складе

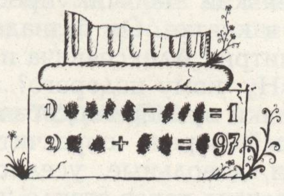
На этом складе, кроме всего прочего, были еще и гвозди. Они разложены по ящикам в 16 кг, 17 кг и 40 кг. Может ли кладовщик отпустить 100 кг гвоздей, не вскрывая ящики?

Как из мухи получается уха

Это, конечно, шутка. Задача состоит в том, чтобы подыскать цифры, которые заменили бы буквы в этом примере:

```
−МУХА | ХА
 ХА   |----
 ---  | УХА
 КХ
−АР
 ---
 УХА
−УХА
```

Загадка древней рукописи



Трое неизвестных заняты сейчас расшифровкой древней рукописи. Вглядитесь в эту запись. Почти все цифры стерлись, их невозможно разобрать. Но Икс, Игрек и Зет не отчаиваются. Они переписали загадочную строчку из рукописи, звездочками обозначив недостающие цифры. Попробуй и ты восстановить их.

XXXX—XXX=1
XX+XX=X97

Вот еще одна строка из этой рукописи. Тут как раз все цифры сохранились, стерлись только знаки действий и скобки.

1 2 3 4 5 = 100

На старте — улитка

Итак, представим себе улитку на старте, в самом низу высокого, в десять метров, столба. Ей придется доползти до его вершины. Интересно, сколько на это потребуется времени ей, чемпиону-тихоходу, если за день она поднимается на пять метров, а за ночь опускается на четыре?

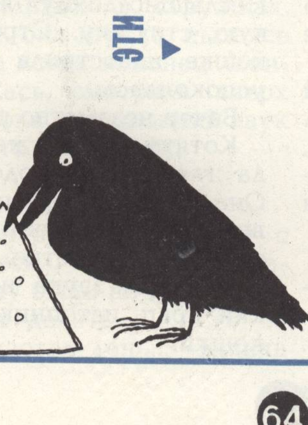
ЭТИ ЗАДАЧИ ДЛЯ РЕБЯТ ПОСТАРШЕ ▶

Царь Гвидон и его потомки



Помните князя Гвидона из «Сказки о царе Салтане»? Того самого, который долго носился в бочке по волнам, а потом «вышиб дно и вышел вон»? Так вот, он прожил долгую и счастливую жизнь, как полагается в сказке, и у него было три сына, много внуков, правнуков, праправнуков и т. д. и т. п. Но самое удивительное, что 93 из его потомков имели каждый по два сына, а все остальные умерли бездетными. Сколько всего потомков было у князя Гвидона?

Кусочек сыра



На сколько частей можно разрезать треугольный ломтик сыра двумя разрезами?

В автобусе без кондуктора



Однажды ехали в таком автобусе 20 человек. Хотя у них были только монеты достоинством в 10, 15 и 20 копеек, каждый расплатился за проезд и получил причитающуюся ему сдачу. Как такое могло получиться?

А вот еще более трудный вопрос. Докажи, что у пассажиров всех вместе было не менее 25 монет.

С ВОЗДУХА — В БОЙ!



РЕПОРТАЖ
О ВОЗДУШНОМ
ДЕСАНТЕ

Сегодня в авиационной гвардейской части необычный день — выброска воздушного десанта. Мы, журналисты, тоже будем участвовать в полете и увидим в действии боевую технику.

Подходим к самолету, вокруг которого деловито снуют десантники. К открытому люку его задним ходом, слегка покачиваясь на неровностях грунта, ползет на массивных гусеницах стальная громада артиллерийской самоходной установки — АСУ. Трудно представить себе такую мощную и грозную машину в самолете. Но АСУ уже гремит по тралам и исчезает в чреве крылатого исполина.

В другой самолет тягач затаскивает пушку. Десантники грузят минометы, ящики с боеприпасами, бочки с горючим.

В самолетах грузы укрепляют на специальных платформах. Грузовая кабина похожа на ангар, но АСУ и в самолете выглядит внушительно. Так и кажется, что под ее тяжестью вот-вот проломится пол.

Мы уже видели, как на военном учении «Днепр» АСУ, совершив рейс по воздуху, в заданное время спускались с неба на землю. Сначала появился вытяжной парашют, наполнился воздухом и вытащил из самолета платформу с АСУ. На несколько мгновений платформа черным прямоугольником повисла в небе, потом легким дымком округло разбухли один вслед за другим два грузовых парашюта.



Только для мальчишек

С земли платформа казалась спичечным коробком, который сначала медленно, а по-

том все быстрее, все увеличиваясь, устремился вниз. Перед самым приземлением срабатывало специальное приспособление, и платформа мягко опускалась на землю. Вскоре АСУ уже шли в бой.

...Погрузка техники закончилась. Десантники заняли свои места. Возглавляет группу гвардии капитан Андрей Васильевич Кузютин. Он мастер спорта, прыгает больше двадцати лет. У сержантов и солдат — у каждого! — на счету от ста до тысячи прыжков.

После спуска десантники сразу же вступят в бой. Поэтому, кроме основного и запасного парашютов, у них оружие — автоматы и ножи; радиостанция, радиомаяк, сигнальные шашки, медикаменты, каждый из них умеет оказать первую помощь, наложить шину, сделать укол, перевязать рану. Заранее распределены обязанности с учетом многих неожиданностей.

— Нам нужен солдат самостоятельный, — говорит Кузютин.

В кабине множество кислородных масок для десантников: полеты иногда проходят на большой высоте. В специальных хранилищах жидкий кислород.

Открываем герметичную дверь со смотровым окном и переходим в другую кабину. Это тоже просторное помещение. Несколько сидений, круглые, наподобие пароходных, иллюминаторы, приборы. Тут же кофеварка, термосы.

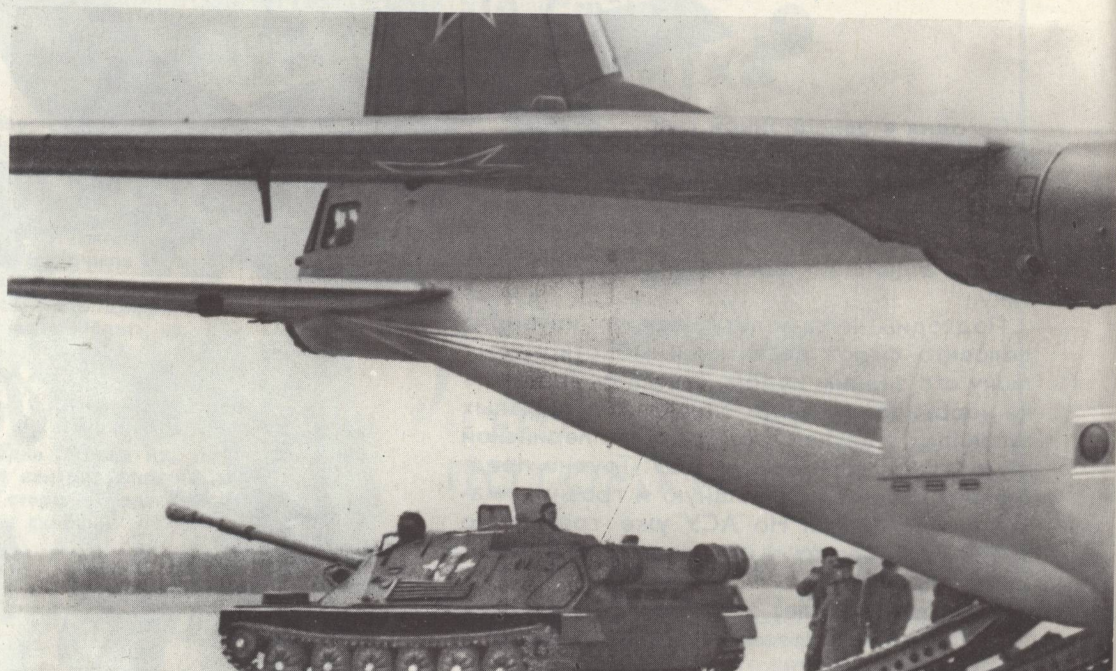
Экипаж самолета располагается в удобной кабине. Специальный отсек для штурмана, обзор оттуда отличный. Перед летчиками широкие стекла. Между их креслами поворачивающееся на шарнирах сиденье бортового техника.

Времени прошло немного, но мы уже улетели далеко от аэродрома. Оно и понятно при такой скорости!

Высота полета возрастает, увеличивается обзор местности. Земля становится плоской и пестрой, похожей на географическую карту. Все меньше ощущается скорость полета. Словно остановился на высокой горе и смотришь с нее вокруг.

Экипаж, с которым мы летим, дружный, сплоченный. Он летал на севере и на юге, побывал на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе... В минувшем году он впервые в мире блестяще произвел выброску спортсменов-парашютистов на Памир, одну из высочайших горных областей (пик Коммунизма возвышается на 7 495 метров над уровнем моря, а пик Ленина — на 7 134 метра).

До сих пор прыжки с парашютом в горах производились крайне редко, а в высокогорных условиях групповые прыжки вообще не совершались. Кислородное голодание, разреженность воздуха и ограниченные площадки приземления делают их сложными и опасными.



И вот стальная громада самоходки снова на земле.

На этот раз Владимиру Казанкову приходится вести машину на меньшей высоте, но с не меньшей точностью.

Резкий звук сирены. Медленно открываются громадные створки. Будто сразу зашипели тысячи змей — жесткий, злобный ветер ворвался в кабину, закружил, засвистел, ударил в лицо холодом. Виден огромный проем — грузовой люк. За ним — бездна. Тот, кто стоит первым у люка, смотрит не вниз, а вверх, где укреплены три плафона. Горит один — желтый. Вот загорается второй — зеленый. И тотчас же десантники

один за другим ныряют головой вниз. Последними прыгают Андрей Кузютин и Анатолий Хоробрых, журналист. Он тоже мастер спорта. Энергично развернувшись лицом к потоку, они в мгновение ока скрываются за бортом.

Медленно закрываются створки люка. Десант выброшен. Полет продолжается. Ждем сигнала с земли, чтобы приземлиться, пересесть на АСУ — и в бой.

Сигнал получен. Самолет приземлился. Не успел стихнуть шум его двигателей, как экипаж АСУ приготовился к высадке на землю. Только на этот раз АСУ опустилась на землю не под куполом парашюта, а прямо в самолете. На земле самоходку уже ждали десантники, спустившиеся на парашютах. Они заняли места на борту бронированной машины и устремились в бой. А на посадку заходили все новые и новые самолеты. В бой вступали новые силы.

Полковник
О. НАЗАРОВ

Вот что рассказал о своем полете Анатолий Хоробрых

Первое, что я почувствовал после отделения от самолета, был сильный и упругий удар холодного воздуха. Дыхание перехватило. Кажется, будто вишу на одной высоте и постепенно отстаю от самолета.

Пора осмотреться. Где Кузютин? Не попаду ли в купол кому-нибудь из десантников? Прогиб в пояснице, широко расставленные руки и ноги делают падение устойчивым. Смотреть вниз легче: не мешает воздушный поток. Вижу Кузютина. Отлично падает! Устойчиво, красиво.

С помощью рук — благодаря большой скорости падения они стали отличными воздушными рулями — разворачиваюсь головой в сторону Кузютина. Он все время в поле моего зрения. Иначе нельзя: можно столкнуться.

Начинаю готовиться к раскрытию купола. Мы с Кузютиным договорились раскрывать их одновременно. Вот Андрей Васильевич поднимает правую руку к голове, левую — к плечу: там вытяжное кольцо основного парашюта. Повторяю его движения с секундным опозданием, чтобы купол наполнился на одной с ним высоте.

Рывок! Ранец парашюта Кузютина мгновенно раскрывается, и из него выскакивает белый шар вытяжного парашюта, а за ним и оранжевый чехол, в котором уложены купол и стропы. Больше медлить нельзя. Дергаю кольцо. Сзади слышится знакомый шелест шелка.

Свободное падение длилось секунд десять. Купол сработал отлично. Рядом — надежный товарищ. Настроение — лучше не придумаешь. А кругом — купола, купола, купола... Выброска воздушного десанта идет полным ходом.

Ниже парашютистов на длинных стренгах покачиваются контейнеры с радиостанциями, боеприпасами, оружием, снаряжением. У десантника всегда все с собой. Где бы он ни приземлился, он всегда готов к бою.

Десантники один за другим прыгают головой вниз.



А у нас…



Я — заводила

Дорогая редакция, пишу я вам в первый раз и по очень важному вопросу. Мне одна девочка из нашего класса сказала, что я хочу, чтобы мне все подчинялись. Дело было так. Приближался праздник Октября, и я предложила девочкам выступить в этот день. Мы стали готовиться. Однажды во время репетиции та самая девочка (я не буду называть ее) сказала, что я в начале танца первый такт сделала неправильно, но я отлично помню, что я начала танцевать правильно. И мы стали спорить. И в конце концов она сказала мне те слова, о которых я упоминала. Но вот нам поручили выступить на другом празднике, но никто не стал готовиться, потому что никто не предлагал готовиться. Когда я в тот раз предложила готовиться, я сама говорила девочкам, когда останемся, когда будем репетировать, и вообще как-то девочки были привязаны ко мне. И вот я, судя по всему этому, считаю, что я не хочу, чтобы мне все подчинялись, а просто я считаю, что я — заводила класса.

Может быть, я думаю не так?

Наташа ХОЛУЕВА,
поселок Красный Октябрь,
Владимирская область.

●

От редакции. Кто прав, кто виноват, трудно решить, не зная подробностей. В одном мы уверены твердо: жаловаться на товарища плохо, и командовать товарищами тоже плохо, а быть заводилой — хорошо.



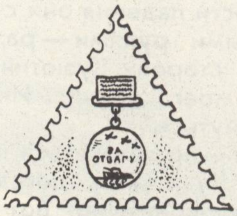


Баранкин и другие

Моя бабушка живет на окраине города. Я очень люблю приезжать к ней, чтобы наблюдать за птицами. Каждое утро бабушка открывает окно и насыпает полную кормушку накрошенного хлеба и крупы. Потом привязывает возле окна кусочки сала. Первыми прилетают воробьи, потом синицы и сойки, а затем дятлы. Тут же оказываются вороны. Воробьи сначала ели только хлеб и крупу, а теперь научились есть сало. Синичек прилетает очень много, и все они разные. Есть лазоревки в голубых беретиках, есть большие синицы в черных шапочках и с черными галстуками. Когда на улице очень холодно, синицы ссорятся. Они наступают друг на друга, раскрыв клюв и распустив перья на крыльях. К бабушке прилетают три дятла. Один зеленый и два больших пестрых дятла. Одного пестрого дятла мы назвали Баранкин, а другого — Роз-Мари. У Баранкина на затылке красная полоска. Мы еще его отличаем по характеру: он ужасный забияка, гоняет синиц и зеленого дятла. К бабушке прилетают две сойки. Они большие и красивые — бежевые с голубыми перьями на крыльях. Они любят белую булку. Еще у бабушки в саду бывают птицы рябинник и черный дрозд. Они едят ягоды дикого винограда. Иногда прилетают снегири, но не едят с кормушки. Наверное, для них нужно было насушить трав, но я не знаю каких. Приходится ругаться с мальчишками, потому что они поставили в нашем саду ловушку, а дятла хотят застрелить из духового ружья.

Мы с бабушкой хотим, чтобы к нам прилетало еще больше птиц.

Марина ПЕТРОВА,
г. Черновцы, УССР.



Находка

Я живу в поселке Малониколаевке. Я слышал, что за нашим поселком проходила линия фронта, была передовая позиция. Как-то раз мы с Володей Супруном пошли на это место, стали его осматривать, увидели небольшой бугорок. Начали рыть и нашли каски, фляжки, ножи. А потом нашли еще медаль «За отвагу». Мы решили обязательно узнать, кому она принадлежала, какие люди воевали здесь, за наш поселок, какие они совершили подвиги…

Если вам интересно знать что-то про человека, который написал это письмо, я расскажу. Мне тринадцать лет. Я люблю рыбалку и коллекционирую марки, которые у нас очень трудно достать.

Саша ШЕВЧЕНКО,
поселок Малониколаевка,
Луганская область.



Больше меня не дразнят

Я учусь в пятом классе. В нашей школе не было еще такого случая, чтобы мальчик дружил с девочкой. Когда ребята узнали, что я дружу с Сашей, надо мной стали смеяться, стали дразнить нас. Я сначала плакала и думала бросить дружить с Сашей. А потом решила: «Если я брошу с Сашей дружить, значит, меня победили. Нет, буду терпеть, и они отстанут». И еще победить насмешников мне помогла подруга. Когда мне задавали ехидные вопросы, Надя, если была рядом, отвечала: «Да, они дружат. Что в этом плохого?» Насмешникам нечего было сказать, и они замолкали.

Больше надо мной не смеются.

Рая МУРИНА,
поселок Черная Речка,
Приморский край.

а у вас?



Любитель пирожков

В пятом классе у нас был такой случай. Один мальчик выхватывал у ребят из рук и даже изо рта пирожки, яблоки, конфеты. Ему говорили, что это нехорошо, но он не прекращал. Тогда девочки стали думать, как его отучить от этого. Собрали по копейке и купили ему семь пирожков с повидлом.

Одна девочка сказала: «Возьми, Саша, пирожки, тебе их хватит на все перемены».

Саша покраснел, как помидор, забормотал, что пирожки, мол, ему не нужны.

Тогда мы взяли и положили их на его парту. Есть пирожки он не хотел, ему было стыдно. После этого случая Саша ничего не вырывал больше у ребят из рук.

Не всегда, видно, помогают замечания, советы, обсуждения, иногда помогает шутка.

Оля КОЛЕСНИКОВА,
ст. Митрофановка,
Воронежская область.



«ВЕШНИЕ ВОДЫ» ТАК НАЗВАЛ СВОЙ СНИМОК В. РЫБАЛЬЧЕНКО ИЗ ОДЕССЫ



Нас четверо

Нас четверо: Слава, Таня, Яша и Вова. У нас дома живой уголок: рыбки, птицы, белочка, кот Сибиряк и щенок-овчарка Гайда. Мы за ними ухаживаем, наблюдаем, учим Гайду. Летом мы ездим на дачу и берем с собой живой уголок. Со зверьками интересно заниматься. Мы с ними никогда не скучаем.

Зимой мы строим во дворе крепости и сражаемся, играем в хоккей, даже Таня. По вечерам мы выпиливаем, рисуем, рассказываем всякие истории, учим Гайду.

Мы никогда не скучаем!

Слава, Таня, Яша и Вова АНОРОВЫ,
г. Орел.



Там, где я живу

Наше село разместилось среди гор. Совсем близко от нас река Катунь. А прямо за моим домом, у клуба, стоит памятник. Мы с ребятами стали расспрашивать про памятник, и оказалось, что его поставили наши деды в честь героев-коммунистов, которые сражались здесь с белобандитами.

Все время теперь мы узнаем о героях гражданской войны что-то новое. Недавно услышали рассказ об Анюсе Челкине. Челкина прислали сюда коммунисты из Москвы, чтобы он организовал в наших местах большевистское подполье. Один предатель выдал Челкина, и его казнили. Аносу было всего девятнадцать лет.

Этим летом мы посадили цветы у памятника, и все ребята с нашей Партизанской улицы ухаживают за ними.

Галя КАЙГОРОДОВА,
с. Чемал,
Горно-Алтайская область.



Про мою собаку

Я прочитал в журнале «Пионер» про кота Ваську и собаку Пирата. Мне очень захотелось тоже написать про свою собаку Верную и про кошку Мурку. Верная очень умная собака. Она ходит с нами за водой на речку и летом в лес. Верная выгоняет со двора чужих кур и кошек, а своих не трогает. Вот случай, о котором я хочу рассказать. У кошки Мурки летом появились котята. Я их положил в ящик и поставил в сенях. Верная была во дворе. Я ее никогда не привязываю. Выйдя из комнаты, я очень испугался. Собака, кошка и четыре котенка лежали все вместе в ящике. Верная защищала и берегла маленьких котят. Я унес кошку в комнату, а котят оставил с Верной и стал наблюдать. Верная легла, маленьких слепых котят стала загребать к себе. Она их потихоньку брала за шерсть и тянула к себе, закрывала своей мордой и лапами.

Потом котята проголодались и начали пищать. Верная тоже подвывала потихоньку, не зная, что делать.

Сейчас у меня этой кошки нет, а есть кот Вася. Верная и Вася тоже дружат. Вася, когда был котеночком, не боялся Верной. Он терся об ее лапы, проходил под животом. Вот как живут у меня кот Васька и собака Верная.

Толя АЛЕКСЕЕВ,
поселок Билимбай,
Свердловская область.



ДЕЖУРНЫХ СНЯЛ ТОЖЕ ОДЕССИТ М. БАЙЧЕНКО



ГОСТИ с МИОНА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Петр СТЫПОВ



НОЧНОЙ ГОСТЬ

Проклятая темень!

И черная бездна, зияющая под ногами! Браун испытывал неприятное чувство: казалось, стоит ему шагнуть вперед, и он провалится в небытие. Волны плескались о берег с монотонным и тяжким стенанием. Небо было затянуто облаками. Только далеко справа мерцали огни большого портового города. Браун пришел оттуда час назад. Сначала он бесшумно и быстро шагал по асфальтированному шоссе, потом свернул на тропинку, извивающуюся вдоль берега, и притаился под скалой. Одинокая гейша. Так ему было приказано по радио.

Браун хорошо знал это место. В последние дни он приходил сюда дважды, чтобы как следует ознакомиться с ним.

Теперь он стоял, прислушиваясь к рокоту моря, и ждал...

Если бы не строжайший запрет, с каким наслаждением затянулся бы он сейчас крепким дымком сигареты! Впрочем, Браун и сам понимал, что иначе нельзя. Огонек сигареты может привлечь внимание пограничного дозора, какого-нибудь рыбака или же случайного прохожего.

Браун взглянул на светящийся циферблат ручных часов. Двенадцать и одна минута. Пора уже появиться незнакомцу. Каким образом он прибудет сюда? На автомашине? Пешком? На лодке? На бесшумном вертолете?

Браун поднял голову.

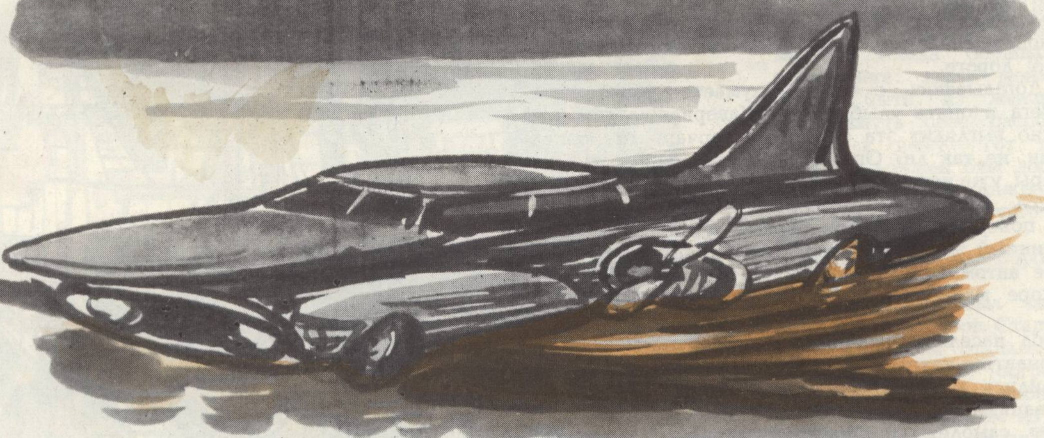
Облака поредели. В разрывах между ними выглядывали звезды. Взошла луна, огромная, кроваво-красная. Браун стоял, глядя на колеблющуюся поверхность моря, где теперь вспыхивали и гасли тусклые отблески. Вдруг он заметил на ней какое-то тело — оно выплыло из морских глубин и направилось к берегу. Лодка?

Между тем темное тело, приближаясь к песчаной кромке, приобретало все более ясные очертания. Вот оно бесшумно скользнуло по суше и остановилось.

От странного продолговатого предмета, который теперь походил на большой легковой автомобиль, отделился силуэт, словно огромная сигара. Это был человек.

Браун плотнее прижался к скале. Замер, затаил дыхание. Он был уверен, что полностью сливается с темнотой. Но человек, ловко взбираясь по крутому откосу, направился прямо к нему. Вот он остановился в нескольких шагах от того места, где стоял Браун, и громким шепотом сказал:

— Извините, у вас случайно не будет огонька? У меня зажигалка испортилась. Винтик один потерялся — два часа бьюсь и ничего не могу поделать.



Перевела с болгарского
Р. АНДРЕЕВА

Рисунки М. АЛЕКСЕЕВА

Браун почувствовал, как нервное напряжение, нараставшее до этой минуты, спало. Он облегченно вздохнул.

— Спичек у меня нет,— сказал он.— А винтик, пожалуй, найдется.

Браун достал из кармана брюк кошелек. Нащупал в нем бумажный пакетик и, протянув его человеку, добавил:

— Вот, пожалуйста. Может, подойдет. Попробуйте!

Пока все шло так, как ему сообщили.

— Благодарю вас, но здесь темно, пойдемте в машину. Там поправим зажигалку и покурим.

Теперь Браун испытывал абсолютное доверие к этому человеку и покорно зашагал вслед за ним к странному судну, лежавшему на песке. Незнакомец нажал кнопку. Открылась дверца. Он сел в машину. Браун опустился на сиденье рядом с ним.

На вид незнакомцу было лет тридцать пять. Гладко выбритый, холодные голубые глаза, красивое лицо — волевое и аристократическое. Спортивный костюм в коричневую клетку. Молча незнакомец вставил винтик в зажигалку.

— Прекрасно!— с улыбкой воскликнул незнакомец, и Брауну подумалось, что те господа не ошиблись, остановив свой выбор на этом человеке: улыбка у него была сердечная, подкупающая, именно такой был нужен для опасного дела, которое им предстояло.— Сейчас попробуем зажечь!

Трак! Вспыхнул огонек. В следующий миг в донышке зажигалки открылся тайник, и на колени незнакомца упала скрученная в рулончик бумажка. Он спокойно взял ее, расправил и подал Брауну.

— Читайте!

Браун склонился над листком, прочел:

«Предъявитель сего — наш сотрудник, посланный со специальным секретным заданием. Подчиняйтесь ему беспрекословно. Все средства, предлагаемые им для достижения цели, допустимы. А-1».

Браун поднял голову. Незнакомец пристально наблюдал за ним. И взгляд его теперь был совсем иным — строгим, властным, пронизывающим.

— Думаю, что все ясно,— сказал посланец тоном, не терпящим возражений.

— Да,— поспешно ответил Браун.— Я всецело к вашим услугам, мистер...

Он замолчал, с немым вопросом глядя на незнакомца.

— Вега,— сказал тот.— Называйте меня так. Но лучше вообще не упоминать имен. Куда же мы направимся теперь?

— Не знаю. — Браун пожал плечами.— Мне было приказано связаться с вами. Но никто не предупредил, что нужно обеспечить вам квартиру.

— Вы сами должны были догадаться об этом. Вероятно, вам придется приютить меня ненадолго.

— Хорошо,— сказал Браун.

— В таком случае едем в город!

Вега повернул ключ. Послышался тихий гул мотора. Затем он нажал кнопку. Над головой что-то щелкнуло. Браун поднял глаза к потолку кабины, обитой голубой тканью. В ту же секунду он почувствовал, что кабина поднимается. Над ними что-то слегка жужжало и свистело.

— Но разве?! — невольно воскликнул Браун.— Я думал, это подводная лодка!

— И подводная лодка и вертолет,— ответил Вега и снова улыбнулся своей подкупающей улыбкой.— Машина эта — универсальный вездеход. Плавает под водой и по воде, летает и, наконец, носится по земле, как автомобиль.

Браун прильнул к окну. Было темно. Сверху смотрели холодные далекие звезды.

— Мы летим без огней,— обеспокоенно сказал Браун.— А вдруг столкнемся с самолетом или геликоптером?

Вега снисходительно усмехнулся.

— Не беспокойтесь, дорогой мой,— сказал он.— Взгляните-ка на этот экран.

На щитке управления мягко светился светло-зеленый квадрат. Вега пояснил:

— Он позволяет наблюдать за всем происходящим в радиусе десяти километров. Управление автоматическое. Вездеход отклонится сам, если на пути его встретится какое бы то ни было препятствие. Я не хочу, чтобы нас заметили, поэтому и не включил фары.

Из окна Браун не видел ничего, кроме огней — белых, желтых, красных, зеленых, синих.

— Приближаемся к Космограду,— сказал он.

Вега нажал синюю кнопку. На экране возникло дрожащее изображение леса. Его прорезало надвое ровное, как стрела, асфальтированное шоссе. За лесом показались дома.

— Доберемся ли мы по этому шоссе до вашего дома? — спросил Вега.

Браун утвердительно кивнул.

Вертолет пошел на снижение, коснулся полотна асфальтированного шоссе. Вега снова нажал какую-то кнопку, взялся за руль. Вездеход плавно помчался по дороге.

— Догадываюсь, о чем вы думаете сейчас,— сказал Вега и опять улыбнулся.— Наверное, о том, как странно выглядит эта машина с торчащими пропеллерами, не так ли? Ошибаетесь, дорогой Браун. Пропеллеры уже исчезли под лакированной поверхностью корпуса. Вот, смотрите!

Он повернул регулятор экрана, и на нем появился длинный элегантный лимузин. Он походил на все другие автомобили и напоминал формой рыбу.

Вскоре машина уже мчалась по улицам Космограда.

Город населяли изобретатели, физики, астрономы, космонавты, техники, летчики, строители... В нем находились научные институты, занимавшиеся исследованием космоса; большие заводы, выпускающие ракеты, самолеты и оборудование для лабораторий, где химики непрерывно совершенствовали новые виды горючего. Здесь работали ученые и инженеры СССР, Болгарии, Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Венгрии, Румынии, некоторых азиатских и латиноамериканских стран. Этот город был своеобразным центром Объединенных социалистических республик — могучего содружества социалистических государств.

— Я живу вон там,— сказал Браун, указывая на небольшой особняк с темными окнами.— Но где мы оставим машину?

— Конечно, не перед вашим домом,— ответил Вега.— На одной из соседних улиц.

— Ну, докладывайте! — приказал Вега.

Удобно расположившись в кресле, он покуривал сигарету, глубоко затягиваясь и медленно выпуская дымок сквозь полуоткрытые губы. Клубы голубоватого ароматного дыма постепенно растекались по комнате. Браун был мрачен.

— О чем докладывать? — хмуро произнес он.— О том, что я за последние месяцы совсем не получал денег, я уже докладывал.

Вега презрительно скривил губы. Он достал из внутреннего кармана пиджака пачку банкнотов и положил ее на стол.

— Благодарю,— униженно пробормотал Браун.— Вы понимаете, как они нужны мне... для лечения. Мне необходимо особое питание. Мои дни сочтены, мистер...

Голос его задрожал. Он не любил рассказывать и даже думать о своей коварной болезни.

— Знаю,— сказал Вега, не сводя с Брауна проницательного взгляда.— Докладывайте обо всем!

— Обо всем, что мне удалось узнать, я уже сообщил по радио.

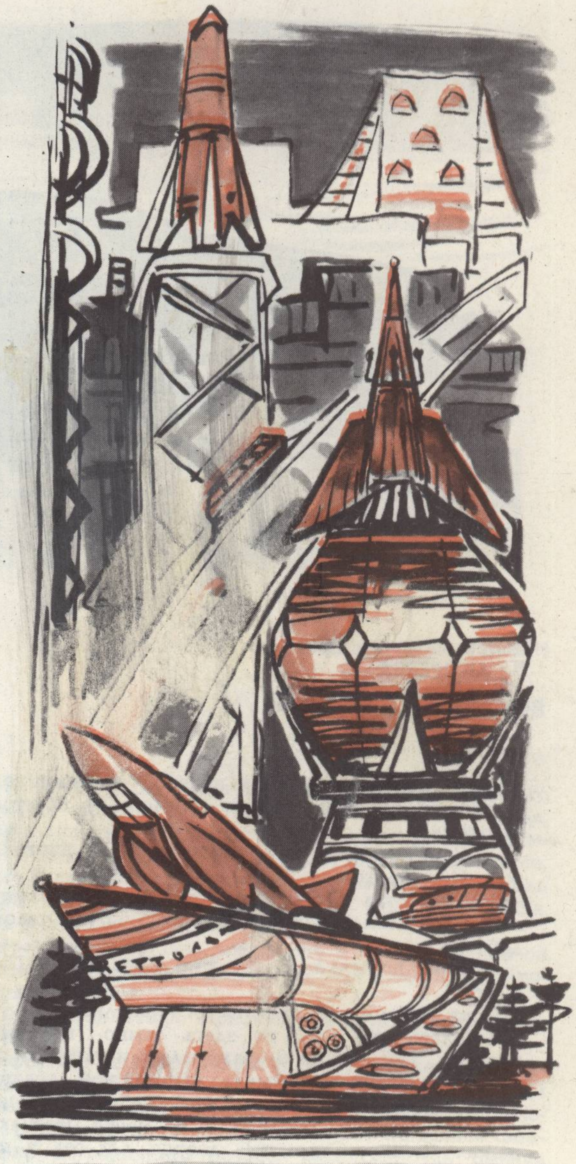
— Только и всего? Но это все равно что ничего!

Браун уже боялся этого человека и вместе с тем не мог не восхищаться его хладнокровием и уверенностью, с какой он говорил и действовал.

— Вы не можете представить себе, с каким странным и скрытным человеком мне приходится иметь дело,— сказал Браун.— У Скрибина нет друзей и приятелей. Абсолютно никаких. За целый год мне только один-единственный раз довелось увидеть его, и то в автомобиле — ехал со своей собственной дочерью. Он не ходит ни в кино, ни в театр. Как живет? Понятия не имею! Я иногда думаю, не ходит ли он переодетым, загримированным. Черт его знает! Странный человек и для нас невероятно трудный объект. В ресторан «Веселые бекасы», где я по вечерам играю в оркестре, не заглядывал ни разу.

Вега слушал и внимательно наблюдал за колечками дыма, которые отрывались от кончика его сигареты. Они быстро росли, теряли форму и незаметно таяли в воздухе.

— Хм! — произнес он.— Но все-таки потерян целый год... У Старика есть все основания быть недовольным!



Город населяли изобретатели, ф

Недели две назад Старик сам позвонил Веге по телефону.

— Друг мой,— сказал он, когда Вега поднял трубку,— мне нужно ваше содействие.

Вега был один в своем кабинете, но по привычке поклонился и раболепно произнес:

— К вашим услугам, сэр!

— Ровно через час жду вас у себя.

Слово Старика было законом. Но закон можно нарушить, можно с помощью хитрого и ловкого адвоката обойти некоторые неприятные статьи. Приказов же Старика никто не осмеливался ослушаться. Он был всемогущ. Его имя не упоминалось в газетах, по радио и телевидению, как имена политических деятелей, бизнесменов и крупных банкиров. На сцене были другие. Он же стоял за кулисами и руководил всем, как опытный режиссер. Никто не знал с достоверностью, какими капиталами он располагает. Но, во всяком случае, это была целая сеть банков, заводов и могучих компаний по эксплуатации земных недр. Были в этой сети и предприятия, занимающиеся производством атомной энергии. Он не был президентом Соединенных государств западного



физики, астрономы, космонавты...

полушария, но его сила и влияние не уступали президентским.

Вега прибыл в дирекцию точно в назначенное время. Лифт доставил Вегу на восемнадцатый этаж. У дверей кабинета его с поклоном встретил лакей, а двое здоровенных парней лет тридцати, которые повсюду неотступно следовали за Стариком, дружески помахали ему рукой. Лакей пригласил Вегу в просторный кабинет.

На письменном столе светилась лампа под зеленым абажуром, напоминавшим лилию. Старик любил тишину, любил полумрак. Может быть, в такой изолированной от мира обстановке ему удобнее всего было вынашивать свои планы. Он — невзрачный, высохший старикашка — сидел за огромным письменным столом красного дерева. Полумрак смягчал черты его лица.

— Присаживайтесь, друг мой,— сказал Старик, указывая на одно из кресел.

Молодой человек почтительно сел. Он находился в обществе могущественнейшего из людей, ворочавшего миллиардами. Его сила превосходила силу целой армии, ибо и сама армия подчинялась его воле.

— Слушайте, друг мой,— начал Старик, сверля Вегу своими маленькими глазками. Он всегда обращался так к Веге: «друг мой»,— может быть, из желания подчеркнуть свое расположение к нему.— Тот тип, который должен был доставить нам планы инженера Скрибина, добился чего-нибудь?

— Пока ничего,— коротко ответил Вега.

Он знал, чем был занят каждый из агентов Старика даже на самом отдаленном и незначительном острове. Еще недавно Вега работал инженером на одном из заводов Старика, выпускающих атомное оборудование «для мирных и других целей». Очень скоро он показал себя ловким и находчивым открывателем очагов недовольства среди рабочих и служащих. С каким-то злорадным самозабвением преследовал он своих коллег, докапываясь до их личных и служебных тайн. Старику доложили о полезных способностях и наклонностях Веги. Он заинтересовался молодым инженером, потребовал, чтобы его и в дальнейшем осведомляли о деятельности Веги, и скоро убедился, что тот мог бы принести гораздо больше пользы на поприще секретной службы. Так Вега — его настоящее имя было Арчибальд Картер — стал одним из руководящих агентов секретной службы.

— Ни-че-го! — протянул с презрением Старик. Его ссохшееся личико сморщилось еще больше.— А в Космограде коммунистические заводы искусственных спутников построили планету и населили ее людьми. Этот инженер Скрибин осуществляет еще более дерзкие планы. Он намерен создать целый город в космосе! Настоящий город, с улицами, заводами, лабораториями! А мы, друг мой, только еще собираемся монтировать нашу планетку — посылаем части. По сравнению с космическим городом Скрибина это гном, лилипут, не больше!

Он замолчал. На лице его отразились досада и недовольство.

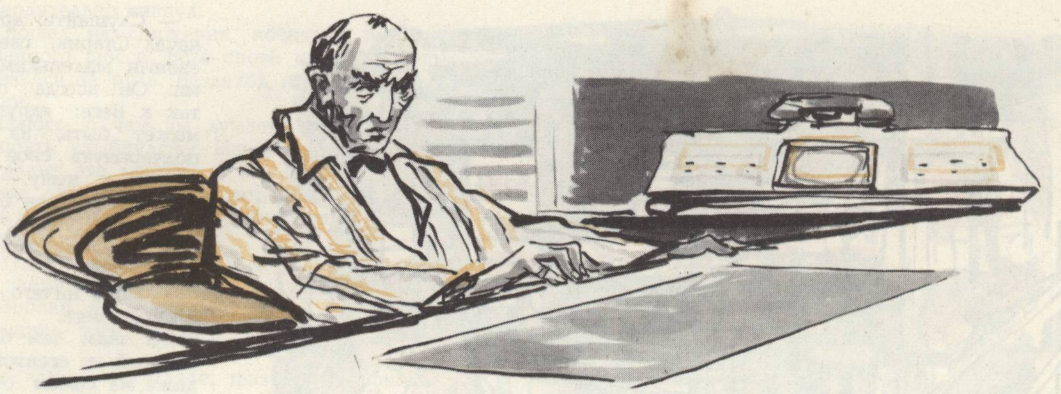
Молчал и Вега. От всего сердца желал он, чтобы Старик завладел чертежами и расчетами инженера Скрибина.

А этот агент Браун — последний негодяй! Напрасно только рассчитывали на него. Он должен был сфотографировать или выкрасть чертежи. Для этого нужно было постараться проникнуть в среду, окружающую инженера, познакомиться с его близкими и сотрудниками, найти доступ какими-то путями к секретному сейфу и похитить чертежи...

— Уже целый год ждем! — заговорил опять Старик.— Топчемся на одном месте, а между тем они строят космический город.

— Неужели уже строят?

— Да. Ракетопланы доставляют металлические конструкции в космос. И нам следует поторопиться,



— Он должен быть нашим гостем любой ценой, ясно?

друг мой. Придется вам взяться за это дело. Лично вам. Ста тысяч долларов достаточно будет? И прелестная вилла на тихоокеанском побережье в придачу! Кроме того, вы получите приличную пожизненную ренту. Займитесь этим делом, друг мой, разработайте подробный план, связанный с пребыванием конструктора инженера Скрибина у нас.

— Он приедет к нам? — невольно прервал этот поток слов Вега.

Старик помолчал, размеренно ударяя ногтями правой руки по стеклу письменного стола, потом ответил с мрачным видом:

— Должен приехать! Приехать для сотрудничества с нашими конструкторами. Надо очень осторожно, очень умело убедить его в необходимости этого, даже если он придерживается иного мнения по данному вопросу, что очень вероятно. Вы меня поняли?

— Понял, сэр! — Лицо Веги залилось краской: он только теперь уяснил себе план Старика.

— Он должен быть нашим гостем любой ценой, ясно?

— Ясно, сэр!

— Мистера Скрибина необходимо окружить исключительным вниманием и предоставить ему все удобства. Причем я к этому делу не имею никакого отношения. Запомните это раз и навсегда!

— Слушаюсь, сэр!

Взгляд Старика был холодным и требовательным. Вега внезапно почувствовал озноб. Этот взгляд был красноречивее всяких слов — он приказывал, требовал беспрекословного подчинения, подавляя в человеке даже инстинкт самосохранения, и Вега знал, что умрет, но выполнит волю Старика.

Старик никогда не скупился и выходил незапятнанным из самой грязной истории.

Он должен был остаться в стороне и во всей этой истории со Скрибиным. Особенно теперь, когда он имел неосторожность поделиться своими намерениями с первым советником президента, с которым отдыхал вместе во Флориде. Советник был весельчаком и приятным собеседником. Он похлопал Старика по плечу, вытянул свои длинные ноги под круглым столиком, за которым они сидели, и добродушно рассмеялся. Нет, Старик страшно наивен. Этих коммунистических ученых не переманишь ни за какие деньги. Старик пояснил тогда, что вовсе не имел в виду подкуп, что можно пригласить Скрибина к ним на работу. «Чепуха! — заметил советник.— Он никогда не согласится». Нахмурившись, Старик заявил: «Я выражусь яснее: мы доставим Скрибина сюда без его на то согласия и уже здесь предложим ему выгодную сделку — не только деньги, но и все условия для работы. Это может сломить упорство даже самого заядлого фанатика». Эти слова, однако, произвели самый неожиданный эффект. Резким движением советник вытащил ноги из-под стола и встал. «Что это вы говорите, сэр? — сказал он озабоченно.— Да это же будет невероятный скандал! Вы хотите вбить клин в нашу политику. Президент никогда не согласится на подобное. Нет! Откажитесь от своего намерения, прошу вас!»

Тон этого ответа был самым категоричным. Советник добавил, что не уведомит президента об этой беседе, так как опасный замысел Старика слишком взволнует его. «Если б вы знали, какие огромные расходы сделаны уже для осуществления этого замысла! — поморщившись, сказал Старик.— В конце концов это вопрос престижа нашей политической системы. Кроме того, как я уже объяснил вам, солидная искусственная планета с лабораториями, космодромом, обсерваториями, складами горючего, продуктов питания и других запасов крайне необходима для наших полетов на далекие планеты, где нас ждут неисчерпаемые богатства, а также для осуществления проектов покорения других звездных систем». «Нет! — категорически повторил советник.— У нас есть свои ученые, свои конструкторы, свои физики! Пусть они постараются достичь всего самостоятельно, а вы предоставьте им свои средства!» «Специалисты-то у нас есть, но до каких пор мы будем ждать у моря погоды? — пробормотал Старик.— Во всяком случае, я учту ваши соображения, тем более, если таково же мнение президента. Считаю этот вопрос исчерпанным!»

Но это был тактический ход.

Старик решил, что Скрибин все равно будет похищен. Только нужно так запутать все дело, чтобы никто и никогда не смог докопаться до правды.

Вега ничего не знал о разговоре, состоявшемся между Стариком и советником, но было нетрудно догадаться, что его шеф, как всегда, постарается остаться за кулисами. И он повторил:

— Да, сэр! Понимаю: вы ничего не знаете о случае со Скрибиным.

— Вы толковый парень, друг мой! — сказал Старик и, всем телом подавшись к Веге, многозначительно взглянул на него.—С этим конструктором вы должны проявить максимум убедительности. Понимаете меня?

— Да, сэр! Он во что бы то ни стало должен работать с нами!

Тонкие губы Старика раздвинулись в довольной улыбке.

— Друг мой, благодарю вас, вы толковый парень!— повторил он.— Значит, вы поедете сами и любым способом доставите инженера Скрибина на Луну, где находятся сейчас наши лучшие конструкторы. Именно на Луне лучше всего приютить нашего гостя, а после видно будет!

Вега сосредоточенно размышлял. Глубокая складка легла между его бровями.

— Сэр,— наконец сказал он,— предположим, что этот... как вы его назвали... Скрибин... прибудет к нам. Ну, а если после этого вспыхнет скандал?

— Вы, повторяю, толковый парень, и, я думаю, мне не потребуется долго объяснять вам. С любым человеком может случиться несчастье, не правда ли?

— Какое несчастье?

— В данном случае речь идет о фиктивном несчастье. Весь мир должен узнать о гибели Скрибина. Инсценируйте какую-нибудь катастрофу, но сделайте это с умом, чтобы никто не усомнился! Согласны?

В этот момент у Веги еще не было никакого плана. Но не мог же он отказать Старику, который осыпал его своими милостями и верил ему. И Вега угодливо произнес:



— Да, сэр! Я сделаю все возможное.

— Я так и предполагал,— хрипло засмеялся Старик.— Мне кажется, что вы быстро пойдете в гору!

— С таким положением дальше мириться нельзя,— сказал Вега, внимательно вглядываясь в унылое, утомленное лицо Брауна.— Теперь перед нами стоит другая задача!

Брови скрипача дрогнули. Известие отнюдь не обрадовало его. Он предпочел бы под тем или иным предлогом уклониться от выполнения опасного задания.

— Давайте обсудим,— продолжал Вега ровным, твердым тоном.— Надо каким-то образом добраться до инженера Скрибина. Вы тут впустую потеряли столько времени, но об этом мы еще поговорим! Что вы можете предложить?

Браун пожал плечами.

— Право... ничего...— промямлил он в замешательстве, ибо никогда не испытывал потребности отличиться. Потом, что-то вспомнив, добавил:— Впрочем, я познакомился с одним человеком, но не знаю, заинтересует ли он вас...

— Меня все интересует. Кто он?

— Шофер Скрибина.

Вега встрепенулся.

— Расскажите о нем!

— Фамилия его Николаев. Иногда поздно вечером он заходит в «Веселые бекасы». Однажды я подошел со скрипкой к его столику. «Извините,— говорю.— Что бы вы хотели послушать в исполнении нашего оркестра?» Он улыбнулся, назвал Шостаковича. Хорошо! Шостаковича так Шостаковича! Ну сыграли, а на следующий раз, когда снова он пришел, мы с ним разговорились. С тех пор, если он бывает в ресторане, я в перерывах подсаживаюсь к нему. Но, увы, мистер Вега. Он говорит о чем угодно, только не о своем инженере. Стоит только заикнуться о чем-либо, имеющем хоть отдаленное касательство к Скрибину, он сразу отмахнется. «Э, бросьте, служба — это служба...» — и больше ни слова. Думаю, что безнадежный случай.

— Безнадежный? — живо переспросил Вега. — Не думаю...

Лицо его озарилось улыбкой — той самой сердечной и подкупающей, которая сразу располагала к нему.

Браун пожал плечами.

— Но чем, в сущности, может помочь нам шофер? В дела он, конечно, не посвящен. Мог бы раздобыть нам документы за хорошую мзду, но, мне кажется, таких людей не подкупишь.— Браун вздохнул и с горечью подумал о себе.

— Слушайте меня внимательно,— сказал Вега.— Мы не будем подкупать этого шофера. И все же он поможет нам. Разумеется, если мы будем действовать ловко и осторожно. Нам уже не нужны чертежи и формулы. Нам нужен сам инженер Скрибин.

Щелкнула зеленая кнопка ночника. Матовый свет залил постель. Браун прикрыл глаза, чтобы привыкнуть к свету, потом достал из-под подушки ручные часы. Три часа утра. Сон в это время обычно самый крепкий. А Браун вот уже часа два ворочался с боку на бок в кровати, тщетно пытаясь заснуть...

Он думал о завтрашнем дне. До сих пор он жил сравнительно спокойно. Но появление Веги перечеркнуло это спокойствие, спутало его мысли, и Браун, как никогда, ощутил грозящую ему опасность. Он устроился в Космограде неплохо. В ресторане «Веселые бекасы» его считали хорошим скрипачом и знали как человека, который живет на широкую ногу, не думая о завтрашнем дне. Все объясняли это его неизлечимой болезнью. Конечно, пусть поживет, как хочется, эти оставшиеся ему два-три года...

Играя в ресторане, Браун с наслаждением слушал звучный голос скрипки. Но и тогда глаза его, полузакрытые, мечтательные, продолжали зорко наблюдать за посетителями. Он был знаком со многими завсегдатаями ресторана. Когда же появлялся случайный посетитель, он невольно вздрагивал и спрашивал себя: «Не за мной ли?»

Опять тревоги, страхи и кошмары... А он жаждал только спокойствия. Играть на скрипке, смотреть людям прямо в глаза, улыбаться им, чтобы взгляд его говорил: «Я честный человек! Честный человек!..»

Иногда ему хотелось убежать из этого города. Замести следы, уехать далеко на восток, например, в Сибирь, или же на Балтийское побережье, или поселиться в какой-нибудь маленькой деревушке в Карпатах. Работу он найдет везде. Но... те все равно отыскали бы его, и он знал это. Даже если ему удастся замести следы, в их руках есть простое средство, чтобы разделаться с ним: пошлют куда нужно документы о его шпионской деятельности. И в результате арест, процесс, позор...

А ведь когда-то Браун был честным человеком.

Окончив школу, он поступил в Берлинскую консерваторию. Жил только музыкой. Мечтал о гастролях в Москве, Ленинграде, Париже, Праге, Софии, Лондоне, Риме... Пока одно событие не перевернуло всю его жизнь.

Все началось в тот день, накануне экзаменационной сессии. Был полдень. Весело посвистывая, перескакивая через две-три ступеньки, он сбежал по лестнице. На улице его очень учтиво остановил какой-то молодой человек.

— У вас прекрасное настроение, герр Вилли фон Браун,— сказал молодой человек с поклоном. Это был настоящий красавец, к тому же элегантный, жизнерадостный.

Браун нахмурился. Сам он никогда не называл себя так пышно. Зачем вспоминать прошлое?

— И ваша матушка не меньше вас счастлива, уверенная в том, что вы успешно выдержите экзамены,— добавил незнакомец.

Браун с удивлением разглядывал его.

Между тем молодой человек продолжал:

— Она уже побывала в цветочном магазине. Заказала роскошные орхидеи. Кроме того, вас ждет еще один подарок — золотой перстенек, который...

Браун покраснел от возмущения.

— Откуда вы все это знаете? Кто вы? И как вы смеете...

Молодой человек еще раз учтиво приподнял шляпу и спокойно сказал:

— Видите ли, фон Браун, я знаю еще очень многое. Я осведомлен даже о таких вещах, о существовании которых вы даже не подозреваете. Извольте взглянуть!

Он достал из внутреннего кармана пиджака фотографию. Браун сразу узнал отца. Сам он никогда не видел его, но дома сохранилось много снимков: вот отец совсем молодой — сборщик налогов, вот он уже представитель оружейной фирмы и, наконец,— офицер со свастикой на рукаве. На фотографии, которую протянул ему незнакомец, Браун увидел его в эсэсовской форме. Но не это было самым страшным. Страшно было то, что в правой руке отец держал пистолет, направленный в затылок женщины, а рядом лежало несколько трупов.

— Я располагаю целой серией подобных фотодокументов, причем есть и еще более любопытные,— промолвил незнакомец.

Отец Брауна погиб в 1945 году. Браун был тогда грудным младенцем. Когда он подрос, ему рассказали, что отец его служил офицером, был ранен при отступлении и умер в больнице, но... мать давно просила сына поменьше говорить о нем.

Браун возмущенно воскликнул:

— Как вы смеете? Это фальсификация! Я не помню своего отца, но...

— Припомните, уважаемый фон Браун,— самым любезным тоном проговорил молодой человек, пряча фотографию.— И я могу помочь вам. Кстати, узнаете кое-какие любопытные подробности из прошлого вашей любимой матушки.



Незнакомец достал из кармана фотографию.

И он достал из внутреннего кармана пиджака другую фотографию. Браун увидел свою мать—молодую, красивую, улыбающуюся, в роскошном наряде. Но на фотографии она была не одна. Рядом с нею стояла сияющая улыбкой женщина, и двое-трое оборванных ребятишек брали из рук обеих дам какие-то пакетики.

— Благотворительность, как видите, уважаемый фон Браун! — с иронией продолжал молодой человек.— Но особенный интерес представляет собой вот эта дама. Узнаете?

— Нет!

— А в то время ее прекрасно знала вся великая Германия. Я надеюсь, вы слышали о Геббельсе и его очаровательной супруге? Или, может быть, вы хотите, чтобы я припомнил вам, кто они такие?

— Слушайте! — взорвался Браун.— Это шантаж! Меня не интересуют ни ваш Геббельс, ни его супруга!

Он сделал шаг вперед, не желая больше разговаривать с этим наглым человеком, однако незнакомец решительно преградил ему дорогу и сказал:

— Как видите, ваша мать была очень близка с этой знаменитой четой. Есть еще подобные снимки. Есть и документы. Ладно, отец ваш рассчитывается за свои грехи в аду, но ваша матушка еще жива, причем она довольно чувствительная старушка, и не слишком ли жестоко будет напоминать ей о прошлом...

Браун был ошеломлен. Оглушен. Он ничего не знал о прошлом своих родителей. Его мать — эта добрая старая женщина с испещренным морщинами лицом...

— Чего вы хотите от меня? — холодно спросил он.

— Моим друзьям не доставит большого удовольствия отправить копии этих фотографий и некоторых важных документов куда следует... Но в награду за молчание вы должны оказать нам небольшую услугу.

— Какую услугу?

— Вы получите чемодан, обыкновенный чемодан, и поедете с ним в Бонн. Я дам вам адрес. Передайте чемодан одному старику. Вот и все.

На следующий день, ровно в десять часов, черное такси остановилось перед подъездом консерватории. Из машины Брауну приветливо помахал рукой уже знакомый ему молодой человек. Браун сел в такси. Чемодан лежал на сиденье. Молодой человек сунул в руку Брауну несколько банкнотов, пожелал ему счастливого пути и ушел.

В тот же день Браун прибыл в Бонн. В небольшом особняке на окраине города его встретил плешивый старик.

— За вами никто не следил?

— Нет! — сухо ответил Браун.

— Слава богу, слава богу!— повторял старик, ощупывая чемодан.— Не было ли каких-нибудь неприятностей в дороге?

— Никаких, уверяю вас,— сказал Браун.

Старикашка склонился над чемоданом, чтобы проверить надежность замка, тот щелкнул, и крышка сама собой распахнулась. Браун увидел несколько автоматов-«шмайсеров». Старикашка быстро захлопнул крышку и вытер выступивший на лбу пот... (Впоследствии Браун не раз спрашивал себя: не было ли все это ловко разыгранной комедией? Вынудили его переправить чемодан с оружием и тем самым вовлекли в свою тайную организацию, сделали соучастником.)

— Не отобедаете ли со мной? — любезно спросил его старичок.

— Нет! Я спешу! — ответил Браун.

— Как вам угодно... В таком случае счастливого пути. И, надеюсь, вы не откажете в любезности захватить с собой в Берлин вот эту коробочку.

Он поднес к глазам Брауна зеленую коробочку с аспирином. Даже открыл ее, и Браун увидел маленькие белые таблетки.

— Слава богу, слава богу,— повторил старик, ощупывая чемодан.



— Сегодня вторник, значит, в четверг, в семь часов вечера, вы пойдете в кафе «Космос» — вы, конечно, знаете это кафе? — и займете столик в углу. К вам подойдет человек, который послал вас сюда...

Пока он объяснял, Браун враждебно наблюдал за ним. Он сознавал, что его хотят втянуть в какую-то опасную авантюру. Что это за люди? Гангстеры? Шпионы?

— Что в этой коробочке? — спросил Браун.

— Аспирин, как видите. Но обратите внимание на эти четыре таблетки в углу. Они ни в коем случае не должны попасть в руки постороннего человека. Особенно, само собой разумеется, в руки полиции. В случае необходимости немедленно проглотите их. Не бойтесь,— с неприятным хохотком добавил старичок.— Они совершенно безвредные, но в них скрыты миниатюрные документы, которые растворятся в вашем желудке, не причинив вам никакого вреда.

Браун отказался взять «аспирин». Старикашка удивленно заморгал глазами.

— Подождите! — сказал он.— Я понимаю вас, но вы оказали нам неоценимую услугу. Если узнают... Но не бойтесь! Мы ни за что на свете не выдадим вас, что вы! Мы джентльмены... Но и вы, разумеется, должны выполнить эту последнюю нашу просьбу. Браун схватил коробку и с отвращением сказал:

— Предупреждаю: это в последний раз. Прощайте!

Дальше все произошло именно так, как сказал старик. Улыбающийся тип явился в кафе «Космос» и получил таблетки. Он тоже заявил, что услуга, оказанная Брауном, неоценима. Незнакомец бесцеремонно сунул ему в карман несколько банкнотов. Браун сначала отказывался, но в конце концов взял деньги, потому что нуждался в них. После этого, однако, молодой человек не ушел, а совсем другим тоном, угрожающим и решительным, потребовал, чтобы Браун принял участие в «одной акции», как он выразился. Он должен был остановить на улице одного человека, которого ему укажут, и попросить у него огонька. В это время к ним подъедет легковая машина, и Браун должен помочь затолкать в нее человека.

— Нет! —сказал Браун.

Он встал и вышел из кафе, подавленный и возмущенный. На улице его остановили двое незнакомых людей, которые учтиво осведомили его, что им все известно. Они попросили его пройти с ними, чтобы обо всем серьезно переговорить. У тротуара стоял автомобиль. Между тем из кафе вышел и молодой человек. Они настойчиво предложили Брауну сесть в машину. Нельзя было отделаться от них...

Машина тронулась. Незнакомцы говорили о неприятностях, которые ожидают Брауна, если он не выполнит их... последнее поручение. Если же он поможет им в этот раз, он будет свободен.

— Вы не держите слова! — сухо ответил Браун.

Они наперебой принялись убеждать его в своей честности и лучших намерениях. Так они кружили по улицам около часу. Наконец Браун прошептал:

— Ладно... в последний раз.

— В последний раз! — удовлетворенно воскликнул улыбающийся молодой человек.

Так Браун стал сотрудником одного шпионского центра. Каждый раз он говорил себе, что «это» в последний раз, а потом он навсегда порвет с двуличной жизнью, с таким подлым существованием. Его господа все время повторяли ему, что услуг, которые он оказал им, достаточно, чтобы его повесить, кроме того, он не должен изменять идеям, за которые погиб его отец...

И Браун уступал.

Он окончил консерваторию и несколько лет работал скрипачом берлинской эстрадной труппы. Нелегкой была его двойная жизнь. И, может быть, от тоски, страха и вечной подавленности он тяжело заболел. Врачи скрывали от него правду. Браун был уверен, что у него язва желудка. Но однажды совсем случайно он узнал о своем безнадежном состоянии — у него был рак. Его оперировали, подлечили, но из тихой белой больничной палаты он вышел похудевшим, отчаявшимся.

Из «центра» ему сообщили, что для него подыскали работу в отдаленном приморском городе у подножия гор. Такая перемена в жизни Брауна и новый климат окажут благотворное действие на его здоровье. Он отказался уехать из Берлина, хотел умереть в родном городе. Но ему пообещали чудодейственное лекарство, которое его наверняка вылечит. Кроме того, если он выполнит и это поручение, ему предоставят свободу и он сможет жить, где захочет, и делать все, что ему вздумается. На этот раз ему предстояло сблизиться с инженером Скрибиным и завладеть секретными чертежами, связанными с постройкой города в космосе. За выполнение этого задания ему было обещано большое вознаграждение. Браун долго колебался. Он уже было свыкся с мыслью о смерти, и вдруг ему предлагают, может быть, исцеление. Что ж... почему бы и не попробовать.

Светало. Браун лежал неподвижно и смотрел в окно, как рождается новый день. Ему хотелось верить, что день будет прекрасным, исполненным жизни, свежим и вечным. Было тихо. Но вот под окном зачирикали воробьи. Браун вздохнул. Он позавидовал птицам: беззаботные, отыщут несколько зернышек или хлебных крошек — и довольны.

Он повернулся лицом к стене и притих.

В дверь постучали. Браун сказал:

— Войдите!

Это был Вега. Слишком широкая пижама Брауна придавала ему довольно забавный вид.

— Как спали? Доброе утро! — весело сказал Вега и, не дожидаясь ответа, продолжал:— Я все обдумал... План готов. Посмотрим, понравится ли вам. Но сначала бриться и завтракать. Пора, друг мой, вставайте!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ



Спешите, ребята,
Открыта палата,
Палата ума для ребят.
Бросайтесь, как тигры,
На новые игры,
На войско задач и шарад.
Смелей, хитроумцы
с упрямыми лбами.
Палата ума не музей!
Без всякого спроса
хватайте на память
Все то, что понравится в ней.



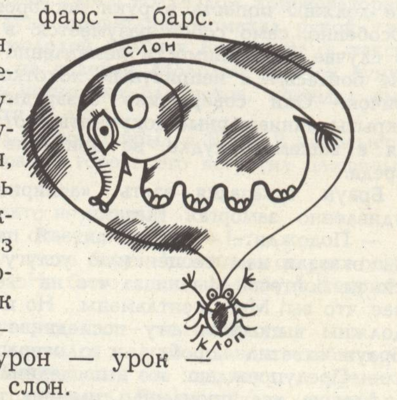
БУК ВА ЗАБ

Можете ли вы сделать из ежа ужа? Я тоже сначала не мог, но потом догадался, что это очень просто. Достаточно взять и заменить в еже **е** на **у**, вот так: еж — уж. С такой же легкостью кот превращается в вола: кот, кол, вол. В этой игре два строгих правила: в первом и во всех следующих словах можно заменять только по одной букве и «принимаются в игру» лишь имена существительные в единственном числе. Теперь вы уже можете сами попробовать превратить, ну, скажем, волка в лося. Еще не решаетесь? Это же совсем несложно! Смотрите, волк ведет себя очень послушно: волк — воск — лоск — лось. Потруднее, конечно, сделать из лисы барса, но и это все же вполне возможно: лиса — липа — лапа — папа — пара — тара — фара — фарс — барс.





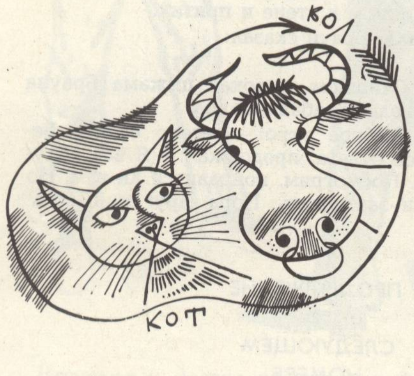
Однажды я попытался, действуя таким образом, превратить клопа в слона. Думаете, что ничего не получилось? Ошибаетесь, хотя, конечно, пришлось перебрать много слов, потому что каждому ясно, что сделать из клопа слона — длинная история: клоп — клок — блок блик — блин клин — клан — кран — уран — урон — урок — срок — сток — стон — слон.



Попробуйте теперь превратить муху в моржа. Выигравшим будет считаться тот, кто сумеет проделать эту операцию, прибегнув к наименьшему количеству слов. Вы и сами можете загадывать себе и своим друзьям такие «буквазабы» (буква за буквой), но берите для этого слова, во-первых, с одинаковым числом букв, во-вторых, не очень длинные, чем короче, тем лучше. А то я как-то задумал превратить гориллу в человека, — бьюсь над этим третий год, и ничего у меня не получается. А из мухи моржа я сделал довольно быстро.

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки Виталия СТАЦИНСКОГО







Барон Мюнхаузен, который, как вы помните, не отличался излишней скромностью и любил прихвастнуть, рассказал однажды своим друзьям такую историю:

— Года два назад меня занесло в далекую страну, на языке которой я не понимал ни единого слова. В гостинице мне подали меню, я, разумеется, мог прочесть названия блюд, но убей меня бог, если я знал, что эти названия означают. И, как назло, мне сразу приносили одновременно все блюда, которые я заказывал.

В первый день, решив действовать напропалую, я выбрал «мач» и «кули». Мне принесли рисовый суп и пирожное. На второй день я потребовал себе «амали», «мач» и «ахи». И официант подал мне: рисовый суп, бифштекс и компот. В третий раз я попросил «ахи» и «пуро». На столе передо мной оказались бифштекс и печеные яблоки.

И вот, господа, уже на четвертый день ваш покорный слуга смело заказал себе обед из трех блюд—«мач», «ахи» и «кули», прекрасно зная заранее, чем ему предстоит утолить свой голод.

Как вы думаете, соврал ли и на этот раз барон Мюнхаузен или рассказал правду? Мог ли он знать, что ему подадут? Какие же это будут блюда, по вашему мнению?

Спасите басню!

ОДНАЖДЫ

Однажды лебедь, рак и щука,
Тигр, осьминог, улитка и гадюка,
Крот, жаба, лось, енот, проказница
мартышка,
Осел, козел и косолапый мишка,
Вол, кашалот, орел, жираф и соловей,
Еж, буйвол, стрекоза и муравей
. . . . сом, майский жук, удод
. . . . Куница, ястреб и койот
. . . . Волк, лис, пантера и питон
. . . .
Чиж, каракатица, хорек,
Индейка и морской конек,
Акула, слон, горилла, куропатка,
Уж, крокодил, верблюд, стерлядка,
Четыре пескаря,
Блоха, гиппопотам...
Короче говоря,
Нет воза ныне там!



Внимание! Внимание! Из четырех строк этой басни сбежали сом, волк, лис, питон, краб, удод, майский жук, колорадский жук, попугай, пантера, ястреб, бизон, куница и койот. Мы будем благодарны тем, кто водворит их на место, расставив в таком порядке, чтобы соблюдался стихотворный размер и каждые две строчки рифмовались.

Спасите басню!

Из записной книжки Смехотрона

ЗА СТОЛОМ

— Пьер, не лезь в блюдо руками. У тебя что, языка нет?

— Есть, мама, но я же им не дотянусь!

КОМУ ДОСТАНЕТСЯ СОБАЧКА

Проходя по улице, священник заметил нескольких мальчишек, столпившихся вокруг какой-то дворняжки.

— Что вы здесь делаете, дети мои?— отечески спросил он.

— Врем,— ответил один из мальчишек.— Тому, кто соврет лучше всех, достанется собака.

— Какой ужас!— воскликнул священник.— Когда я был в вашем возрасте, у меня даже в мыслях не было сказать неправду.

— Вы выиграли!— хором завопили мальчишки.— Собачка ваша!

ТОЧНО ПО РЕЦЕПТУ

Во время обеда мать говорит дочери:

— Мне кажется, что мясо не доварилось.

— Как? — возразила дочь.— Я его готовила точно по рецепту. Один килограмм мяса нужно варить один час, а я купила полкило и варила его полчаса.

СМОТРЯ КАК РАЗДЕЛИТЬ

Учитель:

— Что ты получишь, если разделишь восемь на две части?

Ученик:

— Смотря как разделить. Если поперек, то получишь два нуля, а если вдоль, то две тройки.

БЕРУТ СИЛОЙ

Школьница, вернувшись после летних каникул из деревни, рассказывает подруге:

— Это вранье, что коровы дают людям молоко. Люди силой его отнимают.

НАХОДЧИВЫЙ ПРОДАВЕЦ

В парижскую антикварную лавку входит американский турист и, увидев мраморный бюст Людовика XVI, спрашивает:

— Сколько?

— Пятьдесят тысяч франков.

— Это дорого. Ведь сразу видно, что голова была отбита, а затем приклеена.

— Ну и что же? Разве вы не знаете, что Людовик был обезглавлен?

СПРАВЕДЛИВО ЛИ ЭТО!

Сын:

— Папа, неужели ты считаешь справедливым наказывать кого-нибудь за то, чего он не сделал?

Отец:

— Конечно, нет.

Сын:

— Ну вот, а учительница наказала меня за уроки, которые я не сделал.

Мы обещали вам подсчитать и опубликовать в этом номере ваши, ребята, ответы на наши вопросы про повести, рассказы и прочее. Так вот, ответов так много, что подсчет затянулся, и раньше четвертого номера мы не успеем. А в четвертом обязательно сделаем.

СОДЕРЖАНИЕ

●

●

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

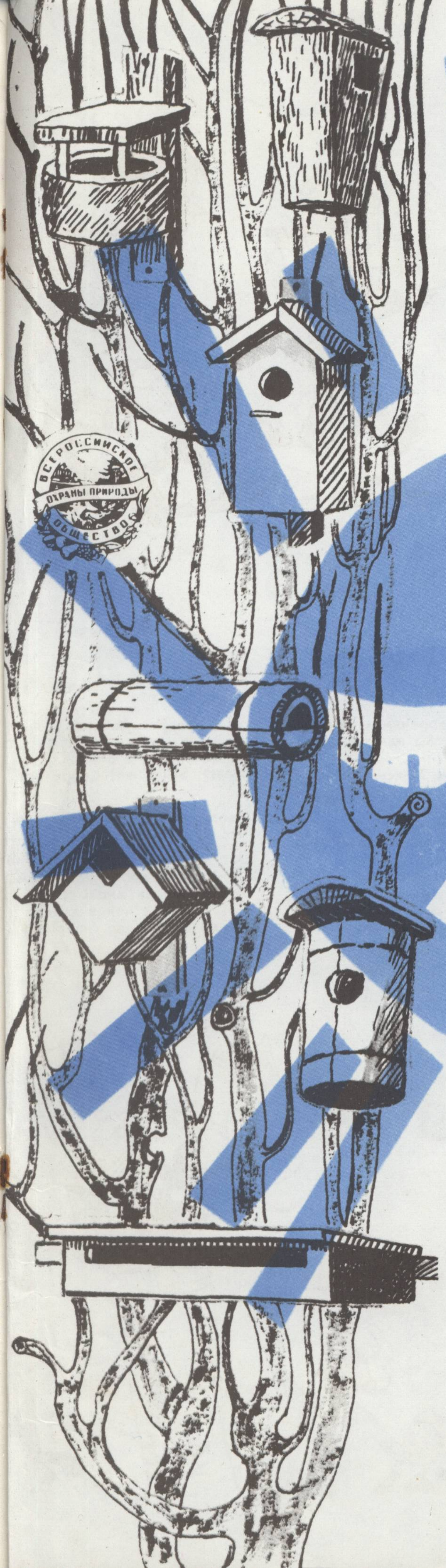
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00019. Подписано к печати 13/II 1968 г. Формат бумаги 60×84 1/8. Объем 9,33 усл. п. л. Тираж 934 400 экз. Изд. № 407. Заказ № 421.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Птицы— наши друзья





Они гроза для вредных насекомых и грызунов.
Так, одна сова съедает за лето до тысячи серых полевок и мышей.
За семьдесят дней гнездования две тысячи взрослых чаек и три тысячи их птенцов уничтожают более полумиллиона сусликов, шестьдесят тысяч полевок, девятьсот тысяч жуков. Одна синица за год уничтожает до шести с половиной миллионов яиц вредных насекомых, а мухоловки за месяц — до четырех миллионов яиц гусениц. Взрослая кукушка за час съедает сто гусениц, а охотятся птицы летом не меньше пятнадцати часов в день. Вот и подсчитайте, сколько за день кукушка съедает гусениц. Полторы тысячи! А синица — пятьсот вредителей. Даже крохотный королек за год уничтожает до шести миллионов мелких вредных насекомых.
Ребята! Скоро «День птиц». Хорошо бы построить так много птичьих домиков, чтобы их хватило на целые птичьи городки!
Когда вы выйдете на улицу с гнездовьями, пусть ваша колонна будет самой красивой, самой нарядной, пусть у каждого из вас в руках будет скворечник, синичник или дуплянка.

Цена 25 коп.

Индекс 70694

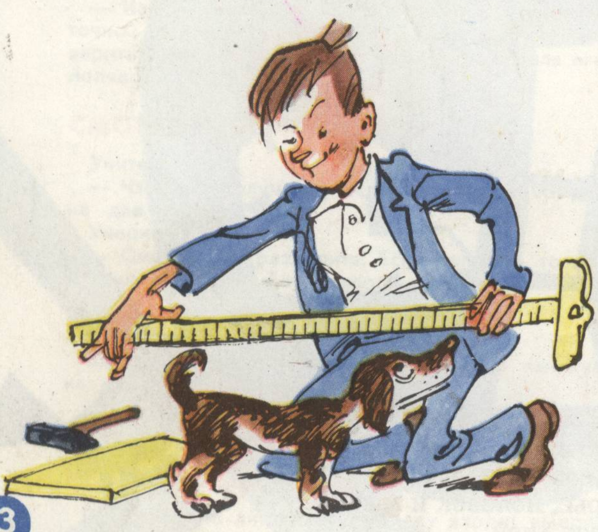


1



2

Просто здорово!



3

1 — Мы скворечни мастерим,
Ты помог бы нам, Максим!

2 Тут же им Максим помог,
Но большой ли будет прок!
Кошка — прыг!
И от скворчат
Только косточки торчат!

3 И сказал щенку Максим:
— Ну-ка, дай сообразим!
А щенок ему в ответ:
— Ты-то умный, спору нет.

— Я прекрасную идею,—
Говорит Максим,— имею.
А щенок ему в ответ:
— Ну, а как же! Спору нет.

4 Гвоздь забит в доску толково,
Что задумано, готово.

5 — Друг щенок, ты пес-герой
И поэтому за мной!
Вот теперь в конце концов
Вы не бойтесь за скворцов!



4



5

Рисунок Ю. Узбякова.